

III

Самый Главный Дом

Главное городское здание — Городской торговый корпус — было первой «собственной» стройкой города, получившего права полного городского управления в 1909 году. Дом стал и местом расположения органов городской власти и первым «торгово-офисным» комплексом в центре города. Несмотря на все реконструкции, ему удалось сохраниться практически в неизменном виде. По крайней мере — внешне.

До того, как за городом признали наконец-то «полные городские права», своего здания у городского самоуправления не было. Довольствовались вторым этажом в двухэтажном кирпичном доме на улице Кузнецкой

(сейчас — ул. Ленина), на первом этаже находились Сиротский суд и городская библиотека имени Чехова. Новоизбранная городская Дума одним из первых приняла решение о строительстве в городе 13 кирпичных школ. И здания Городского корпуса...

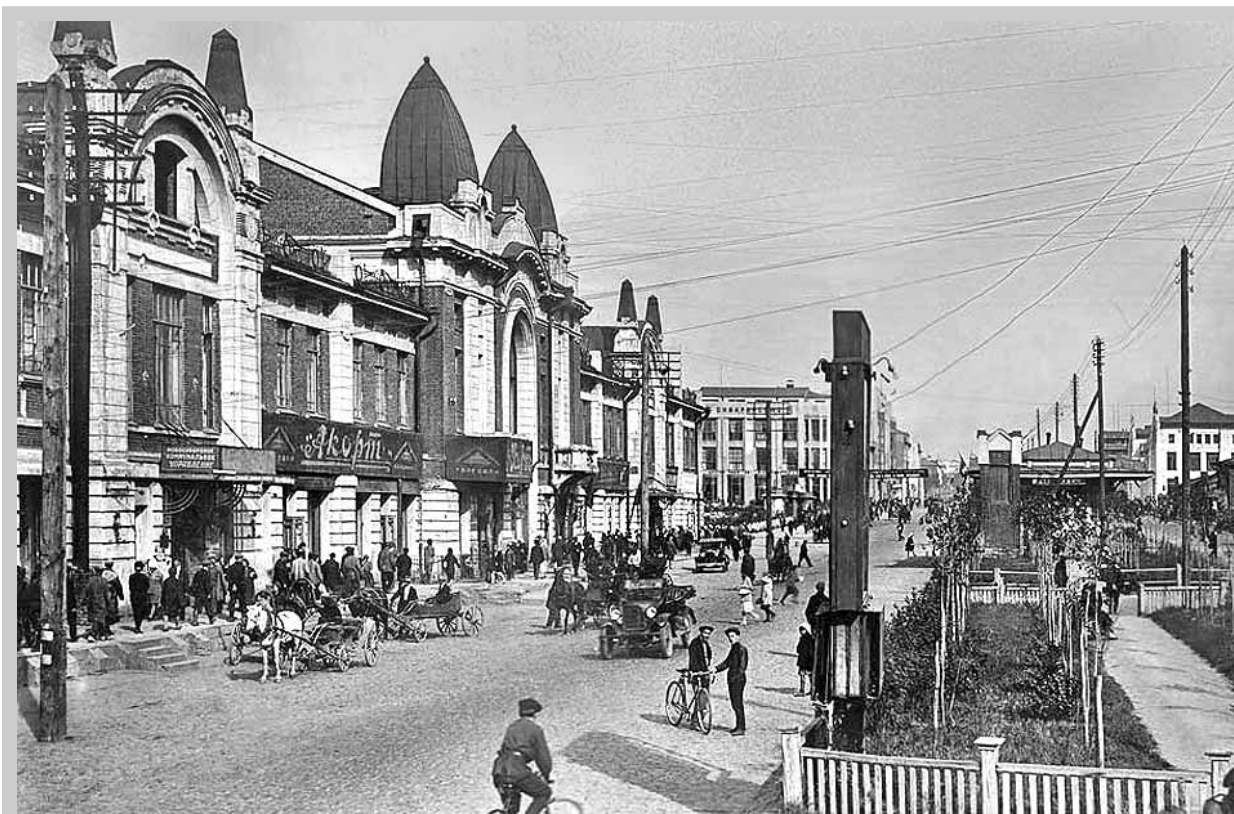
Андрей Крячков, которому было поручено исполнение заказа, справился с задачей блестяще. За какие-то пару лет в городе выросли и школы (кстати, в Новониколаевске было обязательное начальное образование) и Главный Дом. В который городская власть и переехала, освободив помещения на Кузнецкой под учительскую семинарию (сейчас на этом месте — всем известный «Универсам», во время строительства которого всю историческую застройку квартала снесли).

Крячков потрудился на славу. Центральный дом города был поистине уникальным. Первый этаж был отдан под магазины и конторы (доходы от аренды шли в городскую казну). Это был, похоже, первый случай строительства «модульных» офисных помещений.

«Патриарх» истории новосибирской архитектуры Сергей Баландин писал: «Сами магазины, отделенные друг от друга капитальными стенами, представляли со-

Площадь Сталина, 1940-е годы

Городской торговый корпус на Базарной площади, 1920-е годы

бой прямоугольные ячейки около 136 кв. м по площади и высотой в 4,7 м. При необходимости каждое помещение можно было делить стеной на две части с отдельными выходами на Николаевский (сегодня Красный. — А. К.) проспект и на площадь (Ярмарочная площадь — сегодняшний Первомайский сквер. — А. К.).»

В подвале были помещения для складов, а также собственная котельная и собственная электростанция. Вторым этаж заняли городская Дума, управа, казначейство и отделение Государственного банка. В двусветном зале на 1000 человек, самом большом в Новониколаевске, проводились и общественные мероприятия, и спектакли гастролировавших по Сибири артистов.

Цветовое решение фасада дома тоже было уникальным для города. Серый цвет — гранит цоколя, красный

— неоштукатуренный кирпич (кстати — собственного, новониколаевского производства) и зеленая крыша. Вкусы и впечатления, конечно, со временем меняются.

В 1917 году один лихой городской фельетонист мечтал на газетных страницах об изменениях, которые произойдут лет через двадцать: «Вот Городской Корпус. На него наделали еще три этажа, и из тяжелого массивного корпуса получилось изящное стройное здание». Оставим лексику и оценки прошлому. Большое видится на расстоянии — и слава Богу, что привелось увидеть здание без «наделываний».

А вот и новые оценки: «Здание представляет прекрасный образец архитектуры рационалистического модерна — и, несомненно, одно из лучших сооружений, определяющих лицо города» («Каталог памятников истории, ар-

хитектуры и монументального строительства г. Новосибирска», Н., 1998 год).

Впрочем, скандалы вокруг Городского торгового корпуса (ГТК) происходили, и не из-за его архитектурных достоинств и недостатков.

Депутаты городской Думы не раз задавали городскому голове вопросы — как это так получилось, что подряды на отделку ГТК получили люди, «лично знакомые» отдельным депутатам и чинам управы? Почему цена работ внезапно выросла в разы, составив вместо десятков сотни тысяч рублей?

Депутаты говорили: «Будущей Думе надо быть аккуратнее в уплате по обязательствам. Деньги должны вноситься вовремя. До сих пор мы были неисправны, денег вовремя не вносили. Это может подорвать кредит и пагубно отозваться на городском хозяйстве». Ссуду на строительство ГТК в 256 тыс. руб. дал в 1910 году городской Думе Сибирский торговый банк. И, наверное, крикнул от удивления, когда переехавшая в давно отстроенное здание еще в 1912 году мест-

ная Дума взяла кредит в 1913 году у Общества взаимного страхования как раз на то, чтобы покрывать «сибторговский» заём на постройку.

Как город отдавал долги — можно судить по тому, что этот кредит был взят на 40 лет под 5% годовых, причем остаток долга города СибТоргу еще в 1915 году составлял 246 тыс. 400 руб. Кстати, в том же 1915 году под еще один кредит «на текущие расходы» в 350 тыс. руб. Дума здание Городского торгового корпуса... заложила Ярославско-Костромскому земельному банку.

То есть городская власть сидела в помещениях, за постройку которых не расплатилась, так же, как и за кредит, взятый на покрытие кредита на строительство; а потом еще и само здание оказалось заложенным...

Февральская, а затем и Октябрьская революция 1917 года городскую власть и ГТК просто спасли, «аннулировав» кредиторов. Парадный зал ГТК в феврале 1917 года стал местом событий чрезвычайных, почти театральных. Зачтение телеграммы об отречении Государя Императора; коленопрек-

Городской торговый корпус, 1930-е годы

лоненное поднесение полицейской «селедки» полицеймейстером Бухартовским новой власти, «которой он будет служить так же честно, как служил старой» (от ссылки на фронт в солдаты его это не спасло); создание Комитета общественной безопасности, а потом и Совдепа...

В «Энциклопедии «Новосибирск» утверждается, что ГТК «являлся главным административным зданием Новониколаевска до 1917 года». Это не совсем так.

И «красные», и «сибирцы», и «колчаковцы», и снова «красные» занимали попеременно помещения в центральном городском здании до начала 1920-х годов.

Постепенно власть установилась окончательно, отстроила для себя новые здания.

...В 1970-80-х годах в ГТК был магазин электронной техники «Орбита». Его очень любили новосибирские «самodelкинны». В самом магазине, собственно, из радиодеталей купить было ничего невозможно — за их отсутствием. Зато со стороны Первомайского сквера всегда стояли услужливые товарищи неприметного вида.

Все, наверное, помнят, как в фильме «Иван Васильевич меняет профессию» Шурик, сторонясь милиции, покупал необходимые транзисторы для своей машины времени у некоего «жучка». Такие же стояли в Первомайском сквере, за «Орбитой». И так же распахивали полы пиджака, демонстрируя приколотый изнутри весь необходимый ассортимент электронных чудес.

Был в ГТК еще и ресторан — с аналогичным названием «Орбита». И пристрочка — со стороны южного фасада. Которая в разные годы называлась то «Ветерок», то «Минутка». Рюмочная, где под 150 грамм водки можно было взять вареную сосиску и крутое яйцо. Позднее с мясом вообще и с сосисками в частности в стране возникли очередные временные перебои, и на закуску подавали плавленый сырок «Дружба».

Про посетителей пристройки ходила шутка: «С «Ветерком» — и на «Орбиту»!».

С началом повальной «борьбы за трезвость» стало понятно, что вываливающиеся из-за столиков прямо под окна нынешнего здания городской власти (горисполкома и горсовета) ресторанные посетители — отнюдь не лучший фон.

ГТК отдали Краеведческому музею. И это было наиболее правильное решение. Несмотря на то, что дом изуродовали строительством входа в метро. Что ликвидировали сквозной проезд, который был в его центральной

части. Что снесли и не восстановили пожарную башенку-каланчу. Что не сохранили надписи на картушах южного торца: «Городской торговый корпус», «Основан лета 1910»...

Зато «навесили» зданию «сувенир» — мемориальную табличку о том, что, дескать, именно здесь была провозглашена Советская власть в 1917 году. Беда в том, что мемориальная табличка с соответствующим текстом всегда висела на доме по адресу Красный проспект, 21.

Дом снесли в связи со строительством на весь квартал от ул. Горького до ул. Чаплыгина «Дома одежды» (и «высотки» оборонного НИИ измерительных приборов).

Но Советская власть не могла быть провозглашена где-то в пустоте — и ГТК получил «наследственную» табличку.

Не знаю, как на ваш взгляд, но, по-моему, ГТК действительно красавец.

Кирпичные «матрешки» Новониколаевска

«Деревянная точеная фигурка невольно привлекает внимание яркой раскраской и вызывает улыбку. Фигурка разнимается, и вдруг возникает другая, меньше размером, но более красивая».

«Matryoshka. Russian souvenir». М., 1969 г.

Историческая застройка старого Новониколаевска сокращается с каждым годом — даже дома считающиеся памятниками истории и архитектуры, всеми правдами и неправдами попадают под снос.

Однако остались в городе исторические здания, которые от сноса «замаскировались». Спрятавшись, как в своеобразную «матрешку», в совсем другие дома, но при этом — сохранившись.

Самая известная городская «матрешка» — это, конечно, детская городская клиническая больница скорой помощи № 3 на Красном проспекте, 3. Собственно, новониколаевская «матрешка» этого здания — городское реальное училище им. Дома Романовых. Построенное по проекту архитектора Андрея Крячкова, оно было освящено и приступило к работе с конца октября 1912 года.

Это было крупнейшее (вместе с Городским торговым корпусом) здание центральной части города. Историк городской архитектуры Сергей Баландин цитировал отклики современников постройки: «Всем бросились в глаза простор, обилие воздуха и света» (С. Баландин, «Новосибирск. История градостроительства 1893-1945 гг.», Н-ск, 1978).

Чего здесь только не было! Своя церковь, физическая и химическая лаборатории, библиотека, собственный врачебный кабинет, рисовальный и чертежный классы, естественно-исторический кабинет, свои теплица (прообраз будущего Ботанического сада) и обсерватория. Название подвело — и, несмотря на свое гуманитарное предназначение, после смены власти здание неоднократно меняло «владельцев».

Здесь были штабы и квартировали воинские части и «красных», и «сибирцев», здесь были Сибревком и Сиббюро ЦК РКП(б).

Даже Сибон (Сибирский отдел народного образования) располагался здесь. Учащихся выселили — мест для педчиновников не хватало, что уж говорить о такой «мелочи», как ученики.

В 1929 году здание надстроили на два этажа, «придавив» внешне и, как казалось, навсегда «подавив» память о неугодном училище. Но куда ж деть ту самую изначальную училищную «матрешку» сегодняшнего здания!

1912 год. Красный проспект, 3 – реальное училище имени Дома Романовых, самое большое учебное заведение дореволюционного Новониколаевска

Сейчас в бывшем здании реального училища размещается муниципальная детская клиническая больница скорой помощи № 3

И сегодня здание реального училища прекрасно видно в здании детской больницы. Башенки-обсерватории давно нет, но никуда не делись арочные оконные проемы актового зала бывшего училища — по ним легко «читается» контур старого здания. Хорошо хоть, в итоге то, что для детей создано было, детям сегодня и помогает.

Еще строящееся реальное училище было упомянуто в «Справочнике по г. Ново-Николаевску на 1912 г.», выпу-

щенном Николаем Литвиновым в собственной типографии. Сегодня типография эта, где в 1906 г. была основана и напечатана первая городская газета «Народная летопись», тоже одна из городских «матрешек».

Деревянное здание типографии сгорело в пожаре 1909 года, но Литвинов отстроил кирпичную двухэтажную типографию, рядом с которой и жил сам.

Это — здание на углу ул. Воронцовской (сегодня — Свердлова) и Кабинетской (Советской). После достройки дополнительных площадей по Советской, а потом и надстройки еще одного этажа здание долгое время использовалось как издательство и типография основных городских изданий — газет «Советская Сибирь» и «Вечерний Новосибирск». Сегодня в здании — областная научная библиотека. Но литвиновская «матрешка»-типография из нового дома никуда не делась.

Как никуда не делось и двухэтажное здание новониколаевского представительства Богородско-Глуховской мануфактуры, также, как и реальное училище, построенное по проекту Крячкова, но уже к 1916 году. И все вроде бы сделали, чтобы ту, изначальную «матрешку» спрятать. И два этажа надстроили, и в городской почтамт (на углу сегодняшних ул. Советской и Ленина, бывш. Кузнецкая) переделали.

И, напоследок, во время недавнего капитального ремонта убрали две, казалось бы, последние приметы старого здания. Избавились от воробьев, живших со времен незапамятных под потолками огромных помещений отдела выдачи посылок и бандеролей. О судьбе птичек, воровавших марки, клевавших сургуч и скрывавшихся под бесконечными потолками (куда никакой шваброй не дотянуться) боюсь даже думать. А также снесли металлические жалюзи, стоявшие на фасадных окнах со времен постройки. Заменяли стеклопакетами, ну а жалюзи, наверняка, просто пошли в металлолом.

Но куда деть гранитные «богородско-глуховские» сту-

Здание городского почтамта до надстройки, 1910-е годы

Строительство жилого дома по ул. Урицкого, 1950-е годы

пеньки центрального входа? Жива «матрешка», жива и видна.

Так же, как и здание Сибирского торгового банка на Гудимовской (сегодня — Коммунистическая, 35). Его передали трикотажной фабрике и надстроили под административный корпус. Прогуляйтесь и посмотрите — новониколаевская «матрешка» со своим полукруглым оформлением входа, специфическим профилем окон второго

этажа до сих пор живет своей, отдельной, жизнью.

Так же, как и дом семьи новониколаевского хлеботорговца Арона Кагана. Одноэтажное кирпичное здание занимало целый угол на углу улиц Гудимовской и Гондатти (сегодняшних Коммунистической и Урицкого). После достройки второго этажа оно превратилось в роддом № 1, сегодня — Центр планирования семьи и репродукции. А когда-то в нем, жилом доме, проживало всего ничего — семейство владельца дома из 6 человек и 4 человека прислуги.

Но самое, пожалуй, интересное из новониколаевских домов-«матрешек» — здание между нынешними ул. Октябрьской и Коммунистической. Оно одно занимает все это пространство по адресу Красный проспект, 13.

Дом, построенный в начале 1930-х годов как здание сотрудников «Сибстройпути», «втянул» в себя аж три здания новониколаевской постройки. Два кирпичных двухэтажных дома той постройки — сегодня ризалиты (выступающая за основную линию фасада часть) нового здания. Деревянное здание (на месте сегодняшнего шестизэтажного уровня «квартального» дома) было снесено.

Мне посчастливилось общаться с ведущими инженерами-проектировщиками города 1980-х годов, и с одним из них мы разговорились именно про историю строительства этой «квартальной» «матрешки».

«Там просто деревянный дом до фундамента снесли, а у соседних, кирпичных, только крыши сняли и надстроили». Я машинально спросил — так, наверное, проблем было много — фундаменты пришлось усиливать?» «Зачем? У них, у фундаментов, запас прочности практически не ограничен. Тесаный камень и кирпич по верху. Там и 12 этажей без опаски можно было строить, но дом «Сибстройпути» и тогда небоскребом казался».

«Неограниченный запас прочности фундамента...»

Чтобы понять, что это значит, достаточно посмотреть на попытку надстроить дом советских времен постройки по Октябрьской, 40. Дом пришлось усиливать мощными внешними стальными балками. И то — не помогло, пошли трещины.

А кирпичные домики старого квартала между бывшими ул. Гудимовской и Болдыревной занимали помещения Русского Внешторгбанка, часовой магазин торгового дома Ициксон, представительство страхового общества «Саламандра», канцелярский магазин, кофейня, магазин готового платья...

В снесенном деревянном доме была аптека Павла Ков-

нацкого и на втором этаже — городское женское училище. Их, эти кирпичные здания, ничем не «усиливали» при достройке — необходимости не было. И домики-«матрешки» живут до сих пор.

Когда вы входите в сегодняшние магазины по этому адресу — попадаете в старый Новониколаевск.

Неслучайно, что когда сносили городскую тюрьму на Александровской (сегодня — Мичурина), ее фундамент не тронули. Сегодня на нем стоит Речное училище. «Неограниченный запас прочности фундамента» очень удешевлял дальнейшее строительство.

«Служивые» квартиры

С жилплощадью в быстрорастущем городе проблемы были всегда. Жилья как не хватало, так и не хватало. Тем не менее, есть категории, для которых квартиры находились всегда — ответработники, дворники и спецслужбы.

Последние, естественно, использовали дефицитные квадратные метры не для проживания, а для абсолютно специфических целей. Их описание осталось как в литературе, так и в документальных воспоминаниях.

В июне 1921 года по постановлению Сиббюро ЦК РКП(б) в Новониколаевск, ставший не только центром одноименной губернии, но и «столицей Сибири», переводятся все органы партийного и государственного управления сибирских территорий.

Население 68-тысячного города одномоментно увеличилось почти на 14 тысяч человек — практически на четверть. Это при том, что за годы двух революций и Гражданской войны в городе по понятным причинам никакого строительства не велось.

Да и «новоприбывшие», в отличие от коренных горожан, не собирались заниматься строительством для себя

ни землянок, ни домов. Люди занятые, они ехали «на готовое». 1 июля 1921 года комиссия при Сибревкоме по разрешению «внезапно» возникшего в городе острого жилищного кризиса разрешила его очень просто... Постановив принудительно выселить из города «элементы, не занятые общественным трудом». Тут же разъяснялось, что под таким «элементом» подразумеваются те, кто не работает в госучреждениях и на предприятиях. А также лица буржуазного происхождения, прибывшие в город с запада в период колчаковщины и в течение первого месяца Советской власти в городе с востока».

Постановление опубликовали в «Советской Сибири», но на разрешение «квартирной проблемы» оно практически не повлияло. «Выселенные» срочно обзаводились справками «с места работы», а город привык к двум новым словам — «подселение» и «уплотнение». Ну, а реквизируемая жилплощадь перешла в разряд «служебного» жилья. Которое могли дать, а могли и отобрать.

Но кому «служебное» жилье давали безо всяких вопросов — так это дворникам. Как раньше, так и сейчас. Типичную дворницкую 1920-х годов, описанную Ильей Ильфом и Евгением Петровым в «Двенадцати стульях», все прекрасно помнят и по книге и по фильмам.

«Спать было не на чем. В дворницкой стоял запах гниющего навоза, распространяемый новыми валенками Тихона. Старые валенки стояли в углу и воздуха тоже не озонировали».

Но это все же было жилье — отдельное, хоть и «служебное», но почти свое... Кстати, «жилищная проблема» в романе описана с репортерской точностью. Завхоз 2-го дома Старсобеса «голубой воришка» Альхен живет хоть и в отдельных комнатах, но здесь же, по месту службы. А вся «радость», которую он сумел предоставить четверем своим братьям и двоюродному племяннику супруги, — проживание в доме «на полных старушечьих правах». То есть — казенные кровати и казенные одеяла с надписью «Ноги».

Но это все были мелочи — главное, что «полулегальное» проживание в доме, в «служебном» жилье давало долгожданную прописку, без которой у милиции к любому гражданину сразу же возникал ряд неприятных вопросов. А служебное» жилье для дворников как тогда проблеме очистки улиц не решило, так и сегодня.

Современные «тихоны» хоть валенок и не носят, но тоже предпочитают «служебное» жилье получить, а метлой особо не махать.

Красный проспект, гостиница Дома Советов, 1950-е годы

Красный проспект, жилищная застройка, 1950-е годы

Но были (а может, и есть, несмотря на рост оплаты коммунальных услуг) и другие «служебные» квартиры. В них, правда, как правило, никто не жил.

Их называли по-разному — «оперативные», «конспиративные», «явочные».

В этих квартирах, на «нейтральной территории» и подальше от любопытных глаз, сотрудники встречались с «нужными» людьми, которым этот самый посторонний любопытный глаз был абсолютно не нужен.

Одну из таких квартир и подробности ее использования красочно описал новосибирский автор популярных детективов Михаил Михеев в своей трилогии «Поиск в темноте». Полковник Приходько, начальник ОБХСС, для внедрения в шайку расхитителей, орудующую в Горторге, «выписывает» из другого города никому не знакомого человека — лейтенанта милиции Евгению Грошеву. Приехав, она сразу звонит полковнику, и ей объясняют, как найти «место встречи» для инструктажа: «Сойдете на остановке «Кинотеатр имени Маяковского». Идите дальше по ходу троллейбуса, увидите пятиэтажный розовый дом: вверх — башенные часы, вниз — «Гастроном». Это так называемый «Дом под часами». Войдите в угловой подъезд. Поднимитесь на третий этаж...».

«Дверь мне открыли сразу, как только я нажала кнопку звонка... Я прошла в комнату...»

В беседах принимает участие и «третье лицо» — некий Борис Борисович. Который и двери открывает, и чай заваривает. Судя по всему, после выхода первой части трилогии («Запах «Шипра») у ряда читателей возникли к автору именно «квартирные» вопросы. Во второй части («Сочинский вариант») вопросы попытались прояснить — через того же Бориса Борисовича.

Капитан угрозыска, он после тяжелого ранения перешел вслед за своим начальником в ОБХСС. «Вот и заведу этой квартирой... Встречаемся кое-когда кое с кем. «Неужели специально для ОБХСС такую квартиру завели?» — «Что вы, конечно, нет. Следовательно нашему, холостому, эту квартиру выделили. А он на курсы уехал. На специализацию. Вот мы ее пока и заняли. Командированные наши изредка здесь ночуют. Соседи здесь самые что ни на есть подходящие — старички-пенсионеры. Удобная квартира».

Вот тут автор несколько «промахнулся», но на качество самого детектива это нисколько не повлияло. «Курсы» у мифического следователя — владельца квартиры — какие-то супердлительные. Уж год прошел (по трилогии), а Женя Грошева все ходит и ходит в «Дом под часами»...

И не будет никто и никогда на подобных квартирах селить командированных — это и их «спалить», и квартиру. И самое главное. Квартиры в «Доме под часами» выходят дверями в общий коридор. В ту самую застекленную галерею, которой и сегодня может полюбоваться каждый желающий. Так что «в соседях» для любой квартиры были не одна или две, а весь этаж. «Удобная квартира»...

А вот другая «служебная» квартира, о которой рассказал в своих воспоминаниях ветеран госбезопасности подполковник Петр Осолов: «В Новосибирске... на улице Чаплыгина в двухэтажном кирпичном доме (Чаплыгина, 53. — А. К.) располагалась китайское (гоминьдановское) консульство, некоторые сотрудники которого были враждебно настроены к СССР <...> В 1944 году перед отделением была поставлена задача производить фотографирование всех входящих и выходящих из консульства. Реконструированное нами фоторужье было установлено на конспиративной квартире, расположенной на противоположной стороне

Здание Сибснабсбита (еще без часов), 1930-е годы

Ул. Коммунистическая, 44 (1960-е годы). «Дом с часами» — одно из лучших сооружений архитектуры конструктивизма в Новосибирске

улицы в пятиэтажном доме, на расстоянии 40-50 метров. В течение ряда лет было получено немало уликочных фотоснимков, которые оказали существенную оперативную помощь в выявлении нежелательных связей консульства».

«Рассекретим» адрес и этой «служебной» квартиры. Это — дом по ул. Советская, 10, занимающий весь квартал от Октябрьской до Чаплыгина и торцом по Чаплыгина выходящий на китайское консульство (давно уже бывшее).

Если отрешиться от действительно государственной важности задачи, то все это звучит как анекдот. «Охота» на китайцев с фоторужьем из «служебной квартиры». Звучит?!

А ведь было...

«Здесь были все»

Мемориальную табличку именно с такой надписью (чтобы не утяжелять текст почти бесконечным перечнем) вполне можно было бы повесить на одном из домов в центре Новосибирска.

Однако старожилы до сих пор называют дом по фамилии первого владельца — дом Маштакова.

Купеческая фамилия Маштаковых сто лет назад была хорошо известна на территории Барнаульского округа Томской губернии и Новониколаевска.

Энергичные и предприимчивые братья Маштаковы, торговавшие разнообразным товаром практически во всех селах и городах Сибири, быстро оценили перспективы нового города, Новониколаевска, как крупнейшего торгового центра на востоке страны.

Собственно, города-то еще ни по статусу, ни по виду не было, но Маштаковы рискнули, перенесли центр своей деловой активности из Барнаула в Новониколаевск. А рисковать было чем. Только по данным 1898 г. годовой оборот купца Гаврилы Маштакова по торговле одеждой и мануфактурой составлял в Барнауле 80 тыс. руб. и занимал по объемам продаж второе место.

Умные и расчетливые, Маштаковы работали на перспективу, на будущее. И они одними из первых углядели перспективность и будущность Новониколаевска. Обустраивались с размахом, навсегда, одновременно обустраивая и город. Уже в 1903 г. на перекрестке Николаевского проспекта с ул. Воронцовской (сегодня — ул. Свердлова) было выстроено по проекту Андрея Крячкова здание первого в городе кирпичного универсального магазина Федора Маштакова.

Нет, магазины в городе были и до этого, но это был первый каменный универсальный магазин, где горожанин мог купить все, буквально все одновременно. Причем в удобном помещении и по вполне доступным ценам. Ну, а если приказчики (среди которых был и молодой социал-демократ, член подпольной Обской группы РСДРП

Илья Карнаухов) вдруг начинали себя вести с покупателями недостаточно вежливо, конфликт решался быстро и на месте.

Хозяин магазина жил здесь же, занимая с семьей второй этаж. И на любой шум сразу же приходил. Лозунга «Покупатель всегда прав!» тогда еще не существовало, но вел себя Федор Данилович во всех «потребительских спорах» именно в соответствии с ним.

Эсдек Карнаухов вволю мог бузотёрить в библиотеке «Общества приказчиков», явочной «точке» эсдеков на ул. Асинкритовской (Чаплыгина), но только не на рабочем месте.

После лавок, лабазов, магазинов и магазинчиков это был, пожалуй, первый «ЦУМ» города с европейскими нормами обслуживания. Тем более — построенный капитально, навсегда. Купить можно было все. Рекламные объявления «каменного магазина Ф. Д. Маштакова» в новониколаевских газетах той поры невозможно читать без некоторого изумления. «Громадный выбор готового платья мужского, женского и детского, а также верхнего и нижнего белья, мануфактурных товаров, отделок, кружев, канцелярские принадлежности, игрушки, мебель, обувь, ружья и револьверы...

Кровати с сеткой и матрацы, умывальники мраморные и железные, утюги простые и паровые, музыкальные инструменты».

Весь ассортимент перечислять бесполезно — универмаг, он и есть универмаг, что в прошлом, что в нынешнем веке. Только я на месте нынешних «техносил», «эльдорад» и «сибвезов» не стал бы так сильно задаваться: первыми в городе были не вы — Маштаковы.

Требуется небольшое примечание к непонятному уже сейчас подчеркиванию в рекламах столетней давности, что в маштаковских магазинах одежда и обувь не только московские и импортные, но и «варшавского» производства.

Как пишет барнаульский историк, один из немногих исследователей «Сибири торговой» Евгений Гальских, «в Сибири приобретение одежды для каждого социального класса имело определенные источники. Верхушка чиновничьего аппарата могла позволить себе заказать платье или костюм в лучших швейных мастерских Москвы, Петербурга, владельцы которых покупали образцы платьев у лучших портных Парижа или исполняли их по рисункам из модных журналов, которые получались из Парижа каждые две недели».

Готовое платье — история отдельная. «В географическом отношении изгото-

вление платья распределялось по Европейской России таким образом, что образовались три главных центра. Московский район производил платья, не отличающиеся изяществом и, так сказать, неладно скроенные, но крепко сшитые.

Одесское производство характеризовалось противоположными качествами: там внимательно следили за парижской и венской модой, внося поправки применительно к требованиям русской жизни, работа выполнялась очень тщательно, поэтому изделия этого района на-

Николаевский проспект (вид на дом Маштакова)

Красный проспект, 9 – дом купца Ф.Д. Маштакова. Середина 1910-х годов

поминали заграничные.

Варшавское платье составляло нечто среднее между одесским и московским: не отличаясь изяществом одесского платья, оно в то же время было не так топорно, как московское, и притом значительно дешевле того и другого.

То же касалось и обуви. Маштаковы в своей торговле ориентировались на тех, кого принято теперь называть «средним классом».

Правда, тогда он был несколько шире, чем сегодня. «Варшавское платье» из универмага Маштакова в Новониколаевске вполне оказывалось по средствам и приказчику Карнаухову (кстати, своим работникам Маштаков продавал товары со значительной скидкой — до 30%), и бухгалтеру Федору Серебренникову, и домохозяйке Евдокии Ковальчук.

Так что вся Обская группа РСДРП, несмотря на классовую ненависть, одевалась и обувалась именно «у Маштаковых».

Еще и потому не стоит нынешним сетевым «марке-

там» очень сильно гордиться, что именно это была первая торговая фирма, раскинувшая свои магазины по всему городу. И обслуживание и цены в них были на уровне «головного» универмага.

На Новобазарной площади (район нынешнего Оперного театра) торговал обувью Григорий Маштаков, были торговые площади на Каменской, Болдыревской (ныне Октябрьская), на Асинкритовской (ныне Чаплыгина)...

Они жили в этом городе и делали все для его будущего — они работали на перспективу. Маштаковы были спонсорами постройки в 1906 г. Покровской церкви (на углу нынешних Октябрьской и Урицкого (бывш. Гондатти). Церковь, одно из немногих деревянных зданий города, чудом уцелела во время пожара 1909 г. Маштаковы основали и содержали приют «Ясли» при церкви — для брошенных и безнадзорных детей.

Первая женская гимназия города — дом на ул. Кузнецкой (Ленина, 11) — был построен Маштаковыми и сдан в аренду городу. Часовня, символ города, была за-

ложена на средства и по инициативе Маштаковых...

Они были умные и все понимали, видели перспективу. Именно поэтому уже в январе 1917 г. Маштаковы начали распродажу всего, что имели в Новониколаевске. Включая чучело медведя, стоявшего на втором этаже дома Федора Даниловича и лично им когда-то убитого. Недвижимость продать не успели.

Город, для которого они столько сделали, становился на глазах чужим. В 1917 г. собственность Маштаковых была муниципализирована городским управлением «как бежавших». Маштаковы пропали — а дом остался.

В объявлениях 1917-1918 гг. так и писали, без адреса: «в доме Маштакова». В эти годы в этом доме действительно были все персонажи городской истории.

Первые собрания эсеров, эсдеков, потом — меньшевиков и большевиков, польский национальный комитет, латышский национальный комитет, комиссии Совдепа и его исполком, пункт Отдела военного контроля (т. е. контрразведки) Сибирской армии, одновременно с которым в доме пытались разместить еще и первый вуз города — учительский институт, — все здесь.

Кто только не выступал в те годы с балкончика, выходящего на проспект (давно снесен), на котором так любил пить чай канувший в бездну истории Федор Данилович Маштаков. А кто только не был здесь без него (и без проданного к тому времени медвежьего чучела)! Руководитель Комитета общественной безопасности Жернаков, первый председатель Совдепа Герман-Каменский, бывший член ЦК РСДРП Рожков, Романов, Шамшин, Шамшурын, Полковников, «бабушка русской революции» эсерка Брешко-Брешковская (ну кто ее сейчас вспомнит, а тогда!...), были генерал Гришин-Алмазов, командующий чешским легионом генерал Гайда... Господи, кого только здесь не было! В начале 1920-х годов здесь была первая ЧК.

Потом здание отдали под краеведческий музей, потом — одновременно под прокуратуру и художественное училище (видимо, с целью сохранения традиций 1918 г. — одновременно «учение и отучение»).

И какая мемориальная доска вместит весь этот далеко не полный перечень?

Дом — стоит. По адресу Красный проспект, 9. До недавнего времени даже памятником никаким не числился дом Маштаков.

Зайди сюда сейчас тень Федора Даниловича — только и сказала бы: «А наследили-то как!»

Долгая дорога к храмам

Город обычно начинается с закладки храма. Но наш город, особенный во многих отношениях, и тут отличился — Новониколаевск начался с закладки одновременно двух храмов. И каждый из них стал знаковым для будущего развития города.

А началось все с борьбы за нравственность будущих горожан.

В октябре 1895 года группа жителей поселка (строители моста, купцы, мещане, чиновники) направили ходатайство томскому епископу Макарию о том, чтобы «закрыть кабаки и притоны, взамен построить церковь во имя Александра Невского», ну а до постройки храма возвес-

Вокзальная церковь, начало XX века. Закрыта в 1925 г. постановлением Запсибкрайисполкома. Разобрана около 1931 г.

ти временный молитвенный дом.

Благословение было получено, но, как всегда в России, из всего, о чем ходатайствовали, осуществить на практике удалось только часть — кабаки и притоны, увы, никуда не делись. Что лишний раз доказывает, что к началу, даже духовному, имеет смысл обращаться только с краткими ходатайствами не более одного абзаца.

Поселяне создали комитет по сбору средств на постройку храма. При чем комитет оказался поистине международным — вместе с поселянами в него вошли и итальянские рабочие-каменщики, приглашенные для участия в строительстве.

Понимая, что строительство каменного храма — дело длительное, заложили на перекрестке улиц Болдыревской (сейчас — Октябрьская) и Гондатти (сейчас — Урицкого) временный деревянный молитвенный дом, открывшийся уже 24 ноября 1895 г.

Он и стал первым религиозным сооружением на правом берегу Оби, на территории будущего города, и оставался им до ноября 1898 года, когда была построена и освящена церковь во имя святого пророка Даниила на Вокзальной улице.

15 мая 1897 года состоялась закладка храма во имя святого Александра Невского на площадке, выбранной инициативным комитетом. Храм строился на добровольные пожертвования горожан на возвышенном участке у железнодорожного моста через Обь, в начале будущего Николаевского проспекта (ныне — Красный).

Уже 29 декабря 1899 года церковь была освящена, а в 1915 году храм получил статус собора. Вот так и случилось, что Покровская церковь, выстроенная в 1901 году на месте временного молитвенного дома, задавала духовный вектор развития будущего города, а храм Александра Невского, первое каменное здание города, позволял заглянуть в будущее и убедиться, что «деревянный период» в жизни Новониколаевска — это не только не навсегда, но и — ненадолго.

Примечательно, что все новониколаевские храмы строились в основном за счет благотворительных взносов горожан. Исключение составляла, пожалуй, церковь во имя святого пророка Даниила, на строительство которой значительные средства были выделены из Фонда имени Александра III, специально созданного для строительства храмов в осваиваемых районах Сибири.

Однако и здесь значительную часть средств составляли взносы горожан.

Немало пожертвовал царствующий дом (и лично император Николай II) и на строительство храма Александра Невского.

Храм стал самым настоящим украшением только-только рождающегося округа. Пол был выложен специально привезенной из Голландии керамической плиткой; оштукатуренные стены побелены и покрыты росписью иконописцами первой в Сибири томской мастерской Иосифа Панкрышева.

Украшением храма стали иконы Иверской Божьей Матери и великомученика Пантелеймона Целителя, подаренные Николаем II (возвращены храму в 1991 году). В 1900 году от кровоизлияния в мозг скончался один из «отцов-учредителей» города инженер Николай Тихомиров. Храм приютил своего строителя — на его могиле в церковной ограде была установлена мраморная плита с золотой надписью — «Здесь покоится прах строителя храма сего, Тихомирова Николая Михайловича».

В 1907 году была построена Богородице-Казанская (Закаменская) церковь; в том же году освящена церковь Воскресения Христова при городском кладбище Новониколаевска.

И, наконец, в 1913 году была построена и освящена церковь Вознесения Господня — сегодняшний Вознесенский кафедральный собор.

Чудеса нерукотворные (а чаще, увы, вполне «рукотворные») не обошли новосибирские храмы.

Покровская церковь оказалось практически единственным деревянным зданием в центре города, чудом уцелевшим в жутком городском пожаре 1909 года, когда Новониколаевск выгорел практически дотла. Храм — сохранился.

После 1917 года, после декретов об отделении церкви от государства и школы от церкви, казалось бы, найдено шаткое равновесие между новым режимом и церковью. Так, в марте 1925 года Новониколаевский губисполком установил на текущий год следующие дни отдыха: Страстная суббота Пасхи — 18 апреля, Пасха — 19 апреля, Вознесение — 28 мая, Духов день — 8 июня, Преображение — 6 августа, Успение — 15 августа и Рождество — 25 и 26 декабря.

Однако это были все же «слова, слова, слова». На деле власть всячески (в том числе — через ОГПУ) подерживала и провоцировала искусственный раскол церкви, поддерживая движение «обновленцев» (в на-

роде их презрительно называли «красными попами»).

В городе обновленцам удалось с 1923 по 1938 год захватить храм Александра Невского, где до 1934 года проповедовал один из лидеров «обновленцев» «митрополит всея Сибири» Петр Блинов. Однако при попытке организовать в городе Всесибирский съезд «обновленцев» выяснилось, что их не поддерживает ни большинство православного духовенства, ни верующие. Затея с треском провалилась.

Все это шло на фоне искусственно подогреваемой «антирелигиозной пропаганды», заключавшейся в основном в закрытии храмов, лишении их права на колокольный звон, изъятия с помощью милиции и активистов «союза воинствующих безбожников» церковной утвари.

В течение зимы 1929-1930 годов на территории Запсибкрая было закрыто 250 культовых зданий, в том числе 24 – в Новосибирском округе. Дополнительный толчок антицерковному движению дало постановление Совета труда и обороны от 14 мая 1933 года о плановой заготовке колокольной бронзы.

Так, к примеру, той же зимой 1929-30 годов общий вес заготовленной бронзы по Новосибирску превысил 12

Улица Советская, 91 – Вознесенский кафедральный собор. В конце 1930-х годов был закрыт и превращен в зернохранилище. Вновь освящен и открыт в 1944 г. В дальнейшем неоднократно реконструировался

Первый городской костел, 1909 г. В 1930-х годах был закрыт и отдан под склады, затем под клуб работников Промсовета. Здание было разрушено в середине 1960-х годов, перед началом строительства ЦУМа

тонн. К концу тридцатых в Новосибирске были закрыты Богородице-Казанская церковь, Покровская церковь, церковь во имя св. пророка Даниила, церковь Воскресения Христова, Вознесенский кафедральный собор.

Когда у власти отпала надобность в «обновленцах», пришел черед и храма Александра Невского.

В 1938 году его дважды пытались взорвать. Храм устоял — обрушилась лишь звонница.

В изданиях «воинствующих безбожников» в качестве «антирелигиозной пропаганды» печатались высосанные из пальца «пословицы»: «Поп голосом завывает, а брюхом пирога поджидает», «Не подпускай вора к возу, а попа — к колхозу», «Поп дорогу перешел, не будет удачи». Печатались и более актуальные «образчики».

Так, «Календарь антирелигиозника на 1941 год» печатал некоего «А. Тимошенко, участника боев за озеро Хасан» под заголовком «Попы были заодно с самураями»: «В боях против нас участвовали и японские попы. Их было двое... Попы и офицеры действовали заодно против нашей советской Родины».

Здесь же выступил и ударник Алексей Стаханов: «Поп выступил против моего почина... Выступая против моего почина, поп выступал и против всей нашей новой, счастливой, культурной и зажиточной жизни».

И здесь же — летчик Валерий Чкалов: «Рассказы о боге, который будто бы восседает на небе, смешны мне. Я знаю, что там наверху. Я не видел там никаких богов. Смешно сейчас звучит для меня и старая пословица: «Без бога — ни до порога». Я — настоящий безбожник».

В селе антирелигиозная пропаганда велась еще более «доходчивым» способом. Так, председатель сельсовета Степанов (Барнаульский округ) напился в честь праздника Октябрьской революции, камнями разогнал похоронную процессию.

Храм св. Александра Невского, начало XX века

После чего во время церковного шествия зашел в церковь, сквернословил с добавлением «в Бога», а напоследок заявил: «Я — Бог, я — царь!»

...До 1944 года в городе действовала единственная небольшая кладбищенская Успенская церковь у Березовой рощи. В 1944 году был вновь освящен и открыт Вознесенский кафедральный собор. Который, в результате нескольких реконструкций, обрел наконец-то сегодняшний вид. Возвращение кафедрального собора, Покровской церкви и храма Александра Невского стало настоящим рукотворным чудом — чудом, которое совершили все новосибирцы, независимо от разницы в убеждениях. Но это уже — совсем другая история.

А «Союз воинствующих безбожников» был распущен с началом Великой Отечественной войны. Бредовые издания «безбожников» пошли в макулатуру — сегодня их не найти даже в спецхранах крупнейших библиотек.

Тоже, собственно, «чудо», хотя и вполне закономерное.

Дедушка

Первое, что Дом запомнил в своей жизни от людей, — это те слова, которые произносили ломовые извозчики, привозившие камень для его фундамента.

То, что слова эти были не самые хорошие, Дом осознал позже. Его строили и выстроили красавцем, в самом центре города.

Соседи-дома, честно говоря, попались так себе... Плевенькие. Торговали чем-то, комнаты сдавали — мелочевка, ерунда. Дом с ними и не общался. И на крики «Эй, сосед!» — не реагировал. Приходившие люди были солидными, хорошо одетыми и разговаривали вполголоса. Они что-то подписывали, а иногда приносили пачки «кредиток» (Дом хорошо запоминал слова, даже когда не понимал их значения). Вытирали ноги при входе. Солидно поднимались по лестнице с ковром, сдавали калоши в гардероб. Дом до сих пор не знает, как правильно они пишутся, эти калоши, но на этот счет спокоен. Писать ему не придется никогда, а что правильные, что неправильные — звучат

на слух они одинаково. Как бы они ни писались — сдавались они аккуратно, Дом за этим следил.

Дом был аккуратным, вежливым и очень гордился людьми, которые приходили. Он был солидным — с рождения — и солидность свою понимал. Процентные ставки, кредиты... Все это обговаривалось вполголоса, между собой, и Дом понимающе отводил окна в сторону, не вдаваясь в смысл происходящего.

Потом что-то произошло — там, у людей, — и Дом немножко оглох. Наступило время громких голосов. Тихо говорящие посетители куда-то исчезли. Мимо Дома ходили какие-то люди (Дом услышал новое выражение — «демонстрация трудящихся» — и с любопытством разглядывал цифры и слова на красных полотнищах).

И Дом понял, что слова «8-часовой рабочий день» не имеют никакого отношения к «учетным ставкам», о которых до сих пор говорили его посетители. Это — какие-то другие цифры. Бог с ними, с пропавшими калошами и коврами. Это еще можно перетерпеть. Но вот эта бесконечная беготня этих самых бескалошных... их крики и речи... Их песни! Вот это было вообще невыносимо. Когда люди, не имеющие ни слуха, ни голоса, хором пытаются петь. А тексты?! «Вла-а-дыкой мира будет труд!» Дом, который слышал «Боже, царя храни!» в исполнении хора учащихся реального училища имени Дома Романовых, несколько вздрагивал.

Но самое страшное, самое болезненное — это для Дома было то, что людям не понять никогда. Знаете, как это больно, когда — с размаху прикладом винтовки по полу?! А они все время о чем-то спорили тогда, что-то друг другу доказывали. И как ни фраза — прикладом об пол. Те, солидные, бывшие, которые «векселя и кредиты», — они печати аккуратно ставили. Тихо и на бумаги. В те дни «припечатывали» по-другому. Прикладом об пол! И еще, и еще раз! Они отставляли к стенке свои плакаты и флаги. У каждого из них была винтовка, они громко орал друг друга, и все время, как точка, как печать, как аргумент — прикладом об пол! И еще раз! И еще раз! Невыносимо!

Потом времена настали совсем уж какие-то суетливые, неуютные. Соседей — кого надстроили, изрядно при этом изуродовав, кого и вообще — снесли.

Не избежал общей участи и Дом — сверху «бахнули» аж два новых этажа. С какими-то кургузыми окнами, с неуютными помещениями. То, что навалилось сверху, оказалось нежизнеспособным и говорить не умело вообще.

Дом попробовал было — и прекратил. На нем, красавце, выглядело все это «новшество» страшно, но... Оставалось терпеть, так как Дом понимал, что попытки сбросить все это с себя могут кончиться не самым лучшим образом.

Приходилось утешать себя воспоминаниями о том, что и у людей-то с подобными вещами не всегда ладится. Вот в 1916 году клиенту не то пальто набросили. Ничего — ушел и даже не заметил, хотя вслед ему шепотком побегало ужасное для Дома слово «Прогорел!»

Дом стыдился признаться даже самому себе, что он до ужаса, до дрожи в филенках боится именно пожара. По обрывочным фразам в бормотне соседей Дом хорошо представлял себе, как тут все не единожды полыхало. Сосед-«галантерейщик», тогда еще не изуродованный надстройкой-переделкой, как-то разговорился, в красках расписывая пожар 1909-го года.

Дом с ним не общался и делал вид, что и в этот раз его не слушал. На самом-то деле слушал, да еще как! Про то, как мчались по городу горящие повозки, как дотла сгорали деревянные дома, как люди пытались привезти воду — и у них, как обычно, ничего не получалось. Как разбирали потом на новые постройки оплавившиеся кирпичи фундаментов. Вы только представьте этот кошмар — кирпич, потекший от огня каменными «слезками»! А, да что вы можете понять в кирпичках и пожарах!

Перед Домом построился пижон — с часами. Попытался установить знакомство, еще будучи недостройкой. Но на хамский мальчишеский крик «Эй, дед!» Дом, естественно, никак не отреагировал. Дом хмыкал, глядя на роскошные стеклянные галереи пижона. Чувствовал себя совсем по-человечески — барином в шубе. Сибирь все-таки, холода. Пижон простыл в первый же год — раскашлялся водопроводом, залил подвал. Недотепу было жалко, и Дом стал все-таки с ним разговаривать, сделав вид, что про «деда» забыл. Да пижон и сам, судя по всему, не помнил. Говорили о делах людских. Все чаще стали появляться люди в гимнастерках с васильковыми петлицами, которые приходили и из домов забирали людей. Пижон с часами оказался не только пижоном и нахалом, но еще и истериком. «У тебя сколько забрали?» «Одного». «А у меня — семь! Они так и до нас доберутся — снесут!» «Ну — семь, ну что ты так разволновался? У меня вот — только одного». «А это потому, что я — жилой, а ты — не жилой!» Вот на это Дом обиделся уже всерьез, и на долгие годы общение с пижоном с часами прекратил.

Да и не до этого малолетки-истерика было.

К Дому пристраивали «производственные площади». Это название люди произносили много раз, и Дом, на всякий случай, его запомнил. Никакого смысла в этих «площадах» он не видел. Кроме постоянного жужжания, они давали еще что-то, что люди надевали на себя.

Будь Дом человеком, он бы это убожество никогда... С «площадями» он не общался принципиально, всем своим видом показывая, что он — сам по себе. Люди, кстати, это чувствовали, и всегда «отделяли» Дом внешней окраской от соседних «площадей».

Конечно, Дом им за это был благодарен, хотя виду не подавал.

Тем более что, когда началось это жужжание, Дом покинули его летучие мыши. Они жили с Домом всегда, оставив его только на время надстройки и сразу вернувшись. Днем они спали, а ночью практически бесшумно летали вокруг дома и — тихонечко посвистывали. Господи, что это был за дивный звук! Тишина, ночь, легкий шелест крыльев — и тихое-тихое посвистывание.

Дом очень любил этих ночных «летюшек» (хотя и стеснялся этого человеческого чувства), с удовольствием предоставлял им чердак. И — слушал по ночам их посвист. Они снялись всей стаей и улетели неведомо куда посреди белого дня. Хотя днем никогда не летали. Улетели тогда, когда началось это постоянное и бессмысленное жужжание. Ну почему все-таки люди — такие сволочи и никогда ничего не понимают?

Шли годы, у людей происходили какие-то свои события, трагедии. Дом мало вникал в их смысл — жил своей жизнью.

В конце 1990-х начал все-таки беседовать с пижоном с часами напротив. Сам, по своей инициативе. Пижон, правда, за эти годы изрядно поистрепался с фасада, регулярно болел водопроводом. Часы то останавливались, то снова шли. Полгода подряд Дом с изумлением наблюдал, как они шли в обратную сторону. Пижона было жаль, и Дом стал с ним разговаривать. А тот постоянно срывался на истерику — «Снесут! Снесут!» И снова, уже не от зимней простуды, а просто от истерики посреди лета рвал себе водопровод.

...Жужжание по соседству с Домом прекратилось.

В Доме что только не продавали-покупали! И эти... дай Бог памяти... «коньк...»... «конп...»... «Комбутеры!» Вот слова-то пошли, ни один Дом не запомнит, даже са-

мый приличный. А еще продавали какие-то странные несерьезные штуковины, размером в осьмушку кирпича и даже меньше. Люди их прикладывали к ушам и делали вид, что разговаривают друг с другом.

По ночам Дом спит. Он по-старчески покрхтывает перекрытиями, почесывается лестничными пролетами, мелко крестится (хотя домам — не положено) и, продолжая свой бесконечный дневной спор с пижоном-истериком, сонно бормочет: «Не! Не снесут!» И сам в это верит.

От Дома резолуций — к «Красному факелу»

В Новосибирске много памятных мест. Но есть места, связанные с памятными событиями на протяжении всей истории города.

Один из таких объектов — здание театра «Красный факел», являющееся одновременно и памятником архитектуры, и памятником истории. Это, собственно, не случайно.

К 1912 г. в бурно растущем Новониколаевске сложился свой круг элиты — общественной, финансовой, торговой, предпринимательской. И этот круг уже ощущал себя именно элитой, местным «высшим обществом».

Ну, а «высшему обществу» и антураж нужен соответствующий — и для работы, и для отдыха. Тогда-то и возникла идея постройки в городе здания абсолютно нового типа — Делового (Коммерческого) собрания. Оно должно было стать не административным, не торговым, не производственным объектом. Это — место неформального общения «сливок общества», место деловых встреч, банкетов и развлечений.

Ул. Ленина, 19 – здание Коммерческого клуба, 1915 г. Одно из первых общественных зданий Новониколаевска (ныне — театр «Красный факел»)

Проект здания, естественно, заказали «архитектурному отцу Новониколаевска» — архитектору Андрею Крячкову. Вдохновившись необычной задачей, Крячков и создал нечто действительно необычное.

Сооружение должно было одновременно быть представительным и обладать уютом изолированного городского особняка. Место для Делового клуба выбрали соответственно задумке — несколько в стороне от жилой застройки, на пересечении улиц Кузнецкой (ныне — ул. Ленина) и Дворцовой (ныне — ул. Революции).

К клубу примыкала естественная роща, превращенная затем в сад. В двухэтажном здании клуба был зрительный зал для выступлений гастролирующих артистов, фойе, вестибюль с гардеробом, буфет, специальные клубные помещения.

Как писал намного позднее историк новосибирской

архитектуры Сергей Баландин, «таких изящных «ампирных» особняков не знал еще деревянный Новониколаевск». В клубе текла легкая, размеренная жизнь, с маскарадами и выступлениями любительских трупп. В 1918 г. для клуба начался другой «маскарад».

Помещение занял под свои нужды городской Совдеп. Здесь разместились исполком Совдепа, штаб Красной гвардии, горком партии большевиков. Такой публики Деловой клуб до этого в своих стенах и представить не мог.

В доме круглосуточно кипела новая жизнь, шли заседания и совещания, а вот результата практически не было. Прошло немного времени и острые на язык правые эсеры ехидно стали называть Дом революции — Домом резолюций.

Шутка в народе прижилась. И для этого были основания.

Так, только по неполным данным «Хроники Новосибирской организации КПСС» (т. 1, Н-ск, 1988 г.), Совдепом, исполкомом, горкомом и т. д. было проведено не менее 20 заседаний, совещаний, собраний и т. д. и принято более 30 обращений, постановлений, призывов, решений и резолюций по разным вопросам. Это — не считая митингов и демонстраций, сходок в войсковых частях.

А вот теперь интересный момент — эта далеко не полная статистика относится к периоду с января по май 1918 г. до того как Совдеп прекратил свое существование.

Ну, а что с результатами? Упомянутая «Хроника...» очень осторожно пишет: «Совет принял решение взять лесопильные предприятия под рабочий контроль». Вот если бы «предприятия БЫЛИ ВЗЯТЫ под рабочий контроль» — это другое дело. Почувствуйте, как говорится, разницу. Одно дело принять «решение», и совсем другое — добиться его выполнения.

Бывший Деловой клуб как будто мстил Дому резолюций — запутывал своих новых обитателей, сбивал с толку. Если забыть о том, что Гражданская война — это кровь (а вот это надо всегда помнить), то ситуации даже с «бумажной» работой получались просто курьезные.

Так, решение о создании Красной гвардии (единственной вооруженной силы Совдепа) принималось трижды (!), не считая решения о формировании частей Красной Армии. Итог жизнеспособности этих «решений» стал абсолютно ясен в ночь с 25 на 26 мая 1918 г., когда Дом атаковали чешские legionеры.

В результате «опереточного» боя (погибли — пулеметчик-большевик Илья Кузнецов и 3 чешских legionера) Дом резолюций перестал существовать вместе с Совдепом. Ну, а Красная

гвардия, не защитившая ни свой штаб, ни власть, просто разбежалась, часть красногвардейцев во главе с комиссаром Семеном Гиршовичем отошла к Барнаулу.

...Дом просто устал от всех этих передрыг и перемен, и когда Гражданская война закончилась, наверное, был очень рад мирной жизни. Во Дворце рабочих (так теперь называлось здание, старое название было «общу-чено») ставились спектакли, проводились вечера.

С 1922 г. здесь разместился Сибирский государственный театр музыкальной драмы. В 1932 году в здании разместился театр «Красный факел», в годы Отечественной войны здесь работал в эвакуации коллектив старейшего театра страны — Ленинградского академического театра им. Пушкина.

Дом неоднократно реконструировался, но сохранил свою архитектурную ценность. Теперь здесь снова любимый новосибирцами театр «Красный факел».

Во время спектаклей иногда в зале раздаются непонятное шуршание.

Говорят, это приходят посмотреть спектакли души пулеметчика Кузнецова и чехов-legionеров, по-разному погибших когда-то за этот дом.

Члены художественного совета Сибирского государственного театра оперы и музыкальной драмы, фото 1923 года

Главный парк города

У страны и каждого города есть свои официальные и неофициальные символы. Таким символическим «главным местом отдыха» жителей СССР был, конечно, ЦПКиО им. Горького в Москве.

У нашего города, естественно, было свое «главное место отдыха» горожан — Центральный парк.

Старожилы его, правда, называют кто «парком имени Сталина», кто — «кладбищенским садом». И те, и другие по-своему правы.

Главный парк города — место действительно символическое. В его истории переплелось и перемешалось практически все, связанное с историей страны и города.

Начнем с того, что парк был разбит в свое время на месте снесенного Старого кладбища — первого крупного общегородского кладбища Новониколаевска. Город рос такими темпами, что прибыль (и, увы, — убыль) населения заставили уже с конца 1910-х — начала 1920-х годов решать вопрос об открытии нового кладбища (на месте нынешней «Березовой рощи») и, соответственно, закрытии старого, оказавшегося к этому

времени практически в центре города. Окончательно кладбище закрыли в середине 1920-х, предложив всем желающим перенести прах своих родных на новое место.

Заслуженная артистка РСФСР, многолетняя «прима» новосибирского ТЮЗа Зоя Булгакова вспоминала: «Весь Новосибирск, кажется, съехался сюда. Могилы раскапывали, из них доставали скелеты, укладывали в новые гробы, тащили батюшку. Он махал кадилом, пел «со святыми упокой», и гроб забивали и увозили на новое место. Батюшки сбивались с ног, отпевая потревоженные останки...

Потом приехал бульдозер, все сровнял, сделали всякие клумбы, посадили цветы, и получился парк, потому что кладбищенские березы как были, так и остались».

Березы к этому времени остались далеко не все.

Еще 11 января 1920 года новониколаевский губревком рассмотрел вопрос «О вырубке кладбищенской рощи». Подвоз топлива в условиях гражданской войны и разрухи власть обеспечить не сумела, и город замерзал без дров...

С 1925 года на территории бывшего парка расположил-

Ворота Центрального парка, начало 1950-х годов. Сад имени Сталина открылся в июне 1931 г. на территории бывшего кладбища. В 1944 г. на базе сада был организован парк культуры и отдыха им. Сталина. С 1961 г. — Центральный парк культуры и отдыха

ся «Кладбищенский сад» (это было официальное название), переименованный в 1931 году в сад имени Сталина. То ли у кого-то из ответственных за переименование было очень плохо с юмором, то ли наоборот — слишком хорошо. Хотя время было суровое, шуток и намеков не терпело.

До 1930 года в саду функционировала церковь Воскресения Христова (она же — Старокладбищенская). Храм был построен и освящен в 1907 году. Причт состоял из двух священников и двух псаломщиков. Это был один из крупнейших приходов города. Так, по данным ГПУ 1922 года количество прихожан храма Александра Невского составляло 800 человек, Воскресенской церкви — 700.

С началом Мировой войны Воскресенская церковь стала обслуживать духовные нужды военного городка (то есть церковь, фактически, стала еще и гарнизонным храмом). Кроме того, в отчете благочинному в 1916 году настоятель церкви отец Михаил (Бессонов) упоминал, что храм также посещают и «военнопленные славяне». В 1930 году храм закрыли, причем его закрытие превратилось в откровенно антисоветский митинг в самом центре города.

Полпредство ОГПУ по Сибирскому краю докладывало «по инстанции»: «28 апреля 1930 года (т. е. в понедельник после Светлой Пасхальной седмицы) во время закрытия Старокладбищенской церкви собралась толпа до 1000 человек. Около 11 часов дня комиссия по принятию инвентаря и закрытию церкви встретила в церкви молившихся, после окончания молебна часть из них разошлась по домам, а часть во главе с гражданкой Игнатьевой, пенсионеркой, окончившей епархиальное училище, организовала новый молебен, закрывшись в церкви.

Собравшаяся возле ограды толпа женщин пожилого возраста подняла крик и вой, не допуская представителей власти и сов. общественности к исполнению возложенных поручений. Фанатизм верующих доходил до того, что часть из них била милиционеров кулаками, плевала в лица, закидывала грязью.

Вызванным усиленным нарядом милиции удалось оттеснить толпу, а с помощью вызвавшихся доброволь-

Городской сквер в районе ул. Фабричной, 1940-е годы

цев из числа грузчиков и рабочих — закрыть церковь и сбить кресты».

Для разгона толпы милиции пришлось стрелять в воздух для устрашения.

Здание храма было передано Дому народного творчества, в 1952 году в нем открыли первый в городе планетарий. В 1971 году по неустановленным причинам в здании произошел сильный пожар, после чего его остатки были разобраны.

Как уже говорилось, в 1931 году Кладбищенский сад стал Центральным садом им. Сталина (с 1944 года — Центральным парком культуры и отдыха им. Сталина).

В саду работали площадки и сцена для проведения докладов, лекций и бесед, выступлений передвижных театров. Действовали душ, солярий, тир, качели, физкультурный городок. Актер и режиссер Кирилл Лавров, художественный руководитель Санкт-Петербургского Большого Драматического театра, посетивший со своей труппой с гастрольями Новосибирск, рассказывал журналистам: «Я здесь был в эвакуации, попал сюда во время ленинградской блокады и работал в саду имени Сталина...

Работал физруком, задача моя была повесить сетки и выдать мячик, а потом, после игры, снять сетки и забрать мяч. Мне это, правда, быстро надоело, и я ушел работать на завод».

Тир в парке чуть не стал причиной больших диплома-

тических неприятностей. Прогуливавшийся по парку и заглянувший в тир консул Германии в Новосибирске господин Гросскопф устроил скандал.

Среди мишеней были поясные силуэты в характерных германских «рогатых» касках со свастикой. По ним посетители палили особенно охотно.

Скандал удалось погасить, не доводя дело до официальных протестов. Консулу объяснили, что, собственно, отдых трудящихся находится в ведении профсоюзов, а они государству неподконтрольны. «Рожки» на касках у мишеней срезали, свастику закрасили — до 1941 года.

В парке впервые в нашем городе открылся в конце 1970-х зал игровых автоматов. В отличие от нынешних «одноруких бандитов», он предназначался для развлечения детей.

В «Морской бой», скажем, глядя во «взаправдашний перископ», можно было попытаться за две минуты потопить пять кораблей «условного противника» (на этот раз — без обозначения его государственной принадлежности). «Счастливчику» добавлялось еще две минуты игры. Был и «Кран удачи», в который за свои 15 копеек можно было попытаться захватить краном-манипулятором что-либо из призов, разложенных на дне стеклянного куба. Призы были так себе — скукоженные от долгого лежания советские жевательные резинки (которые, собственно, и так стоили те же 15 коп.), расчески, тридцатипятикопеечные шариковые ручки.

Правда, выиграть было практически невозможно. «Лапки» крана-манипулятора были предусмотрительно сточены чуть ли не до ширины иглы и захватить и удержать могли лишь воздух.

Были в парке и другие аттракционы. Поскольку вместе с Богом отменили заодно и черта, традиционное «чертово колесо» называлось «колесом обозрения». Подразумевалось, что с него счастливые родители с чадами смогут «с высоты птичьего полета» обозреть родной город.

Однако с началом горбачевской «борьбы за принудительную трезвость» аттракцион оказался подходящим и для иного рода увеселений. Милицейские патрули в парк не заходили — «чтобы детей не пугать», и тем счастливым, кто все-таки сумел раздобыть вожделенное спиртное, удавалось «культурно отдохнуть» на свежем воздухе.

В 1986 году смешная история приключилась здесь с двумя сегодня очень солидными и уважаемыми в городе редакторами СМИ.

Время — 12 дня, портвейна — две бутылки, а выпить

негде. Зашли в парк, разбудили дремавшего в будке сторожа-техника «чертова колеса»: хотим, дескать, город обозреть. Стоил аттракцион «пяточок». Сторож поворчал, но деньги принял, билетки выдал и на «колесо» пустил.

Портвейн был открыт на самой верхней «точке обзора». Сторож снизу все же заприметил, что используется аттракцион не по назначению. Кричал, бегал, махал руками.

«А что он мог сделать? — рассказывал потом один из участников этого пикника. — Колесо ползет медленно, и его скорости как раз на эти две бутылки хватило».

Сторож утешился, когда узнал, что пустую «тару» оставляют ему.

...В 1961 году парк имени Сталина был переименован в Городской парк, в 1963-м, теперь уже окончательно, — в Центральный парк культуры и отдыха. Хотя как бы он ни назывался, как был он, так и остается — Главным парком города.

Неслучайно, что и ежегодная Главная городская новогодняя елка с центральной площади «переехала» именно сюда.

Легенды и были городских фонтанов

Новосибирск — далеко не Венеция и даже не Бахчисарай. Климат не тот, чтобы воду посреди города лить. Однако фонтанов в городе хоть и немного, но и они успели обзавестись своими историями и легендами.

В Новониколаевске фонтанов не было. По очень простой причине — были большие проблемы с водопроводом. Поэтому сооружение в 1934-1935 гг. первого городского фонтана стало (вместе с появлением и нормального водопровода и трамвая) в буквальном смысле слова общегородским событием.

Первомайская площадь, 1930-е годы

Фонтан был запланирован в самом центре города — на месте части бывшей Базарной площади, напротив Дома Ленина, в Первомайском сквере. Над проектом работал архитектор Владимир Тейтель (один из авторов проектов Оперного театра и вокзала «Новосибирск-Главный»).

Однако с осуществлением на практике проекта фонтана-каскада с самого начала «не заладилось». Сыграло свою роль, похоже, буквально все — и несогласованность в поставках смежников, и откровенное разгильдяйство, и банальное воровство. Кладка бассейна фонтана началась в июле 1934 г.

Через год (!) «Советская Сибирь» крайне ехидно писала о том, что фонтан «стал мишенью острот и злословия. В самом деле, он строится очень давно. За это время в Москве сооружено метро». Знаменитые и всем привычные сегодня вазы для фонтана заказали только за несколько суток до его открытия, намеченного на 25 июня 1935 г.

Долго не удавалось нормально отрегулировать напор воды. Фундамент постоянно размывался из-за некачественного цемента и пропускал воду. А медные водоводные трубки нижнего каскада фонтана были украдены сразу в ночь после его открытия (так что проблемы с «незаконным вторчерметом» у нас в городе начались отнюдь не в последние годы).

Так или иначе, но первый фонтан у города все же появился. И своим видом, моментально «освоившими» его купающимися подростками «одомашнил», «очеловечил» центр города.

На фоне фонтана даже огромная каменная надпись на Доме Ленина «Ленин умер. Жив ленинизм» выглядела не так «надгробно».

Второму фонтану Первомайского сквера (кстати, незаслуженно забытому авторами энциклопедии «Новосибирск») — «Медвежонку» — тоже долго не везло, но уже после открытия. Симпатичный мишка «играл» лапой с

В 1930–40-х годах посреди нынешней площади Ленина находился городской сквер

бьющей водяной струей. Как всегда, при хорошем замысле не додумали его практическое воплощение. Та самая вода, которая, как известно, «камень точит», постоянно превращала протянутую лапу медвежонка в пугающий обрубок.

При очередном ремонте фонтана страдальцу вставили каркас из стальной арматуры — стало только хуже. Через некоторое время медвежонки внимательно и печально стал разглядывать свою «культю», с которой на «косточке» из арматуры свешивалась часть лапы... Окончательно отремонтировали мишку в одно время с памятником Глинке перед консерваторией — у композитора были постоянные проблемы с отваливающимся носом.

Сегодня мишка с радостью (и на радость какому уже по

счету поколению «мелких» новосибирцев) рассматривает свою вполне здоровую лапу. Кстати, Зураб Церетели с его фонтанами на темы русских сказок у московского Манежа — жалкий подражатель авторам нашего мишки.

А вот фонтану у кинотеатра им. Маяковского впору присвоить звание «почетного гражданина города» — он своим появлением спас часть старой городской застройки, в том числе — старейшую в городе «красную аптеку» на перекрестке Красного проспекта и ул. Чаплыгина.

Под строительство кинотеатра в 1968 г. «уходил» целый квартал — от ул. Октябрьской до ул. Чаплыгина. В том числе — и та самая аптека, и «старое» здание одноименного кинотеатра, построенного по проекту и под руководством архитектора Андрея Крячкова зимой 1922–1923 гг.

всего за 4,5 месяца на углу ул. Октябрьской и Красного проспекта. Гигантское сооружение нового кинотеатра требовало масштабных подъездных путей — для проезда пожар-

Первомайский сквер, 1930-е годы

ных и санитарных машин «в случае чего». «Норд-осты» и «бессланы» никто тогда и в страшном сне представить не мог, обеспечивали безопасность на случай пожара. Человек, имевший непосредственное отношение к руководству городом в те годы, рассказывал мне то ли легенду, то ли быль.

Когда привезли окончательный проект «нового» кинотеатра им. Маяковского к «высокому» товарищу в Москве, от которого, собственно, окончательная резолюция с разрешением на начало сноса и последующей стройки требовалась, случилась неожиданная вещь. Было сказано нечто в том смысле, что кинотеатров в городе у вас хватает, а вот с фонтанами — недоработка. Мало их. Так что...

«Новый» кинотеатр им. Маяковского «похудел» на треть зрителей, а оставшееся от проекта здания место занял фонтан. К нему подъездных путей особых не требовалось, фонтан на случай пожара сам по себе вода. Да и эвакуировать сотни человек из него не надо. Остались «в жилых» и «красная аптека», и стоящее за ней здание нынешнего кожнодиспансера. Уцелели только два этих «новониколаевские» дома из целого квартала. (Сегодня, когда выходит эта книжка, второе здание все же уже снесено. Видимо, дороговизна земли в центре города перевесила историческую ценность. — Прим. ред.)

Так что фонтан заслужил нечто большее, чем просто работать в летние месяцы в качестве площадки для кафе — он спас хотя бы небольшие остатки старого города. Хотя, наверное, посетители кафе со мной могут поспорить.

...Цветомузыкальный фонтан у театра «Глобус» стал событием для города не меньшим, чем первый городской фонтан в Первомайском сквере. И не только для города.

Автор знает в стране единственный подобный фонтан (пусть и открытый намного раньше нашего) — в Воронеже.

Не хочу обижать воронежцев, но наш — лучше.

Дома «несчастливого» банка

Свою судьбу и историю имеют не только люди, но и банки тоже — и отнюдь не кредитно-финансовую). Станным образом судьба одного из городских банков уже почти сто лет оказывает не слишком благое влияние на судьбу домов, так или иначе с этим банком в разные годы связанных.

Речь идет о самом «несчастливом» банке Новониколаевска-Новосибирска: Сибирском торговом банке

Коммунистическая, 35, в 1910 году — здание Сибирского торгового банка

Новониколаевское отделение Русско-китайского банка, 1907 год. Позднее в этом здании размещался Русско-азиатский банк

(«СибТорге», как его всегда называли в городе).

Хотя, конечно, банков было два — абсолютно разных, объединенных лишь общим названием и следами, оставленными на карте и в истории города.

«Старый» СибТорг, собственно, городским банком не был. Несмотря на свое «сибирское» название, основан он был на Урале, в Екатеринбурге, в 1872 году, а с 1904 года перенес свою «головную» контору в столичный Санкт-Петербург.

В Сибири же работали всего лишь местные отделения СибТорга, но достаточно активные. И появление нового сибирского города — Новониколаевска — СибТорг быстро и по достоинству оценил. Хотя и филиал его здесь открылся отнюдь не в числе первых по Сибири, но мускулы наращивал очень быстро.

Так, известнейший исследователь сибирской экономики начала XX века Г. Рабинович в своей работе «Крупная буржуазия и монополистический капитал в эконо-

мике Сибири конца XIX — начала XX вв». (Томск, 1975 г.) отмечал, что, по состоянию на 1 января 1914 года объем учетно-ссудных операций новониколаевского отделения СибТорга составил 3 млн 114 тыс. рублей.

В барнаульском же отделении банка, к примеру (кстати, основанном в 1894 году — всего лишь спустя год после появления Новониколаевска), на тот же момент этот показатель составлял всего лишь 1 млн 297 тыс. рублей.

СибТорг почувствовал новый город своим и свою «свойскость» всячески городу демонстрировал.

Интересно посмотреть раздел «Банки» в «Справочнике по г. Ново-Николаевску на 1912 г.», точнее — адреса банков. Общество взаимного кредита — «дом Верховова»; отделение Госбанка — «Городской торговый корпус» (ну, это понятно — тут вся власть, и Дума местная, и Управление); Русско-Азиатский банк — «дом Вишнякова»; Русский для внешней торговли банк — «дом Бузолина».

И лишь у единственного банка, у СибТорга, в каче-

стве адреса скромно и с намеком указано: «ул. Гудимовская, собственный дом». В общем, мы-то местные, дом себе здесь построили, а все остальные — «квартиранты».

Да и не один только «соб. дом» из того «Справочника» построил городу «старый» СибТорг. Ссуду на строительство Городского торгового корпуса (сейчас — Краеведческий музей) в 256 тыс. руб. дал в 1910 году городской Думе именно СибТорг.

И, наверное, крикнул от удивления, когда переехавшая в давно отстроенное здание еще в 1912 году местная Дума взяла кредит в 1913 году у Общества взаимного страхования как раз на то, чтобы покрывать «сибторговский» займ на постройку.

Как город отдавал долги — можно судить по тому, что этот кредит был взят на 40 лет под 5% годовых, причем остаток долга города СибТоргу еще в 1915 году составлял 246 тыс. 400 рублей.

Кстати, в том же 1915 году, под еще один кредит «на текущие расходы» в 350 тыс. руб., Дума здание Городского торгового корпуса... заложила Ярославско-Костромскому земельному банку. То есть городская власть сидела в помещениях, за постройку которых так и не расплатилась, так же, как и за кредит, взятый на покрытие, а потом еще и само здание оказалось заложенным.

Февральская, а затем и Октябрьская революции 1917 года городскую власть просто спасли, «аннулировав» кредиторов. И Городской торговый корпус уцелел.

А вот «старый» СибТорг погиб. Банки были национализированы, а «собственный дом» СибТорга на Гудимовской (теперь уже Коммунистической, 35) был перестроен и

надстроен под административное здание трикотажной фабрики.

Акции же «общероссийского» СибТорга (40 тыс., контрольный пакет) его тогдашний владелец Николай Денисов умудрился абсолютно «по-сибирски» уже после национализации «впарить» английскому City & Midland Bank по цене 1500 руб. золотом за акцию при номинале тех акций — 250 руб.

Прознавший об этой сделке германский посол Мирбах писал докладную в Берлин с откровенной завистью к «русской предприимчивости».

Впрочем, ни на судьбе здания СибТорга в Новониколаевске, ни на судьбе Городского торгового корпуса эти махинации уже никак не отразились...

В 1991 году в Новосибирске появился «новый» СибТорг — Сибирский торговый банк (в самом начале — «биржевой»). Не стоит напоминать историю феерического взлета и не менее феерического крушения «нового» СибТорга. Из взлетов достаточно вспомнить то, что

Центральная гостиница, Универмаг ЦРК и Всекомбанк на площади Ленина, 1930-е годы. Тогда в СССР долгосрочными вложениями занимались всесоюзные банки Всекомбанк, Промбанк, Сельхозбанк и Цескомбанк

президент «нового» СибТорга Евгений Колуга наравне с некими Михаилом Ходорковским и Владимиром Гусинским участвовал в августе 1995 года в исторической встрече банкиров с президентом РФ Борисом Ельциным, итогом которой стало не менее историческое решение по «залоговым аукционам» («перепродажа недопроданного»). Курировал встречу скромный вице-премьер Владимир Потанин... Но это все — для экономистов и политиков.

Так или иначе, в середине 1990-х годов «новый» СибТорг, СТБ, входил в число ведущих банков страны, имея собственные отделения в том числе и в Москве и в Санкт-Петербурге (привет «старому» СибТоргу!)

В Новосибирске эмблема СТБ — сибирский соболик в гербовом щитке — появилась, естественно, в самом центре города. На «высотке» за кинотеатром им. Маяковского. Этот «соб. дом» достался СТБ за долги и счастья ему не принес (как и «соб. дом» в Новониколаевске «старому» СибТоргу).

«Высотку» в 80-х строил для себя один из крупнейших «закрытых» проектных институтов города — «Гипромашпром». Под «свечку» снесли не только старый двухэтажный дом по Октябрьской, 35 (от которого, кстати, новое здание получило адрес), но и редчайший и поныне для центральной части города объект — общественные туалеты за «Маяковским». Бабуся из расселяемой двухэтажки, как рассказывали, плюнула и сказала — «На дерьме строите! Не будет счастья!» Это, конечно, легенда, но новая «высотка» с адресом старого дома действительно оказалась «черной меткой» для всех, кто с ней соприкасался.

Площадь Сталина, на заднем плане — строящееся здание Сбербанка (1929 год)

От «Гипромаша» дом перешел к СТБ. Как рассказывают, денег хватило, чтобы погасить сотрудникам института долги по зарплате за несколько месяцев, но в итоге институт сегодня не существует.

Печальная судьба СТБ, ставшего «хозяином» здания, у всех на памяти. От митингов «обманутых вкладчиков» до аннулирования лицензии и заведения уголовного дела на президента банка. «Ручкавшийся» лично с президентом страны, кредитовавший областную администрацию по ее социальным проектам, президент СТБ в итоге вынужден был буквально «удариться в бег».

Потом — федеральный розыск, следствие, суд, обвинение...

Опять-таки по рассказам, бывший глава СТБ последний раз появлялся в городе несколько лет назад. В другом суде, вместе с «обманутыми вкладчиками».

У него тоже был вклад в СТБ, как у частного лица, и он хотел получить уже хоть что-то от того банка, кото-

рым когда-то практически единолично правил.

«Высотка» в центре города, что называется, «пошла по рукам». Но вот какая странная вещь, рок какой-то — не везет все время обитателям этого дома. Казалось бы, куда как стабильная структура была — Федеральная служба налоговой полиции. Ей бы жить и жить, в России всегда налоги платить «не принято»! Но только заселили ее управление в ту самую «высотку» на Октябрьской — и упразднили структуру «в целом». Платежный центр одного из сотовых операторов, «квартировавший» в этом же доме, казался вечным — тоже съехал...

Сегодня «несчастливый» дом занимает управление Федеральной службы по контролю за оборотом наркотиков. Да еще частично сохранившийся «аппендикс» когда-то общественного туалета со стороны улицы Октябрьской подвыпившие граждане упорно используют по его когда-то прямому назначению.

То ли судьба, то ли просто рок — но какая-то «несчастливая» печать лежит на «сибторговских» зданиях.

Что на старых, что на новых...

Новониколаевск полицейский

В застройку дореволюционного Новониколаевска свою, и очень значительную, лепту внесли армия и специальные службы.

Наследство «армейского» Новониколаевска сохранилось практически полностью и, более того, частично используется по прежнему назначению до сих пор. А вот «наследство» новониколаевских специальных служб либо испарилось, либо тщательно замаскировалось.

Впрочем, на то эти службы и называются «специальными».

Здание Госбанка, построено в 1930 году. В процессе проектировки был объявлен открытый всесоюзный конкурс, но после сокращения финансирования и объемов строительства проект был осуществлен в уменьшенном варианте

«Полицейская» часть Новониколаевска отстраивалась в 1911-1915 гг. Интересно, что строительство велось одновременно с сооружением большого комплекса «гражданских» зданий — знаменитых каменных школ и Городского торгового корпуса по проектам Андрея Крячкова.

Естественно, что одним из первых «специальных» зданий, которыми обзавелся город, стала тюрьма (на ее фундаменте позднее были построены Речное училище. Рассчитывалось сооружение на содержание 120, максимум 200 сидельцев. Вроде бы прилично — на 58 тысяч тогдашнего населения. Но это как посмотреть.

По данным новониколаевских газет за 1908 г. число задержанных и арестованных в городе колебалось от 105 до 154 ежемесячно, за год общее количество достигло полутора тысяч. Абсолютный рекорд (кстати, не «побитый» новосибирской милицией до сих пор) был поставлен 15 декабря 1908 г. — 34 ареста за сутки. Так что недостатка в «постояльцах» (точнее — в «посидельцах») «казенный дом» на тогдашней Александровской улице не испытывал.

В марте 1917 г. заключенных в нем было более 450. Напомним — на 120-200 запланированных «посадочных» мест. Но, как по другому поводу спел Владимир Высоцкий, «тюрьму сломали, мусор на помойку!». Фундамент служит другим людям и другим целям.

Не сохранилось и здание, из которого, собственно, и начинался недалекий путь в «казенный дом» на Александровской — здание городского полицейского управления. Официально оно числилось по ул. Барнаульской (сейчас — Щетинкина), но фасадом выходило на все ту же Александровскую (этот участок сегодня — ул. Серебренниковская).

Ни Оперного театра, ни поликлиники № 1 тогда, естественно, не было, так что из здания управления желающие вполне могли рассмотреть будущее «место назначения». Кстати, начальник полиции жил здесь же, буквально по соседству с «подопечными».

Не знаю, имели ли право в те годы перезваниваться подследственные с осужденными, «мобильных» еще и в мечтах не было, но «Справочник по г. Ново-Николаевску» (Н-Н-ск, 1912 г.) приводит телефоны и полицейского управления (№ 6), и тюрьмы (№ 276). Справочник был общедоступным. А учитывая то, что один из новониколаевских полицмейстеров попал по резуль-

татам своей службы под показательный процесс с последующим приговором, возможность подобного «перезвона» представляется вполне реальной. Впрочем, тема новониколаевских «оборотней в погонах» требует отдельного рассказа.

Здание полицейского управления, как и здание тюрьмы, снесено. Фундамент — и там, и там — пригодился. На месте здания полицейского управления выросло здание Управления по борьбе с организованной преступностью (некоторое время название этой организации звучало несколько странно — «Управление по организованной преступности»). «Свято место пусто не бывает».

До сноса здание было известно тем, что в нем располагался горотдел НКВД.

Рядом с полицейским управлением находился арест-

Служить городовыми или в основном отставные гвардейские унтеры

Николаевский проспект, 1910-е годы

ный дом. Для содержания тех, кто задержан, арестован, но пока не осужден.

Это здание, выстроенное в 1914-1915 гг. с размахом и с запасом по вместительности, сохранилось до сих пор. Но — «замаскировавшись».

Оно — памятник истории и архитектуры города под названием «Дом, в котором находились в заключении арестованные белочехами члены президиума Совета рабочих и солдатских депутатов» (ул. Щетинкина, 62). Те самые похороненные в Сквере Героев Революции «члены президиума Совета рабочих и солдатских депутатов» Петухов, Горбань, Серебренников, Шмурыгин и Полковников, которые 4 июля 1918 г. вышли из этого здания в свой предсмертный путь, сами того не зная, и спасли свое последнее пристанище от уничтожения.

Зданию полицейского управления даже последующее «родство» с НКВД не помогло (а может быть — даже помешало). А вот существовавший по соседству

арестный дом — сохранился. Примечательно, что здание арестного дома (для предварительно задержанных и арестованных) выглядит бесконечно длинным. Предполагалось (и небезосновательно) большое количество посетителей.

Улицу Барнаульскую (Щетинкина) «вырубили» под офисную застройку практически всю. Из исторической застройки остался, пожалуй, только этот самый бывший арестный дом. Да и то — куда-то пропала с него табличка, что он является охраняемым государством памятником. Приznak очень нехороший, но и характерный.

В 1917 г. местные газеты указывали другой адрес полицейского управления — на ул. Асинкритовской (Чаплыгина). Вот этот дом сохранился до сих пор (пока!) и «спрятался». Чего здесь только не было в том самом году и немного позже! И полицейское управление, и Комитет общественной безопасности (высшая городская

власть в тот год), и первая избирательная комиссия Новониколаевска, и первое управление милиции — «временно-правительской», «советской», «сибирской», «колчаковской» и снова «советской».

И, что примечательно, несколько лет, несмотря на смену властей, что полиция, что милиция выбирали именно это здание. Избирательная комиссия и тот самый Комитет были исключением, хотя и те, и те были «к месту». Как говорится — если что, чтобы далеко не ходить.

Дом «испугался». Когда столько исторических событий на одно отдельно взятое строение — лучше не высовываться и забыть обо всем. Да дом и не высовывался — был известен в 1970-90-е годы под именем фотолaborатории. Проявлял пленки, печатал фотографии.

Соседний дом, где было сначала сыскное отделение полиции, а затем первое «советское» управление уголовного розыска, снесли.

Кстати, в отличие от бывшего «полицейского» дома, «сосед» официально числился памятником архитектуры, поставленным на государственную охрану еще в 1990 г. Несмотря на это, он не существует — снесен несколько лет назад, а сейчас на его месте достраивается очередная офисная высотка.

Простите, про новониколаевскую жандармерию (то есть — про очень «специальную» службу) писать не буду. Их дома или пропали, или мне о них лучше не знать.

Я пишу про город, и меня мало интересует, как используется этот «жилфонд» сегодня. Новониколаевская полиция исчезла вместе со старым городом. Несмотря на частичную принадлежность впоследствии к милиции, дома как-то сжимались, съеживались, пытались выжить.

Кроме фундаментов, не выжило практически ничего.

Фонтан «рабочего движения»

«Волна рабочего движения перекинулась вместе с железной дорогой через Урал и разлилась по необъятной Сибири», — писала «Искра» 5 декабря 1902 г. В 1917 г. эта «волна» буквально забила «фонтаном» в Новониколаевске — правда, в каких-то неожиданных и порой анекдотичных формах.

Бастовали в Новониколаевске всегда, чуть ли не со дня основания города. Город, начавшийся с железнодорожного моста, и хронику забастовок начал с железной дороги. Первая документально зафиксированная акция «го-

Новониколаевские грузчики — «крючники»

родского» рабочего протеста произошла 1 октября 1895 г.

Бастовали полторы сотни строителей-железнодорожников на ст. Кривошеково (нынешний Ленинский район города), требуя улучшения условий труда и, главное, — улучшения качества и количества пайка, который они получали. Забастовка сошла на нет сама по себе — организаторов как таковых не было, а разговаривать с неорганизованной толпой никто не стал. Побуянили — разошлись.

В 1917 г. сознательность рабочего класса Новониколаевска внезапно выросла в разы. Правда, в преимущественно торгово-посредническом городе «рабочего класса» как такового практически еще не существовало, однако подарочный буклет, изданный только для делегатов юбилейной XXV Новосибирской городской партконференции 1975 г., сообщал, что в 1917 г. в городе было «24 Совета профессиональных Союзов, в них 4502 рабочих».

На самом деле профсоюзов в городе в 1917 г. было намного больше, а вот рабочих — несколько меньше. Хотя, опять же, как считать. Эсдек Федор Серебренников читал в городе публичные лекции: «Пролетарии прилавка в борьбе за лучшее будущее». Так что теоретическая база была вполне обоснованной. И — понеслось!

Забастовки в 1917 г. в городе закончились — началось массовое создание профсоюзов. Профсоюз столяров и плотников. Профсоюз музыкантов. Профсоюз «содержателей гостиниц, столовых, меблированных номеров, кофейных, буфетов, постоянных дворов и других однородных профессий».

Желающих присоединиться объявление приглашало явиться 12 апреля 1917 г. в «цирк Коромыслова». Публикуемые рядом объявления призывали членов союза домовладельцев прийти на собрание «в школу по Михайловской ул.» (теперь там — городской кукольный театр). В общем — от цирка до театра.

Базарная площадь, 1910-е годы

Профсоюз грузчиков объявил в своих рядах 675 человек, из них 313 — женщин. Профсоюз торгово-промышленных служащих решительно заявил свои требования: ввести во всех отраслях торговли 8-часовой рабочий день, для лиц конторского труда — 6-часовой; ввести закрытие всех без исключения торговых предприятий, магазинов и лавок с 12 до 2 часов дня для обеденного отдыха служащих.

«Полный праздничный день; в воскресные, двенадцатые и местные городские праздники, в праздник революции 1917 г. (Февральской, разумеется. — А. К.), памяти 9 января и день 1 мая — 18 апреля. В сочельники перед Рождеством и Пасхой торговля с 8 до 12 ч. дня, в последние дни Пасхи с 9 до 12 ч. дня». И, вероятно, самое главное: «Сверхурочные работы допустимы только при стихийных бедствиях».

Понятно, что при стихийных бедствиях в первую очередь приходится работать «пролетариям прилавка», причем — сверхурочно.

Откуда этот внезапный всплеск «профсоюзной активности» весны 1917 г.? А «ларчик просто открывался». Дело в том, что при создании городского Совдепа было объявлено, что формируется он по своеобразным квотам. Фиксированное число — от каждой из революционных партий, фиксированное — от солдат гарнизона.

А вот от «общественных организаций» (которых тог-

да, естественно, и в природе-то не существовало при «проклятом царизме») — в зависимости от их численности. И партии бросились создавать профсоюзы. Это же так просто — кроме чисто «партийных» представителей в Союде появляются тоже партийные, но — «от профсоюзов». Эсеры, эсдеки, «новые социалисты», социалисты-федералисты («областники») — все бросились проводить семинары «по организации профсоюзного движения», а также абсолютно бесплатные консультации на ту же тему.

Уже упоминавшийся эсдек Серебренников с какой-то наивной откровенностью предельно точно сформулировал проблему взаимоотношений «партия — профсоюз»: «...не значит, что членами профессиональных организаций должны приниматься лишь члены с.-д. рабочей партии... Но каждый союз, каждая профессиональная организация, как целое, должны стоять на строго классовой точке зрения и проводить принципы социал-демократической партии» («Голос Сибири», 17 марта 1917 г.). Убери название партии — и под этим тезисом, пожалуй, смогли бы с чистой душой подписаться все новониколаевские «общественные деятели» 1917 г. независимо от партийной принадлежности.

Ох, зря, зря тронули этот «камушек» под названием «рабочее движение»! Ни партий, ни, соответственно, грамотных партийных (любой! любой направленности и политического «цвета»!) руководителей на всю эту массу трудящихся, внезапно осознавших свои коллективные интересы, в городе просто не существовало. Наступал какой-то всеобщий «профсоюзный хаос».

Городская газета «Голос Сибири» с тихим ужасом писала 9 мая 1917 г.: «Союз служащих кинематографов — это биллютеры (орфография сохранена. — А. К.), механики и т. д. — потребовал, чтобы вопросы о музыке решались ими, а не профессиональным союзом музыкантов. Союзы портных и портних на первом же собрании выдвинули вопрос об устройстве артелей».

Мало организованное общество официантов и служащих гостиниц, кафе и т. д. сразу поставило ультиматум хозяевам, угрожая забастовкой... Союз служащих при коллодках постановил не работать по праздникам, не назначил дежурств, чем поставил город в затруднительное положение при пожарах. Электротехники намечаемую свою профессиональную организацию направили по пути торговли предметами электрического оборудования».

Профсоюзов, в общей сложности, создалось более

40 — крупных, мелких... И все — возмущались, поскольку стало «можно». «Правление профсоюза домашней прислуги обращает внимание на след. факт. При старой управе (мэрии по-сегодняшнему. — А. К.) прислуживали девушки, которые главным образом заведовали разнородной чаем. Их рабочий день продолжался от 9 ч. утра до 2 ч. дня, а когда Дума заседала, тогда они бывали заняты до 3 ч. ночи... Сейчас, при Народном собрании, условия их вознаграждения не изменены» («Голос Сибири», 11 мая 1917 г.).

Жаловались в газеты не только профсоюзные правления, но и отдельные члены профсоюзов. Корреспонденту все того же «Голоса Сибири» (17 июня 1917 г.) буквально «раскрыл душу» маркер (служитель, отмечающий ход игры на бильярде; по-сегодняшнему — сотрудник казино) из кофейной Сушкевича на Тобизеновской (на углу нынешних ул. Горького и Красного проспекта).

«Особенно тяжело маркерам. Маркер тоже своего рода специальность, он должен... выполнять многие перед хозяином ответственные условия. Рабочий день маркера продолжается с утра до глубокой ночи... Поневоле маркеру приходилось прибегать к разным и сторонним заработкам — обыгрывать посетителей, приписывать минут 10-15 к часу при записи... Но теперь настали новые времена и маркера хотят быть модными». «Модный» маркер, надувавший посетителей заведения, предложил хозяину выплачивать ему кроме зарплаты «еще какие-нибудь проценты с доходов, т. к... прожить при теперешней дороговизне невозможно».

Газета описывает жуткий конец этой истории: «Г. Сушкевич — противник профессиональных союзов, на просьбу N., члена профсоюза, просто рассчитал его».

В переводе на русский язык — вор и жулик пришел к хозяину предприятия с претензией «Делиться надо!» И пострадал, естественно, по чисто принципиальным мотивам.

Прошло совсем немного времени до октября — и Союду стало не до профсоюзов. «Фонтан» как-то сам собой утих, и никто больше не вспоминал, скажем, о когда-то существовавшем городском профсоюзе кондитеров, сушечников, булочников и пряничников.

Не до пряников стало. Да и не до бед отдельно взятых маркеров — будь они хоть членами профсоюза.

Неудобные борцы «за власть Советов»

В прежние годы экскурсоводы и путеводители по Скверу Героев революции пользовались одной привычной формулировкой: дескать, «здесь похоронены активные большевики и борцы за власть Советов». Конструкции русского языка охотно позволяли не то чтобы врать, но лукавить.

Союз «и» как бы подразумевал, что именно большевики и являлись одновременно «активными борцами...» Однако на деле в Сквере Героев лежат борцы за Советы, не имевшие отношения к большевикам, кроме и помимо большевиков борцов за эту самую власть в Новониколаевске в революцию и гражданскую войну хватало. «Борцы», находясь в очень сложной ситуации, боролись одновременно и «за Советы», и против тех, кто оказался в них. По горькой иронии судьбы, части из этих «борцов» Совет пришлось сначала свергать, потом — пытаться восстановить.

Ни к чему хорошему это не привело.

Собственно, партийная жизнь и запах близкой власти появились в городе после Февраля 1917 г. Все просто — когда «давили» сверху на всех, то тут не до внутрипартийных разногласий. Февральская революция выяснила, что, собственно, у всех «борцов за власть Советов» свои интересы.

До того и местные социал-демократы (большевики и коммунисты), и социалисты-революционеры (будущие «право-», «лево-» и «белозсеры») не имели никаких структурированных парторганизаций. Группы — были, активисты — были, а вот

партийных организаций — не было.

Не успели донестись вести из Питера, как организации возникли, да еще какие! Сразу внутренне поделившиеся, но внешне державшиеся едиными — время не прошло для внутренних драк. Свалившаяся в Питере власть в городе буквально валялась под ногами. Что говорить, если полицмейстер явился на заседание Гордумы, обсуждавшей вести из Центра, на коленях протянул президиуму свою саблю и заявил, что готов «служить народу»!

Первыми 6 марта 1917 г. определились эсдеки, создав объединенную организацию РСДРП (и «маленьких», и «больших»). Эсеры не отставали. 7 марта провели свое собрание, в котором участвовал Борис Доронин-Марков (или Марков-Доронин — смотря какой справочник вы читаете), один из виднейших эсеров Сибири. Под понятными лозунгами «За землю, за волю, за лучшую долю!» в городе в партию записалось несколько тысяч человек (многие из них — солдаты гарнизона).

Собственно, после Февраля 1917-го бардак в городе и начался — а также основные меж- и внутрипартийные интриги. Власть — не было.

Были странные, непривычные организации — Комитет общественной безопасности (где вместе с «буржуазными» представителями были и один из известных эс-

Члены первого новониколаевского Совдепа. Слева направо: А.И. Петухов, С.Н. Пыжов, Е.Б. Ковальчук, В.Р. Романов, В.И. Шамшин, Ф.И. Горбань, С.И. Якушев, Ф.П. Серебренников

деков Николай Рожков (меньшевик), и эсер Анатолий Сазонов (правый). Был внезапно и не совсем понятно избранный городской Совет, в котором большинство получили тоже эсеры. Председателем Совета, правда, стал меньшевик-эсдек В. Герман-Каменский.

Не успел прикатить апрель 1917-го — еще и Городское народное собрание избрали (эсеры, пока не поделившиеся, получили большинство). Потом, после выступления генерала Корнилова, — Комитет спасения революции, в который, собственно, не вошедших не оказалось, тоже объявил, что вся власть у него. Все было зыбко и невнятно.

14 сентября 1917 г. состоялось общее собрание эсдеков. Вопрос, собственно, был один — за «маленькими» или за «большими»? В итоге те, кого называют меньшевиками, из партии и из власти (в тот момент) вылетели. Обидно, да?

Запомним — это все еще сентябрь 1917 г. и ссорятся «горшок об горшок» люди, которые еще вчера работали рука об руку в подполье. 2 октября вышли в отдельную фракцию из своей партии и «правые» эсеры, заявив, что не могут работать с «большевиками эсеровского толка». Одним из таких «большевиков» (впоследствии — и без кавычек) был, кстати, солдат П. Староверов, делегат исторического (как ни крути!) II Всероссийского Съезда Советов — того самого, провозгласившего в России Советскую власть. Немного дней вместили многое — и Народное собрание города отказалось признать Октябрьский переворот (извините уж — что Ленин, что Сталин, что Троцкий так его в первые годы называли), и в Совете городском остались только большевики и левоэсеры.

Ну, и Гордому, естественно, распустили. Вместе с Народным собранием. Да и Совет городской теперь состо-

Дом хлеботорговца Арона Кагана (улица Урицкого, 2), 1910-х годов. С 1926 года здание передано Сибирским краевым союзам сельхозкооперации, после чего надстроен второй этаж. Позднее здесь разместился родильный дом № 1

ял только из большевиков и левоэсеров. Поскольку, дескать, «правые» эсеры уже не в партии и вроде как никого не представляют, а обиженные меньшевики ушли из Совета сами.

Вот так и получилось, что Новониколаевском, на 80% голосовавшем за эсеров, стал руководить исполком Совдепа, где левоэсеров и большевиков было «50 на 50», — по 15 человек.

...Те, кто получил власть, мечась как в лихорадке по ми-

тингам, собраниям и заседаниям, не знали, что все это скоро кончится. Остальные, «обиженные», тем более думать не думали про что-то подобное. Что для них это кончится тоже скоро. Они, собственно, надеялись на возвращение.

И, собственно, продолжали борьбу за ту самую «власть Советов», которая вдруг оказалась в городе единственной властью, но от них ускользнула. А пока... Совет закрыл и меньшевистскую газету «Голос Сибири» (где совсем недавно сами и печатались), и правозэсеровскую «Знамя Свободы».

Кстати, эти газеты выходили регулярно и информировали о событиях достаточно объективно. Большевики за все время внезапно свалившейся после Февраля «свободы» с большим трудом сумели выпустить только один номер своей газеты «Рабочий». Большевики, собственно, интересовались в Совете разделом власти, что в итоге и привело к своеобразному «незаметному перевороту».

Большевики поняли, что власть-то у них, а рычаги — у левоэсеров. Левоэсеры Полковников, Шмурыгин и Ботко от имени Совета взяли, наконец-то, за то, что до сей поры ну никак не получалось — создание Красной гвардии, того самого властного рычага, на который можно было бы опереться. Большевики же оставили себе отдел обысков и арестов (и в тюрьму попали первые меньшевики и «правые» эсеры), а также прием и хранение изъятых у буржуазии ценностей, оружия и обмундирования.

Чтобы сохранить себе уже окончательно никому не подотчетную власть, исполком Совдепа в ночь с 10 на 11 апреля объявил о переходе всей власти в городе в руки созданного из собственных членов Военно-революционного штаба, а город — на осадном положении.

Но и здесь, когда власть уже — вся, полнее некуда, что-то ничего не делалось для реального улучшения жизни в городе. Кроме, конечно, бесконечных митингов и собраний. Левый эсер прапорщик Ботко, «командующий войсками Советского гарнизона», в конце концов вывел из города на Забайкальский фронт, против атамана Семёнова, первые три сотни красногвардейцев. И это — из «осажденного» города! Честное слово, Совдеп вел себя так, как будто его власть уже навсегда.

Правда, надо сказать, что и подполье их врагов, других «борцов за власть Советов», работало не менее хаотично, и если что и получалось — только чудом. К моменту майского переворота и свержения Совдепа на 160 подпольщиков насчитывалось едва ли полтора десятка винтовок. И это в городе, набитом войсками и оружием!

Собственно, если бы не чехословацкий корпус, все это могло бы тянуться до бесконечности. В конце концов руководитель чехов полковник Гайда, откровенно уставший от попыток практически безоружного Совдепа настоячиво разоружить его легионеров, с подпольем договорился буквально за несколько часов: «Вам — власть и политика, нам — контроль над железной дорогой».

И в ночь с 25 на 26 мая 1918 года город был занят, Совдеп — арестован, а формируемые части Красной гвардии просто разбежались. В результате «правые» эсеры и меньшевики из тюрем вышли, левые эсеры и большевики заняли их место и там, и в подполье. Пятерых членов исполкома Совдепа (то бишь, тот самый Военно-революционный штаб), двух левоэсеров и трех большевиков расстреляли при довольно туманных обстоятельствах чехи.

Эти пятеро, что похоронены в Сквере Героев революции, — те самые «большевики и активные борцы за власть Советов», которые теперь уже навечно остались рядом.

Победители название «Совдеп» восстанавливать не стали, ограничились городской Думой. И — все пошло по накатанной колее. Митинги, парады, приветствия и прочие неотложные дела.

Например, долго и всерьез обсуждалась срочная необходимость переименования города. Газета «Народная Сибирь» радостно сообщала: «Местные власти и общественные деятели, учитывая большое будущее Ново-Николаевска и огромную историческую заслугу в почине свержения большевизма, возбуждают просьбу переименовать город в «Обск»... с целью уничтожения памяти у сибиряков самодержавного режима Николая Последнего, именем которого назван город». Бог миловал.

Впрочем, случались и вполне разумные, «житейские» распоряжения — вроде запрета на изготовление и продажу вина, а также на появление на улицах в нетрезвом виде (в общем, объявили что-то вроде перманентного «сухого» Дня города в его сегодняшних не самых удачных проявлениях. А пластиковой посуды тогда не было). Судя по тому, что решение это было принято после свержения Совдепа одним из первых, проблема для набитого (повторим!) войсками города была очень актуальной.

Тем более, что воевать очень хотели политики и совсем даже не очень — навоевавшиеся войска. Они были не более чем «фоном» для митингов и остальных «радостей жизни» уездного города, но отнюдь не спешили опять «под ружье». Что при Совдепе, что при эсерах.

«Карнавал Свободы» (с перманентными расстрелами подпольщиков-большевиков) продолжался недолго. В первых, эсеры вдруг оказались «не у дел» — полностью и позорно провалив и первые, и вторые выборы в «свободную» Гордому. Во-вторых, и это главное, после колчаковского переворота эсеров и меньшевиков стали сажать туда же, где уже сидели большевики и остатки левоэсеров. Тюремные нары — самое удачное место для партийных дискуссий, особенно если они касаются (году эдак в 1919-м) судьбы Учредительного собрания и Брестского мира.

Да, кстати, не столько по отношению к Октябрю, а, якобы, в основном по этим вопросам новониколаевские эсеры и эсдеки раскололись. Нет, нет, не в борьбе «за власть Советов» — по принципиальным вопросам!

В ноябре 1919 года, извините за сарказм, «друзья встретились вновь». На подпольной встрече большевиков, меньшевиков, эсеров и части офицеров местного гарнизона договорились о восстании в городе против колчаковцев на 7 декабря. Большевики, правда, морщились при упоминании «Учредительного Собрания Сибири». Тем не менее, восстание состоялось и вроде бы удачно — при поддержке большевиков, эсеров и меньшевиков части 2-го Барабинского стрелкового полка под командой полковника Ивакина захватили город: связь, основные центры и здания, начали выпускать политзаключенных.

Правда, находившийся в городе командующий 2-й колчаковской армией Войцеховский не растерялся. Он снял с охраны Транссиба 5-ю Сибирскую польскую дивизию (аналог чешского корпуса) — и к 9 декабря восстание было ликвидировано. Перестреляли и часть восставших, и часть тех, кого они успели освободить. Поляки ушли, колчаковцы организованно эвакуировались из города. 14 декабря в город вошла Красная Армия. Меньшевики и эсеры вновь стали неактуальны, и Советская власть в городе победила, наконец, окончательно.

...И город-то маленький тогда был, и все друг друга как облупленных знали, — и как же это они (то одни, то другие) умудрились подполье организовывать?

А если серьезно, то после окончания гражданской войны в Новониколаевске уже никто не сомневался, что «Советская» — уже только прилагательное, а существительное-то — «Власть». А у власти на гражданской войне один запах — свежей земли на могилах. Своим — с оркестром, чужим — молча.

Власть — она и есть власть, с прилагательными или без.

Без гения налоги не собрать

С первых дней существования перед молодым Новониколаевском встала проблема городского бюджета. Город рос, росли его «общегородские» затраты.

Поэтому городская власть, с одной стороны, всячески стремилась расширить то, что сейчас называется «налогооблагаемой базой». С другой — применяла стандартные и нестандартные меры воздействия к должникам-недоимщикам.

На помощь правительства империи город мало рассчитывал. Нет, конечно, и «ходоки» регулярно ездили и прошения «на Высочайшее Имя» подавались, но город прекрасно понимал, что выжить он сможет только собственными силами. А помощь правительства... В 1900 году город был еще поселком, никакого своего бюджета иметь не мог, да и строился на землях, принадлежавших Кабинету Двора Его Императорского Величества. В тот год Кабинет, получив от Новониколаевского поселка доход в 39 тыс. руб. (в том числе — 19 тыс. руб. от аренды земли жителями), израсходовал на его содержание аж 25 тысяч рублей.

Да даже когда и удавалось «достучаться» «до самого верха», это не было гарантией решения проблем.

В начале февраля 1903 года Николай II удовлетворил ходатайство новониколаевцев о передаче будущему городу земель в собственность за выкуп. Но! В документе не были указаны ни сроки выкупа, ни его участники (то ли выкупают арендаторы, то ли будущий город — как юрлицо).

А посему Кабинет Двора изволил закрыть глаза на резолюцию «Хозяина Двора» и еще 4 (четыре!) года взимал с жителей арендную плату и распоряжался землей. Вот такое вот «самодержавие»...

Для пополнения городского земельного фонда город шел на всякие ухищрения. Для начала Новониколаевск добился-таки, чтобы Алтайская железная дорога прошла через город. Это уже прибыль, но наивный такой город-

Панорама Новониколаевска, начало XX века

мальчик предложил еще и немного изменить проект постройки станции (сегодня — «Новосибирск-Южный»), обещая взамен чуть ли не даром поставить для строительства и рабочую силу, и материалы.

Проект утвердили, строительство началось, и только тогда взвыло белугой МПС, поняв, как его надули. По первому проекту здания станции и всех пристанционных построек должны были возводиться в «полосе отчуждения» (собственности МПС). А построено, в конце концов, все было на городских землях, и МПС теперь пришлось, скрипя зубами, платить городу аренду «за отчуждение».

И даже 205 тыс. руб. пришлось МПС «отстегнуть» на снос построек в районе новой станции, переселение их жильцов и строительство для них домов.

Получив городской статус, Новониколаевск наконец-то обрел возможность формировать собственный бюджет, в первую очередь — за счет арендной платы от промышленных и торговых предприятий, от мелких торговцев, от купцов. Вся плата за торговые места на Базарной площади (сегодня — Ленина. — А. К.) также шла в городской бюджет, плательщики порой просто взывали.

Вот типичная ситуация, попавшая в местные газеты: «В городское управление поступило прошение от лиц, торгующих на базаре печеным хлебом. В прошении говорится, что город с них берет за места непомерно высокую плату — от 5 до 20 руб. в месяц... Сушечники же, торгующие с возов, находятся в более выгодных условиях, выезжая на рынок только в базарные дни и продавая по

2-3 воза сушек. Они платят за место по 20 коп. в день, что составляет всего 1 руб. 60 коп. в месяц.

Некоторые же умудряются уезжать, ничего не заплативши, так как базарный смотритель не имеет физической возможности уследить за всеми, приезжающими на базар. На основании этого хлеботорговцы просят: уменьшить с них арендную плату...».

Сушечники город мало интересовали (народ приезжий, сегодня здесь, завтра — там), а с хлебопеками пришлось договариваться полюбовно. Была снижена плата, появился еще один базарный смотритель. Но хлебопеки-то хоть были готовы работать и платить городу (в разумных, конечно, пределах).

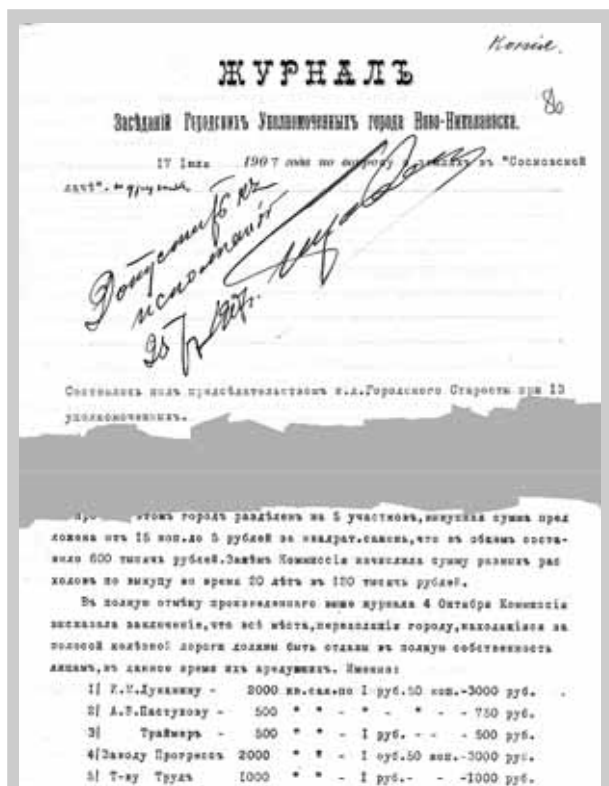
А были и такие, кто платить не очень-то хотел. На начало 1910 года 56 тысяч руб. городской недоимки состояло не за беднейшими жителями города, как это можно было ожидать, а за богатейшими, сообщали городские газеты.

«Так, за Южно-Алтайской компанией состоит 3697 руб. 84 коп., за Алтайской компанией 5503 руб., за торговцами с базарной площади около 11 тыс. руб. (из них за фирмой Е. А. Жернакова — около 1000 руб.), затем следуют около 3000 руб. сбора за крыльца у торговых помещений (торговля перед входом в лавку или магазин. — А. К.) и т. д.

За действительно же бедными состоит не более 10-15% общей суммы недоимок».

Иногда терпение города по отношению к злостным должникам лопалось, и тогда случалось разное. Порой ситуации складывались просто юмористически.

Журнал заседаний городских уполномоченных по обсуждению указа Николая II об условиях выкупа городских земель, 1907 год

Управление Томским именем Алтайского округа ведомства Кабинета Его Императорского Величества (улица Обская, 4). В этом доме в 1907 году был подписан Акт о передаче Ново-николаевску на выкуп земли Алтайского округа

Вот одна история со страниц новониколаевской газеты «Народная летопись» за 17 марта 1909 года. Два платных объявления на 6-й полосе газеты: «Спешно продается по случаю отъезда купленное место и каменный низ (первый, кирпичный, этаж многих городских зданий. — А. К.). О цене спросить в лавке Колесниченко по Михайловской улице (сегодня — ул. Ленина)»; «Спешно продаю дом. Могу сдать в аренду на выгодных условиях 3 флигеля. Михайловская ул., № 37, спросить торговлю Рябоштанова».

Казалось бы — ничего особенного, ну продают купцы свое имущество, юмор-то в чем?

А в том, что на 5-й полосе этого же номера газеты помещена совсем небольшая заметка в разделе «Городская хроника»: «За неплатеж недоимок дополнительного промыслового налога описано имущество у торговцев Федора Рябоштанова и Ивана Колесниченко. Продажа описанного имущества будет произведена в самом непродолжительном времени».

Торговцы сначала слишком долго тянули (с оплатой), а потом — пожадничали. Когда они объявления в газету давали, никакого решения об описи еще не было. Заказали несколько объявлений подряд, а вот доплатить мизерную сумму «за срочность» не захотели. И легли объявления в общую очередь и дождались-таки своего часа!

По инициативе газеты весь этот «объявленческий» карнавал был окончен — торговцам вернули деньги за невышедшие объявления. Все по-честному.

Было у городской власти и еще одно «секретное оружие» против неплательщиков — служащий в управе полицейский исправник Дубогрей. Газеты называли его «добрым гением городской кассы». Пригласили-то его, собственно, для борьбы с самовольным захватом городских земель, а он быстро превратился в главного сборщика городских налогов.

Вот как описывала та же «Народная летопись» очередное совещание городской власти: «Городская управа испрашивает разрешение на ту или иную затрату... Господа уполномоченные (городские депутаты. — А. К.) справляются о состоянии кассы, на что со стороны управцев следует тяжелый вздох и неопределенный жест, и взоры всех обращаются к г-ну Дубогрею. «Можете ли вы к такому-то числу доставить такую-то сумму?» — обращаются к нему г-да уполномоченные. «Могу», — не задумываясь отвечает г-н Дубогрей, и требуемая затрата разрешается, как будто необходимая сумма уже в кармане».

Газета сообщала подробности: «...Характерное явление: на зимние месяцы приходится наименьшие суммы поступлений, а на летние — наибольшие... Это на первый взгляд странное явление объясняется просто. Зимой расходы сокращаются, приток же всякого рода поступлений увеличивается. А, следовательно, у городской кассы появляется возможность свести концы с концами и без помощи г-на Дубогрея. Не то летом, когда приток поступлений уменьшается, а расходы, ввиду необходимости производства всякого рода сооружений и ремонта, увеличиваются. Тут уже без помощи г-на Дубогрея не обойдешься. Как видите — система незамысловатая: нужны деньги — надави на г-на Дубогрея, а «ён достанет»... Только вот пригодна ли такая система в городском хозяйстве?»

Интересно, а как бы ответили на этот вопрос сегодня в здании по адресу Красный пр., 34? Может, пора искать нового «Дубогрея»?

Кладбищенский парк имени Сталина

Наш город как-то странно выглядит в сводках информгентств и публикациях центральных СМИ. Все как-то... не по-людски. От информационных поводов можно только вздрагивать.

То два бомжа японского журавля в зоопарке сожрут, то непонятно кто памятник Сталину собирается ставить. Как будто не третий город по величине в России, а какая-то деревня Гурелово или Неелово («...Неурожайка — тож...»).

История с инициативой установки памятника Сталину покрыта мраком. Обком КНРФ заявил, что поддержит ветеранов, чья «инициативная группа» собрала 2000 подписей за установку памятнику «товарищу Кобе» как Верховному Главнокомандующему в годы войны. Причем все

время подчеркивается, что это инициатива не обкома, а именно ветеранов. А обком — просто поддержал. Такая детская милая непосредственность не может не умилять. Это детишки в возрасте от 2 до 5 лет часто повторяют две фразы: «Это не я!» и «Оно само!» К 6 годам, правда, дети понимают, что такие отговорки бессмысленны. Тем более, когда тебя «застукали» с вымазанной вареньем ложкой у полупустой банки рядом с разбитой чашкой. Наши, поддерживавшие мифических «инициаторов» (ни одной фамилии или хотя бы партийных псевдонимов ее участников так и не огласили), вроде бы люди взрослые. Но вот после «Это не я!» вдруг выясняется, что у обкома в «загашнике» уже давно лежит сталинский бюст, изваянный неким красноярским скульптором.

Правда, со скульптором «если что» придется еще договариваться по деньгам, но если будет разрешение на установку — «мы соберем!» Та же самая инфантильная детская логика — «Купи мне мороженое, а уроки я потом выучу!»

Объяснения, почему необходимо осчастливить город «усатым» памятником, тоже удивительны по наивности. «Крупная историческая фигура», «В следующем году страна отметит 130 лет со дня его рождения», «Генералиссимус», «Верховный главнокомандующий»... А что он для нашего города? Кум, сват, брат? С его выступления у нас в 1928 году был взят курс на ускоренную коллективизацию с массовым применением жесточайших репрессий.

«Инициаторы» и «поддержавшие», похоже, даже в сталинское собрание сочинений, вышедшее при его жизни, не заглядывали, — рекомендую почитать, выступление опубликовано. Крупных исторических фигур у нас в истории много. Тот же «железный нарком» НКВД Николай Иванович Ежов. Так может быть и улицу Салтыкова-Щедрина обратно в улицу «имени Ежова» переименовать?

Давайте уж тогда, действительно, по полной программе, восстановим «историческую справедливость». Вернем прежние названия городским улицам и площадям. Улицу Ленина — обратно в проспект Сталина. Площадь Ленина — в площадь Сталина. Кстати, еще раньше она носила название «имени Жертв революции». А вот почему-то предложение переименовать площадь Свердлова в площадь Крячкова (архитектора, который долгие годы проектировал и застраивал нынешний городской центр) вызвало не восторг, а тихую истерику.

Хотя Свердлов-то к нашему городу — никаким боком. А про «пляски с бубнами» вокруг переименования площа-

ди Маркса в площадь Великой Победы и вспоминать не хочется. Зато сегодня для памятника Сталину основные аргументы — «Верховный Главноком» и «Генералиссимус». Суворов тоже был Генералиссимусом, а Кутузов — «Верховным». У нас вообще в истории страны можно найти столько всяческих войн, что хватит на несколько стран.

Не зря в свое время Геннадий Зюганов сказал: «Наш народ миролюбив и незлобив. 800 лет провел в боях и походах».

Так что аргументы — ой какие лужавые!

В Новосибирске уже стояли памятники Сталину. После того как снесли Никольскую часовню на Красном проспекте, на ее месте соорудили памятник рабочему-молотобойцу. К концу 1930-х годов стало понятно, что рабочий «не на месте». Рабочего аккуратно сняли, и на его месте появилась железобетонная скульптура Сталина. Были и еще изображения вождя, но уже из серии того, что называется «садово-парковой скульптурой» (вроде сегодняшнего «Памятника светофору»).

Были они обычно парные, изображавшие Сталина рядом с Лениным. И, конечно, самым популярным сюжетом

Сад «Альгамбра» находился в Вокзальной части города, на пересечении улиц Сибирской и Нарымской. На территории сада размещался летний театр, ресторан и аттракционы

были «вариации на тему» известной фотографии «Ленин и Сталин в Горках», где они оба запечатлены на одной скамеечке. Когда в начале 1960-х пошел «большой снос», поносили и их — несмотря на присутствие в композиции Ильича. Что-то никто из нынешних ветеранов тогда против этого не протестовал — ни на площадь с красными знаменами никто не пришел, ни пикетов против сноса не было. Могли «дать по шапке», и крепко. А сегодня что — самое время кричать «Не дадим переписать историю!» и носиться с идеей установки памятника Сталину?

Кстати, а где его устанавливать-то? Слава Богу, не пришлось «гения», предложившего снова снести восстановленную Никольскую часовню, а на ее месте, так сказать, «историческую справедливость» восстановить. И, конечно, не в виде рабочего-молотобойца. За такое предложение сегодня, пожалуй, и память могли очень сильно. Те же бывшие молодожены, которые у нее фотографировались и, так сказать, «путевку в семейную жизнь» получали.

Другая идея появилась. От которой ну просто за версту несет таким наивненьким инфантилизмом. Установить в Сквере Героев революции. Извините, а при чем здесь тогда крики про «Главнокома» и «Генералиссимуса»? Да и похоронены в Сквере Героев только те, кто был тесно связан с Новониколаевском и погиб здесь (кроме Щетинкина) в годы Гражданской войны. Безоценочно к роли личности Сталина — не место здесь его бюсту. Кстати,

Ленин и Сталин: образцы местной парковой скульптуры времен СССР

Грузия как поносила в свое время памятники с бюстами, так восстанавливать их что-то не рвется.

Остался один памятник на родине Сталина в Гори и там же — музей.

Что особенно нравится — рефрен «деньги мы найдем!» Они бы лучше, наконец, нашли деньги на реставрацию памятника «Рука с факелом» в том же Сквере Героев или памятника Ленину перед «Водником» (действительно исторического, «брата-близнеца» того, что стоит перед Смольным). Неинтересно, да, мелко как-то? А тут — Сталин! Патриотизм и почтение к истории «в одном флаконе» бьют тугой клистирной струей.

Вообще-то я не против этой бредовой идеи. С одним условием.

Установить его на территории Центрального парка. На этом месте когда-то кладбище было, потом его заровняли и на этом месте разбили парк. Сначала он так и назывался — Кладбищенский, потом переименовали в «им. Сталина».

Так вот — вернем историческую справедливость полностью! «Кладбищенский парк им. Сталина». Вот там самое место бюстику будет — на косточках.

Н-но, Новосибирск! Н-но!

«Мы верные, испытанные кони...»

Владимир Высоцкий

Сегодня хочется немного рассказать о тех, кто в прямом смысле слова на своем горбу вынес и строительство города, и последующее решение его транспортных проблем.

То есть — о лошадях.

Собственно, лошадь в России вообще заслуживает памятника. Строить новые города и дороги в тайгу отправлялись, надеясь на себя, и на лошадь. Если лошадь

пройдет — то человек тем более. А если что — она же вывезет.

... Конными обозами шло все снабжение моста и будущего города. Продукты, материалы, перевозки — сибирская лошадка покорно бралась за все. Главный инженер строительства моста Будагов также добрался до места будущей стройки 1 мая 1893 г. конным обозом. В общем, люди работали как лошади, а лошади — ...как лошади. Сейчас, стоя в «час пик» в «пробке» на Красном проспекте трудно даже представить, чем была лошадь для начинающегося города. Собственно, практически всем. Город, в прямом смысле слова, ездил на лошади.

По первой однодневной переписи в Новониколаевске 1905 г. было 26 028 жителей, 2549 застроенных усадеб, и свыше 4 тысяч голов скота — преимущественно лошадей. Внутригородские перевозки в это время обслуживали 229 легковых извозчиков и около 400 «ловых» (грузовых).

В 1910 г. городская Дума Новониколаевска выдала уже 289 знаков для пассажирских извозчиков, 1064 — для грузовых и 22 — для водовозных.

А вот автомобиль до 1912 г. в городе был только один — принадлежащий Иннокентию Маштакову, сыну владельца универмага. Налог с этого «автомобильного транспорта» давал ежегодно в городскую казну 30 рублей.

Собственно, такой «лошадиный перекося» неувидим — если вспомнить про вечную городскую беду,

Извозчик. Начало XX века

Начало XX века. Коляска извозчика у торгового корпуса

новониколаевские дороги.

Вот только несколько цитат из местных газет того периода. «Попробуйте пройти улицей, — справа лужа, слева канава, посередине непроходимая грязь... «Куда же ее денешь, не слопаешь», — говорили новониколаевцы и так убедительно разводили при этом руками, что дальнейший разговор был немислим» («Народная летопись»).

«С наступлением вечера улиц уже не видно: мерцают вдали настолько слабые огоньки, что возле самого фонаря встречные обоюдно разбивают лбы» («Сибирская жизнь») (только в июле 1907 г. в городе были установлены первые 17 керосиново-калильных фонарей для освещения улиц).

«На многих улицах города весенней водой вымыло глубокие рвы, направленные и вдоль, и поперек улиц, что делает проход по ним почти невозможным. В настоящее время рвы эти заравниваются, и чем же? Тем неизменным бесплатным материалом, в избытке собранном в городе» («Обская жизнь»).

Собственно, в такой ситуации автомобиль помочь не мог — только лошадь. И новониколаевские лошади послушно чавкали по городским дорогам.

А ведь помимо простых, рабочих лошадей были в городе и элитные. Выезжали на них, как сказали бы сейчас, «лошадиные экстремалы». Дороги-то, собственно, были одни — что для рабочих лошадей, что для элитных. Со всеми своими «прелестями».

И если «работяги»-лошади послушно и неторопливо чавкали по этим дорогам, для людей-«экстремалов» эта скорость была абсолютно дикой.

На городских дорогах (при их состоянии) устраивались настоящие конные скачки. На окружающих, судя по всему, внимания обращалось мало.

В конце концов пристав Поляков собрал «экстремалов» и предупредил их о недопустимости быстрой езды на лошадях в городе. «Экстремалы» (в количестве 47 человек) не растерялись, объявили все происходящее «Собранием учредителей общества любителей конских бегов» и заявили о решении ходатайствовать перед томским губернатором об учреждении новониколаевского «правильно организованного общества любителей конского бега и скачек».

Собрание, естественно, избрало уполномоченных и решило открыть в районе Оби на пожертвования членов общества временный ипподром для выездки лошадей, с забором из решетника, теплой караулкой и крытым помещением для публики.

Пристав, внезапно оказавшийся не на «проработочной» беседе, а на некоем «собрании учредителей», любые документы подписывать отказался. По легенде — со словами: «Что я — лошадь?!».

Зря, собственно, сказал. Новониколаевские лошади не менее послушно несли и все виды казенной службы. С созданием в постоянно горевшем городе пожарной команды появилась пожарная каланча (в районе сегодняшнего «Стоквартирного дома») и конный пожарный обоз.

Каланча была украшена гордым девизом: «Один за всех — все за одного!» Для пожарных Новониколаевска это на первых порах так и было. Спали вместе, в одних помещениях, на пожары выезжали вместе, людей и их скарб спасали тоже вместе.

Была у городских лошадей и полицейская служба. Не раз и не два именно конной полиции удавалось разогнать очередное буйство или забастовку. С лошадью — не поспоришь. Хотя с полицией у лошадей тоже были проблемные ситуации, порой — курьезные. В которые, как обычно, лошадей втягивают люди.

26 июня 1911 г. городской голова Жернаков проезжал в пролетке по центру города, по ул. Александровской (ныне Серебrenниковской). И аккурат напротив

городской тюрьмы, увидев на тротуаре знакомого, Жернаков экипаж остановил, решив пообщаться. По воспоминаниям, городской голова был человек подвижный, «моторный». Так что легко представить, как он, подпрыгивая в пролетке, активно «разговаривал» еще и руками. Беседа продлилась недолго — тюремная стража арестовала всех: и знакомого, и городского голову, и экипаж, и лошадь.

Бдительным охранникам показалось, что готовится побег из тюрьмы, причем осужденным из пролетки уже подаются соответствующие знаки. Жернаков возмущался, знакомый — тоже, извозчик занял простую позицию — «А я чего?». Лошадь, наверняка, стояла и только вздыхала. В итоге освободили всех. Хотя скандал был — на весь город!

Новониколаевск, ставший стратегическим объектом на востоке Российской империи, с началом войны 1914 г. превратился в основной центр подготовки войск для действующей армии за Уралом. И не только войск — необходимы были подготовленные, выезженные лошади. Из 120 отделений конного запаса России Новониколаевское отделение было одним из лучших. Его командир есаул Коростелев за отличие в службе был награжден орденом, а нижние чины — медалями «За усердие».

Сегодня, пожалуй, уже трудно сказать, сколько тысяч обученных лошадей поставил наш город русской армии. Они так и ехали на фронт через всю страну в теплушках по соседству — мобилизованные новониколаевцы и обученные в городе лошади. Все по норме — «1 теплушка — 40 человек или 8 лошадей». И никто не знал, что пройдет всего несколько лет, и русская армия жестко разделится на «белых» и «красных» и пойдет бить саму себя. Лошадям оставалось только вздыхать — на них воевали и те, и эти. Хотя более мирного животного, чем лошадь, не найти.

...А памятник новониколаевской лошадке-трудяге в городе есть. Да какой — передвижной!

То в Первомайском сквере, то в зоопарке возит всех желающих, потряхивая гривой, и с удовольствием аккуратно ест кусочки ржаного хлеба с рук. Какие бы ни были пробки на Красном проспекте — «памятники» автомобили пропускают безропотно. Из уважения.

Таксисты XIX века

Интересная вещь — мы с удовольствием придумываем себе «на пустом месте» праздники и юбилеи, а вот реальных памятных исторических дат помнить почему-то не хотим.

Так, новосибирские таксисты с полным правом тоже могут отпраздновать каждого 21 декабря годовщину своего ремесла в городе.

Именно 21 декабря 1914 года по решению Городской думы в Новониколаевске был впервые проведен «День извозчика». Дата, к сожалению, осталась незамеченной и неотмеченной.

Собственно, частный извоз появился и начал бурно развиваться с первых дней основания города — с началом строительства железнодорожного моста. Первые «таксисты» (извозчики, которых в Новониколаевске упорно называли архаичным словом «ямщики») селились, в основном, на примыкающей к тогдашней Базарной площади (в районе нынешнего автовокзала) улице, которая некоторое время даже неофициально носила название «Извозная».

Только позже она получила имя «Трастовая», потом стала имени инженера Будагова, а с 1920 года известна всем горожанам под названием «Большевистская».

Собственно, извозчики были для новониколаевцев гораздо более популярным и востребованным видом транспорта, чем сегодня такси для новосибирцев. Кстати, до окончания строительства моста именно извозчики осуществляли связь между правобережной и левобережной частями города.

Летом через Обь извозчики вместе с пассажирами переправлялись на пароме, с которым вечно происходили какие-то происшествия (прямо как сегодня с частными «ПАЗиками» и «Газелями»).

Так, 5 августа 1900 года паром в очередной раз сорва-

ло течением и отнесло к мосту. Лишь по счастливой случайности никто не пострадал — паром только «чиркнул» боком по одной из мостовых опор и уцелел. Комиссия городского самоуправления, разбиравшаяся с инцидентом, особо подчеркнула основную вину содержателя парома купца Краснова — при пароме не было ни лодок, ни шестов, ни весел, ни иных средств безопасности.

Легковые извозчики носили черные кафтаны с кушаком, шляпы или шапки и были обязаны при выезде иметь при себе в экипаже кожаные фартуки для пассажиров, а зимой — меховое одеяло или тулуп. Кожаные фартуки были отнюдь не случайны, грязь на улицах стояла непролазная, и пассажира за время поездки вполне могло «устряпать» буквально с ног до головы.

С 1911 по 1916 год в городе, по данным известного новосибирского историка Сергея Баландина, было замощено только 11,8 км улиц, даже примитивные деревянные тротуары существовали далеко не везде.

И навоза на улицах хватало. И не только от извозчиков. По данным на начало 1914 года из 3 933 новониколаевских дворов лошадей держали 53,4%. И это не считая крупного рогатого скота, коз и свиней.

Общее поголовье «городского» скота составляло тогда около 23 000 особей.

Так что «материал» для «ямочного ремонта» был в избытке. Ну, а извозчикам приходилось оказывать пассажирам специфические «дополнительные услуги».

В краеведческом музее хранится уникальный снимок — извозчик «на закорках» переносит пассажира из пролетки через уличную грязь и «заназменность» (ах, какой все-таки богатый и емкий термин!) до ступеней гостиницы «Метрополь» (это на сегодняшней ул. Революции, тогда — Дворцовой).

Извозчик — была в Новониколаевске уважаемая и популярная профессия. Вот только один пример. В 1910 году городская управа Новониколаевска выдала 289 знаков для легковых пассажирских извозчиков, 1064 — для ломовых (грузовых) и 22 — для водовозных. Знак извозчика — это в переводе на сегодняшний язык как бы лицензия частного предпринимателя на право перевозки пассажиров и грузов.

«Левых», «нелицензированных» извозчиков в Новониколаевске, кстати, не было. Оцените количество выданных знаков — это на город с населением около 20 тысяч человек.

В городе, по данным «Справочника по городу Ново-Николаевску» 1913 года работало 5 «ямщицких» (то есть — извозчичьих) контор. Причем три из них (располагавшиеся в районе нынешней ул. Октябрьской, тогда — Болдыревской) были телефонизированы. Этакие «таксопарки», экипажи из которых уже тогда, как и сегодня, можно было заказать по телефону. Если он, конечно, был.

Тот же «Справочник...» 1913 года подтверждает, что из 11 действующих в городе паромных контор телефона не имела ни одна, из 12 транспортных контор — тоже ни одна, четыре городские типографии также телефонов не имели.

Вот, правда, с автотранспортом в городе была большая проблема. Вероятно, не в последнюю очередь — из-за состояния дорог. По статистике Томского губернского управления, в 1912 году на всю Томскую губернию (куда входил и Новониколаевск, и нынешний Кузбасс, и Алтай) числилось 12 автомобилей и 3 мотоцикла («мотоциклета», как говорили тогда).

Один автомобиль и один мотоцикл числились за Новониколаевском. Первый городской автомобиль «Дай-

млер» принадлежал Иннокентию Маштакову — сыну купца Маштакова (открывшего в будущем городе первый универсальный магазин).

И мотоцикл английской работы (фирмы «Нортон»), судя по всему, тоже принадлежал «продвинутому» сыну «продвинутого» купца. В руководстве владельцу мотоциклета говорилось: «Надо помнить, что мотоциклетка (было и такое название. — А. К.) в высокой степени специализированное произведение механики и хотя для езды на ней не требуется больших познаний в механике, но применение некоторого здравого смысла, использование от времени до времени гаечного ключа и тряпки для чистки весьма необходимы».

Первый новосибирский мотоцикл с 1972 года стоит в краеведческом музее.

Он абсолютно исправен — сменить бы только сгнившие от времени покрышки, залить горючее — и любой из современных байкеров почел бы за честь открыть на «старичке» парад в честь очередного Дня города.

...Эх, найти бы еще тот маштаковский «Даймлер!»

Извозчики на Гудимовской улице. 1910-е годы

Пристань на реке Обь, 1910-е годы

Пароходства и грузчики

О том, кто именно может считаться «отцом-основателем» Новониколаевска, споры идут до сих пор. А вот на роль «матушки-основательницы» кроме реки Обь никто не претендует — просто из очевидности.

Река везла грузы для строительства города и моста. А где река и грузы — там пароходства и грузчики.

С началом строительства моста на месте будущего города по реке хлынул поток грузов из центральных районов страны. Пароходами, на баржах были доставлены рельсы, оборудование, различные стройматериалы, а также паровозы и вагоны для подъездных путей.

Под руководством инженера-железнодорожника Мерженинова спешно было организовано строительство на правом берегу Оби пристани, причалов, жилья для речников. Строительство пристани со складами товарного двора железной дороги было завершено уже в 1895 году.

А уже в 1899 году мосту и реке пришлось договариваться друг с другом. 9 августа того года впервые был установлен порядок прохода судов и сплавных плотов под мостом. Через второй пролет моста (от правого берега) — для паровых и непаровых судов вверх по реке; третий — для идущих вниз по Оби; четвертый и шестой — для проводки плотов. Объем речных перевозок шел обвальными темпами, город становился крупнейшим торгово-транспортным центром Сибири.

Причем если железная дорога строилась за счет реки (в том числе — отбирая у нее грузы), то и «речной» Новониколаевск прирастал за счет железной дороги.

Уже в 1908 году встал вопрос о расширении пристани. Существующая, организованная на переданных городу «казенных» землях, буквально задыхалась.

Местные газеты писали: «Городская пароходная пристань представляет из себя громадный склад товаров. Товары навалены всюду и везде горами, между которыми остаются только очень узкие проезды, в них иногда трудно разъехаться двум телегам. Между тем, возле самой пристани, построено несколько домов железной дороги. Городская управа приняла решение выкупить этот участок».

Для 11 пассажирских и транспортных пароходств, действовавших в Новониколаевске, работы хватало, несмотря на конкуренцию. Они ни рекламы не давали в местные

газеты, ни даже телефона у себя не устанавливали — зачем?

У трех из пяти старшин ямщиков-извозчиков, попавших в «Справочник по городу Ново-Николаевску» (1912 год), телефон был, в пароходстве — ни одного. Срочный ночной телефонный вызов парохода к подгулявшему горожанину не был для пароходств первостепенной проблемой.

Другая проблема была — катастрофически не хватало прибрежных земель. Практически каждая навигация превращалась в скандал.

Вот характерная заметка из новониколаевской газеты «Народная летопись»: «Из года в год пароходовладельцы захватывают столько места, сколько им надумается на берегу. В 1908 году городскими уполномоченными решено было прекратить эти захваты...

Между тем приближается навигация, и пароходчики снова приступают к захвату. Уже теперь вся пристань завалена товарами. А г-н Фуксман (один из пароходовладельцев. — А. К.) приступил даже к постройке на городской земле цейхгауза и, несмотря на составленный полицейский протокол, стройка продолжается.

Пароходные верфи, начало XX века

Цейхгауз этот загораживает один из проездов в склад Богословского (пароходного. — А. К.) общества, а также одну из лавок, сданных городской управой под торговлю съестными припасами». Товар нужно было кому-то грузить.

Грузчики стали в Новониколаевске отдельной кастой. Их в городе безобидно-шутливо называли «медведями». Дескать, «зиму спит — лето работает». Все это было и так, и не так. Естественно, что самый большой «куш» снимался в навигацию.

Грузовой причал неподалеку от городской мельницы

Та же самая «Народная летопись» сообщала: «Артели (грузчиков. — А. К.), особенно в тех случаях, когда предстоит спешная работа или когда скапливается масса грузов, назначают такие цены, от которых паромовладельцы только жмутся, но дают».

Ибо уже по горькому опыту знают, что отказ от артели ведет еще к большим осложнениям и убыткам. Зависимость паромовладельцев от артелей лучше всего отражается на обращении с рабочими. Вместо обычного понукания каждый паромовладелец, хотя и не без затаенной злобы, старается всячески ладить с артелью. Мирится с заносчивостью рабочих и после каждой погрузки задабривает их водкой».

Слово «навигация» означало повод для куража «спящих» грузчиков и, в связи с этим — дополнительную головную боль паромовладельцев.

Интересно, что все отмеченные в истории города забастовки грузчиков заканчивались победой бастовавших (забавно проследить это по книге «Новосибирск. 100 лет». Н., 1993 год). «Забастовками», собственно, стыдливо называли описанный выше шантаж. Обычно такие «забастовки» продолжались не больше одного светового дня.

Однако в июле 1913 г. паромовладелец Федулов на шантаж озлобился, отгрузку товаров прекратил. Выдержал — неделю.

После намеков грузовладельцев, что «грузчики — дело ваше» и что у «соседних» паромовладельцев проблем с отгрузкой не возникает, с 25 июля того года расценки были подняты, и грузы погружены буквально в спешном порядке. Навигация — не резиновая.

После одной из таких забастовок 1912 года плата грузчикам была поднята на 1 руб. за каждую тысячу пудов переработанного груза. Легко представить себе объемы отгрузки-выгрузки.

Но были у грузчиков-«шантажистов» и свои, классовые (точнее — кастовые) требования. Они требовали не только повышения зарплаты, но и оплаты труда «без вычетов». Известный сибирский писатель Борис Попов в одном из своих романов «Кир из «Порт-Артура» (Н., 1975 год) «из начала города» описал кое-какие подробности жизни грузчиков глазами пацаненка по имени Кир, грузчицкого сына.

«Кир очень не хочется просыпаться, но голос отца, пришедшего с ночной смены, все равно разбудил. Отец начинает слегка куражиться: — Ты, Арефа, лучше помоги чирки да штаны стащить. Чтой-то чижолые седня, намокли, что ли? — Опять приволок? Совесть-то, совесть у вас, у дуrolомов пристанских есть? — Совести, мать, у нас поболее, чем у хозяев. В ихней мошне не убудет, а нам какой-никакой прибыток...

Тут никакой полиции не подкопаться. По трапу на баржу взбежал, а тебе встречу кто-то. Ну, плечом шевельнул, вроде столкнулись — ящик-то или тюк какой и полетел в раскол. Только знай — подбирай.

Отцовские штаны-шаровары были с секретом. Самое интересное — карманы. Не один, не два, а целых три. Один карман как карман — для кисета, спичек и звенящих денежек. Два других похожи на вывернутые внутрь рукава — от пояса почти до самых подколенок. Сон у Кира окончательно уходит. Он садится и видит, как из одного «рукавного» кармана вынимается и выкладывается кучкой на стол вяленая рыба, а из другого сыплется рис вперемешку со сморщенным сухим урюком».

Естественно, что за «разломы» грузчиков штрафовали, но... куда ты

Жилый дом Речного флота (Дом грузчиков), построен в 1936-1937 гг. в непосредственной близости от речной пристани

денешься от грузчиков в навигацию? Вычеты отменили. Широленные штаны стали фирменным стилем грузчиков на всех пристанях Новониколаевска. Пароходоладельцы скрипели зубами, но делали вид, что новой «моды» не замечают.

Ох, акнулась грузчикам привычка к сезонной работе и привычка «брать за горло» в навигацию!

Осенью-зимой 1917 года профсоюз грузчиков чуть ли не целиком записался в Красную гвардию Совдела. В феврале 1918 года было объявлено о национализации пароходств. А с апреля, с начала навигации, грузчики по привычке предъявили свои требования по повышению зарплат.

В Совдепе попытались «давить на сознательность», и Красная гвардия потеряла более 200 человек, ушедших на привычную сезонную работу. Кто знает — чем бы кончился эсеровско-чехословацкий переворот в мае 1918 года, если бы произошел он не во время навигации?..

Более-менее регулярное движение по Оби удалось восстановить только в 1923 году.

Письмецо в конверте

Почта — это где марки продают и на письма наклеивают.

Кирилл, 5 лет.

Почта в Новониколаевске появилась практически с момента его возникновения. Причем при очень интересных обстоятельствах. «Все бы нам иноземное ругать!» А ведь почта с телеграфом возникла в городе именно благодаря присутствию их, «супостатов».

Итальянские специалисты, работавшие на постройке моста, а потом и активно принявшие участие в застройке

Новониколаевская почтово-телеграфная контора

будущего города, альтруистами не были. Они делали свою работу и, соответственно, хотели иметь нормальную связь с родиной. Хотя бы — почтовую.

К их требованиям прислушались, и в январе 1896 года в поселок Новониколаевский был послан специалист — помощник начальника Колыванской почтово-телеграфной конторы коллежский секретарь Сметанин.

Дело он повел споро, и уже 1 февраля того же года сообщил и полиции и местным предпринимателям о том, что «с сего числа в пос. Ново-Николаевском открыто Кривошековское почтовое отделение с приемом и выдачей всякого рода корреспонденций».

Несмотря на то, что почтовый ящик имелся всего один, жители уже выписывали по почте 242 периодических издания. А итальянские рабочие смогли отправлять письма на родину напрямую, минуя посредников.

Мост был достроен, итальянцы уехали, а почта — осталась. Более того — расширилась вместе с ростом города. С открытием при почте услуг телеграфа появилась Обская (впоследствии — Новониколаевская) почтово-телеграфная контора. Сегодня это слово — «контора» — звучит достаточно обидно, но в то время это был, переводя на современный язык, «головной офис». И «офис» очень «продвинутый».

Так, 9 марта 1898 года чиновником 6-го (высшего) разряда Обской почтовой конторы была назначена Клавдия Козловская. Единственная женщина из всего штата местных «почтовиков» (а было их 10 человек).

Как это ни странно, но появление почты в городе дало

Новониколаевский филиал Богородско-Глуховской мануфактуры, построен в 1916 году (ныне Почтамт, улица Советская, 33). В 1933 году было реконструировано — надстроены верхние этажи

определенный импульс и городскому развитию. Можно, конечно, ругать сегодня Бердскую трассу, но на месте наших автомобилистов я бы помянул добрым словом г-жу Козловскую. Именно по ее инициативе начались в 1901 году изыскательские и землемерные работы по прокладке «почтовой дороги до села Бердского».

Первыми оценили удобства собственной городской почты, как ни странно, социал-демократы. Вроде бы и «подпольщики», ни в каком подполе они не сидели, но вели активную переписку.

Уже с 1902 года на почтовый адрес ст. Обь через эсдека Виктора Шкляревича (с показательным псевдонимом «Архаровец») регулярно поступала в запечатанных конвертах газета «Искра». Обратное с того же времени из Новониколаевска шли письма, заметки в революционные газеты. Причем никто (несмотря на «неблагонадежность» отпра-

вителей) письма эти не вскрывал.

Так что благодаря международным возможностям новониколаевской почты эти конверты разлетались и по российским, и по зарубежным адресам. Арестованный в 1912 году эсдек Иван Шамшин то ли с гордостью, то ли с горечью говорил следователю, что «фамилия моя была известна даже в Париже».

Скорей всего, единственное представление о Париже он мог получить по почтовым карточкам из магазина Н. Литвинова. Признание было глупым до чрезвычайности — никогда зарубежный центр революционеров в Париже не находился. Но не в этом дело. Зарубежная переписка новониколаевских эсдеков была, а уж Париж там или не Париж... Как говорится «Вам письмо? Нет! Так распишитесь в получении!»

А новониколаевская почта развивалась и дальше. Не-

смотря на «кукольных» социал-демократических «подпольщиков» (все время вспоминается дворник Тихон из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова — «Барин! Из Парижа!»). Хотя и не без огрехов. 21 апреля 1906 года городская газета «Народная летопись» писала: «Необходимо увеличивать количество почтовых ящиков по городу. Город раскинулся на 12 квадратных верст, и на всем этом пространстве только четыре ящика, пятый — на почте. Кстати, ящики размещены так: за Каменкой, у Сибирского торгового банка, на пристани и четвертый — неизвестно где».

С началом Первой мировой войны почта стала выполнять фактически еще и функции разменного пункта. Не «обменного», а именно «разменного». Война «вымыла» из оборота мелкие деньги. И серебряные, и медные.

Правительство выпустило своеобразные «марки-деньги». В отличие от обычных почтовых марок, печатавшихся на тонкой бумаге, эти «марки-деньги» печатались на почти картонной основе. С лицевой стороны — обычная почтовая марка. С оборота: «Имеет хождение наравне с медной/серебряной монетой».

Какому-то «гению» пришло в голову выпустить эти картонки под видом марок к юбилею дома Романовых. Скажем, Александр III «тянул» всего на три копейки «медью». Но, тем не менее, неплохо сохранился до сих пор.

И во время войны почта честно делала свою работу. Несмотря на то, что в 1917 году оказалось, что телеграммы могут идти медленнее писем. Газета «Голос Сибири» писала: «В последнее время телеграммы страшно запаздывают, что ставит провинциальные газеты в невозможное положение. Сегодняшняя телеграмма из Харькова датирована 8 мая, а получена в Ново-Николаевске 19 мая, т. е. через 11 дней, тогда как простая почта из Харькова приходит на 8 день».

И все-таки, все-таки... Шли письма и открытки, оставшиеся теперь в частных собраниях коллекционеров.

Возьму на себя смелость процитировать эти послания почти столетней давности. «Ново-Николаевск, угол Тобиленовской. Евд. Никитичны Шеманской для Шуры В. Милая Шура! Прости, что не пишу, не придавай этому никакого значения. Я ничего не могу говорить об этом...» «Христос Воскресе! Славная Шура!»

И последнее из этой почты. 1915 год, 14 января. Тяжелые бои на германском фронте. «Сейчас получила вашу (неразборчиво. — А. К.)... что вы, дорогой, поправляетесь, а я уж думала что Ваша рука пожалуй не скоро заживет и промучает Вас продолжительное время. Очень приятно,

что Вы хотите меня повидать, и я, конечно, приеду...»

...В 1918 году городские газеты печатали списки телеграмм, доставленных с задержкой. Или — не доставленных вовсе. Шла гражданская война, и многие из адресатов выбывали из жизни не по своей воле.

И тем не менее, две службы было, которые работали, невзирая ни на красных, ни на белых, ни на бело-зеленых, ни на кого — просто работали. Железная дорога и почта с телеграфом.

Кстати, возвращаясь из ссылки в 1917 году, Сталин очень даже грамотно воспользовался почтовым отделением станции Обь. Пока его товарищ по ссылке, бывший депутат Госдумы эсдек Муралов произносил на перроне пламенную речь, пока ехавший с ним из ссылки Каменев на том же перроне принимал поздравления со «свободой»... Со станции Обь Сталин (именно он!) отправил Ленину в Швейцарию телеграмму с поздравлениями по поводу революции. Ленин — запомнил, кто поздравил, а кто — нет.

А новониколаевские почта и телеграф просто работали. Что им были эти текущие и тем более будущие интриги?..

«Разбежавшиеся» памятники

Время от времени те или иные политические организации начинают выступать с требованиями «защитить городские памятники». При этом имеются в виду не памятники истории и архитектуры (которые как сносились, так и сносятся), а объекты монументально-декоративного искусства.

Однако юмор ситуации состоит в том, что на снос памятников никто сегодня не покушается.

Все «разбежавшиеся» из города памятники исчезли очень и очень давно. По причинам как идеологическим, так и просто странным.

Решение новониколаевской городской Думы от 4 февраля 1915 года об установке памятника на «братском кладбище» воинов, умерших в госпиталях города, было реа-

лизовано лишь частично.

Прежде всего потому что участок, выделенный под воинские захоронения на Старом кладбище (в районе нынешнего Центрального рынка), так и не был четко определен. Хоронили умерших бойцов и на Новом кладбище (сегодняшняя «Березовая роща»). И именно там, по рассказам старожилов, был установлен временный памятный знак «В память скончавшихся от ран...»

Памятник, как и захоронения, исчез при ликвидации кладбища в начале 1960-х годов.

Тогда же исчез и памятный знак на могилах 3 чешских легионеров, погибших во время так называемого «восстания чехословацкого легиона» в мае 1918 года.

Памятный знак был установлен через год, в мае 1919 года, по решению воссозданной (после ликвидации Совета) городской Думы.

Кстати, в параде чешских легионеров по поводу этой годовщины участвовал и Людвиг Свобода. Тогда — легионер, бывший на Урале и в Сибири отнюдь не на стороне «красных». На памятном знаке была надпись на русском и чешском языках — «За нашу и вашу свободу!»

Вспомнил, наверное, в 1968 году эту надпись президент социалистической Чехословакии Свобода, когда читал сообщения об арестах советских диссидентов. Они именно под этим лозунгом протестовали против ввода советских танков в Чехословакию.

Впрочем, один памятник солдатам Первой мировой остался — Дом инвалидов на Николаевском (сейчас — Красном) проспекте.

Строившийся на добровольные пожертвования и городские средства с 1916 года, он

потом почти 10 лет достраивался и перестраивался. Так что от первоначального проекта Андрея Крячкова в итоге осталось немного. Да и тому, кто сегодня захочет узнать, что это не просто здание, а памятник забытым солдатам забытой войны, придется немало потрудиться.

Всего ничего — взломать фундамент и найти медную табличку с памятным текстом, которую после молебна и парада заложил 5 июня 1916 года начальник новониколаевского гарнизона генерал-лейтенант Коцюрик. Сегодня дом известен всем горожанам как Дом офицеров и музей СибВО.

А что касается непосредственно памятников, то им, как ни странно, всегда «не везло». Можно понять исчезновение памятного знака чешским легионерам. Они после установления в декабре 1919 года Советской власти в Новониколаевске много лет безоговорочно числились «врагами». Естественно, что и к могилам их отношение было соответствующее. Мягко говоря — никакое. Можно даже понять равнодушное отношение к солдатам Первой мировой войны.

Красный проспект, 63, фото 1929 г. — Дом инвалидов, он же Дом Красной Армии, с 1945 года переименован в Окружной дом офицеров СибВО

Бульвар на Красном проспекте, 1930-е годы. После сноса Никольской часовни на ее месте на постаменте была установлена скульптура рабочего-молотобойца

Хотя, с другой стороны, выпустили же в СССР в 1934 году к 20-летию начала войны антивоенную серию почтовых марок, пользующуюся большой популярностью у коллекционеров...

Но больше всего, как ни странно, «не повезло» с памятниками именно советским вождям. Понятное дело, что после «окончательного разоблачения культа личности» на XXII съезде КПСС и выноса тела Сталина из мавзолея Иосиф Виссарионович из «монументальной пропаганды» (в том числе — и в Новосибирске) должен был исчезнуть. Собственно, с «центрального» городского памятника себе, на месте бывшей (и ныне вновь существующей) часовни, вождь «сбежал» в одну ночь.

Подобно тому как до этого с постамента в конце 1930-х исчез рабочий-молотобоец, также в одну ночь замененный на вождя.

В городе вполголоса шутили: «Куда рабочий делся?» «Куда-куда... Троцкистом оказался и бухаринцев поддержал». Шутили даже тогда, хотя «правильный» Иосиф Виссарионович, заместивший на постаменте (вот его менять не стали) «неправильного» рабочего, шуток в свой адрес не одобрял.

А в холле центральной Сберкасссы на Красном проспекте вождь остался и простоял еще десятилетия. Правда — с головой Сергея Кирова и с «подчищенными» датами жизни.

Но вот же ирония истории!

Долгое время одним из основных сюжетов советского монументально-декоративного искусства были вариации на тему известной фотографии «Ленин и Сталин в Горках». Ее еще от большого ума в «перестроечные» годы попытались объявить фотомонтажом. Но тиражировать двух сидящих на лавочке вождей, расставляя их по всему городу, было глупо.

«Новосибирские» варианты «встречи в Горках» были потрясающими — их можно было

смотреть один за другим как рисунки бесконечного комикса. Перед ДК им. Жданова (сейчас — ДК «Энергия») вожди просто тихо-мирно беседовали, сидя в спокойных позах. А вот у кожевенно-обувного комбината Иосиф Виссарионович уже вскочил, что-то явно жарко доказывая Владимиру Ильичу. Который, в свою очередь, очень вальяжно развалившись на скамейке, приглашал Кобу успокаивающим жестом присесть обратно.

Зря он это сделал, Ильич из двора кожевенно-обувного комбината! Потому как под «антисталинский» снос памятников начала 1960-х годов «загремели» и все «памятники по фотографии из Горок». Сносили вместе со скамеечками — чугунными, цементными, гипсовыми. Иосиф Виссарионович буквально «утянул за собой за руку» Владимира Ильича. Может, и к лучшему — «сберкассовский» вариант с «кировской» головой представляется не самым неудачным.

По соседству от нас, в Кузбассе, в Новокузнецке, перед гостиницей «Металлург» стоит уникальный памятник — Ленину и Горькому. Он больше известен среди горожан как «Два бухарика». Потому что оба персонажа, судя по позам — чуть не падая, явно с трудом поддерживают

друг друга. Пикантности сооружению придает то, что через дорогу находится ночной клуб «Юность».

Рассказывают, что раньше Ильич стоял с Кобой. При «антисталинском сносе» 1960-х решили сэкономить и заменить только одного. Это казалось простым, поскольку пресловутой скамеечки не было, «персонажи» беседовали стоя. Почему «замена» произошла именно на Горького (да еще и в одежде 30-х годов!), история умалчивает. Но что-то, как рассказывают, то ли у скульптора не заладилось, то ли при окончательном монтаже. Теперь двое вечно бредут к клубу «Юность», хотя в таком состоянии их явно уже туда не пустят.

То, что Иосиф Виссарионович «под ручку» утащил с новосибирских улиц за собой присевшего с ним рядом на скамеечку Владимира Ильича — еще можно объяснить. Непонятно другое. Куда в то же самое время «умчался» со ступенек управления «Запсибзолото» (на Красном проспекте, напротив «Стоквартирного дома») Владимир Ильич, стоявший там долгие годы в абсолютно полном одиночестве?

Почему, и кому, из каких соображений понадобилось тогда заставить «побегать» памятник Ленину перед Водным институтом? Так это он теперь — «перед»! А стоял на ступенях «Водника» и рукой показывал ровно на 180 градусов наоборот. Зачем, почему?

Тем более что это единственный в городе памятник Ильичу, действительно являющийся историческим. Это одна из четырех отливок скульптуры, установленной перед Смольным в Санкт-Петербурге в 1927 году.

И до сих пор в городе ходит легенда о том, что везли-то памятник во Владивосток («город далекий, но нашенский», как известно), да вот новосибирский Совдеп, вспомнив, вероятно, реалии Гражданской войны, памятник реквизирует.

Скульптуры с улиц «убегают» и сейчас. Не так давно «сбежала» «Группа горожан» у подземного перехода на ул. Горького при входе в Первомайский сквер. Но тут, как говорят, дело даже не в том, что мальчик с мороженым в руке при определенном ракурсе выглядел непристойно.

Никакой идеологии — просто у фирмы, купившей у города место под эту скульптуру, закончился срок аренды. Мальчика за руку с улицы никто не тащил.

Прижизненные названия в несуществующем городе

Попытки «при жизни» увековечить на карте города имена выдающихся людей ни к чему хорошему не привели. Все (за редчайшим исключением) «запечатленные имена» в итоге исчезли.

Результатом стал кавардак с названиями улиц, да и городу самому не повезло — юридически его просто не существует.

Собственно, никто, как обычно, не хотел ничего плохого. Только-только появившийся город попытался оставить у себя навсегда имена тех, кто его строил, и тех, кто городу помогал.

Появились «именные» улицы Будагова и Меженинова, Тобизеновская, Асинкритовская, Гондатти, Гудимовская и Болдыревская.

Инженер Будагов строил мост (фактически выполнял обязанности главного инженера), основал и содержал на собственные средства первую в городе школу. Инженер Меженинов руководил строительством железнодорожной станции, собора Александра Невского, пристани, первых плановых жилых кварталов города. Начальник Алтайского округа Кабинета Его Императорского Величества генерал Болдырев помогал поселенцам с выделением им под застройку «казенных» земель, ходатайствовал о получении поселком городского статуса. Вопросами выделения земли будущим горожанам занимался и управляющий Кабинетом Гудим-Левкович.

Губернатор Томской губернии Тобизен активно содействовал постройке Транссиба (без которого, собственно, и город не появился бы). Губернатора Ломачевского, который буквально «выбил» для поселка го-

родской статус, в городе считали «городским дядюшкой». Потому и улице в честь него назвали «по-домашнему» — не «фамильно», а по имени-отчеству (звали губернатора Асинкрит Асинкритович).

Губернатор Гондатти буквально спас город своей поддержкой и помощью после катастрофического пожара 1909 года, стал одним из первых его почетных граждан.

Власть сменилась — и понеслось!

В августе 1920 года горюездный исполком улицы переименовал. Гондатти — в Урицкого, Гудимовскую — в Коммунистическую, Болдыревскую — в Октябрьскую, Асинкритовскую — в Рабочую (сейчас — Чаплыгина), Тобизеновскую — в Горького (единственное, пожалуй, «прижизненное» название, сохранившееся до сих пор). Будаговская стала Большевицкой. Межениновская устояла до 1934 года — с тех пор она Челюскинцев. Забавно, но в «Энциклопедии «Новосибирск» в статье про инженера Будагова сказано, что «в память о нем одна из первых ул. названа Будаговской (ныне ул. Большевицкая)». Имя инженера переименованная улица потеряла в 1920 году, а вот скончался Будагов в конце 1921 года.

Будучи с 1917 года одним из ведущих специалистов наркомата путей сообщения Советского правительства. Вот тут-то с названиями-переименованиями в городе кавардак и начался.

...Улицы Бухарина, Рыкова и Раковского срочно переименовали 27 января 1937 года — пришло сообщение об аресте Раковского (к чему теперь вспоминать титулы и должности?). Бухарин и Рыков на тот момент не только не были арестованы —

Томский губернатор — тайный советник, гофмейстер Двора Его Императорского величества Г.А. Тобизен

Первый почетный гражданин Новосибирска, губернатор Томской области Н.Л. Гондатти

Прокуратура СССР опубликовала сообщение, что никаких обвинений против них нет. Секретарь крайкома Эйхе (именем которого в городе с 1933 года назывался целый район) знал немного больше, чем все, и «досрочное» переименование «порекомендовал». Улица Раковского превратилась в улицу Тимирязева, названиям улиц его «подельников» по «процессу 1938 года» предстоял более длительный путь.

В томиках Маяковского срочно закрашивали строки: «В уши наймита и барина лезьте слова Бухарина!» «Эйхевский» район в городе продержался немного дольше — в апреле 1938 года Эйхе был арестован, а район в июне того же года переименовали в Первомайский.

Следующее массовое переименование «прижизненных» названий улиц началось в конце 50-х. «Новая» власть стремилась казаться скромной и отменила практику прижизненных географических увековечиваний.

На самом деле Хрущев стирал с карты родины имя Сталина и его соратников. «Под кампанию» попадали и все остальные, ничем, собственно, перед страной не провинившиеся.

Сначала под раздачу попал не сам вожь, а именно соратники. Кагановичевский район города превратился в Железнодорожный; улица Молотова — в Урожайную (вероятно, по той же логике, по какой улица Непроезжая в Октябрьском районе с 1959 года превратилась в Пешеходную). Сам вожь был «переименован» сразу

и полностью в 1961 году — «его» площадь и улица сегодня носят имя Ленина. А улицу имени его дня рождения (21 декабря) в 1963 году переименовали в ул. Стасова.

20 ноября 1957 года переименовали сразу почти полтора десятка улиц. Буденного стала Планетной, Малиновского — Галилея, Рокоссовского — Ереванской. Ворошилова стала Тянь-Шанской. Переименовали четверку «папанинцев», участников первой полярной станции — Ширшова, Федорова, Кренкеля и Папанина.

«Их» улицы теперь стали Судоходной, Калибровой, Нарвской и Руставели. Попали тогда под кампанию и наши земляки — Лунин и Покрышкин. Единственная их вина в том и состоит, что «под кампанию» попали. Поэтому Покрышкина превратилась в Астраханскую, Луинская — в Гипсовую. Слава Богу, что справедливость в городских названиях в их память сегодня восстановлена.

Улицы Бухарина и Рыкова даже после переименований не имели счастливой судьбы. Первой присвоили имя летчика-героя Молокова, но он в 1957 году оказался жив — улица стала Светлой. Рыкова переименовали в Стаханова — опять пришлось переименовывать.

Да и с самим названием города — проблемы. Нет такого города — «Новосибирск», и не было никогда. Документы об учреждении города Ново-Николаевск — есть. При жизни царя Николая II его именем назван был город.

С 1917 года в революционном порыве стали в газетах употреблять несколько сокращенное и как бы уничижительное для царя название «Новониколаевск». При этом в «официальном» и «неофициальном» названиях все время путались. Что при Совдепе, что при «сибирцах», что при Колчаке. Все это было абсолютно частной инициативой.

Однако город при этом имел вполне официальное название и именно с ним был переименован. Постановлением ЦИК СССР за номером 73 от 12 февраля 1926 года город «Ново-Николаевск» был переименован в «Ново-Сибирск».

Кавардак продолжается — нет юридически такого города, как «Новосибирск». Это имя городу официально никогда не давалось, стало быть, его как бы не существует.

И все официальные и неофициальные документы с этим названием можно считать недействительными.

Город был и остается — Ново-Сибирск.

Провокаторы — подлинные и мнимые

*Шпик, филер, агент охраны,
Сыщик, — как это — фискал!
Я ж всегда слова такие
Только в книжках и читал!*

Юлий Ким

При всякой смене власти происходит абсолютно одинаковый процесс — выявление и наказание тех, кто служил «старой власти», и тех, кто ей «прислуживал».

И если с первыми все было ясно (они — на виду, тут не спрячешься), то ярлык «прислужников» становился удобным камешком в «политический огород» соперников в борьбе за новую власть. Новониколаевск после Февральской революции 1917 года не был исключением.

Для начала разобрались с полицмейстером Бухартовским. Он, правда, заявил членам созданного в городе после Февраля Комитета общественной безопасности (КОБ), что «будет подчиняться новой власти так же, как подчинялся старой», но ему это слабо помогло.

Бухартовский в итоге был разжалован в солдаты и направлен на фронт, в действующую армию. 6 марта 1917 года была ликвидирована городская жандармерия, захвачен и вывезен в помещение городской Думы (краеведческий музей) архив.

Газеты сообщали, что на подводы грузили «три тюка бумаг». Чины жандармерии были обезоружены и переданы воинскому начальнику для призыва в армию. Той же участи подвергся и оказавшийся на свою беду в городе начальник жандармского управления Омской железной дороги Шмидт — разжалован, отправлен на фронт. Туда же последовали и начальник жандармского управления подполковник Гофман и начальник местного жандармс-

кого отделения подполковник Лагода.

Впрочем, большой подмоги русской армии это внезапное «пополнение» не оказало — всего, по сообщениям городских газет, было арестовано 15 жандармских чинов. Как местных, так и оказавшихся в городе по делам сотрудников иногородних управлений. Арестовали городских, весь состав полиции, служащих уголовного сыскного отдела. У жандармов и полицейских было отобрано, в общей сложности, 87 револьверов, 80 полицейских шашек, 50 шашек офицерских и 386 патронов.

Созданная КОБом специальная комиссия по разборке жандармского архива немедленно приступила к работе.

Уже 8 марта газета «Голос Сибири» писала, что «в архиве довольно много интересного материала. Особенно интересен доклад, составленный в сентябре 1916 года, о разных учреждениях, лицах, их направлениях. Имеется также характеристика членов городской управы».

Но комиссию, конечно, больше интересовало не «что» писали, а «кто» писал. Все силы брошены были на выявление «провокаторов». Хотя, если быть точным, то «провокатор» — это человек, подстрекающий к противоправ-

ным действиям. Которыми борьба со «старым» режимом для «новой» власти по всей логике ну никак не могла выгладеть! Но слово «провокатор» — хлесткое, обидное, и, хотя речь шла о выявлении секретных осведомителей жандармерии, именно этот термин применялся ко всем.

Сами «выявляемые», кстати, в своей деятельности по наблюдению за политически неблагонадежными лицами ничего зазорного не видели.

«12 марта, например, — писали газеты, — явился в Совдеп один из бывших слуг жандармерии и заявил, что в настоящее время находится в критическом положении, т. к. лишен работы». В его задачу входило наблюдение сразу за тремя местными эсдеками — Дрониным, Дьяковым и бывшим членом ЦК РСДРП Рожковым.

История, к сожалению, умалчивает — трудоустроил ли Совдеп бывшего филера и куда именно. 18 марта в Томске был арестован «небезызвестный в новониколаевских эсеровских и эсдековских кругах провокатор Цветков. Он занимался исключительно выуживанием эсдеков».

По результатам начала разборки жандармского архива выяснилось, что платным агентом охраны был и

Николаевский проспект, начало XX века

известный в Новониколаевске эсдек Ефим Крутиков. По воспоминаниям старого большевика Александра Галунова, он «для того, чтобы завоевать доверие рабочих, нередко выступал с речами на митингах и собраниях, призывал к борьбе против самодержавия».

А исподтишка делал свое мерзкое дело: выслеживал и выдавал полиции наиболее активных революционеров». К моменту разоблачения Крутиков уже был в Омске, причем — в числе членов Омского Совдепа от тех же эсдеков.

После получения в Омске известий о нем из Новониколаевска Крутиков скрылся «в направлении Барнаула». Интересные отношения в среде новониколаевских подпольщиков позволяет представить себе докладная жандармского ротмистра, который еще в 1914 году писал про своего агента Крутикова, что он «никаким доверием среди партийных не пользуется и страшно опустился: начал пьянствовать и даже дошел до того, что у кого-то из своих товарищей украл часы».

Две примечательные вещи. Редкая осведомленность жандармерии о частной жизни Крутикова показывает, что в среде эсдеков он в своем сотрудничестве с органами власти был не одинок. И второе — об уровне жизни подпольщиков 1914 (напомню!) года. Часы тогда — это примерно как «мерс» сегодня. Но чтобы его украсть — его, как минимум, надо для этого иметь в наличии.

Начались выборы в новые органы городской власти — в городское народное Собрание, а потом и в городскую Думу. И взаимные обвинения в «провокаторстве» и «уголовщине» стали весомыми аргументами в межпартийной предвыборной борьбе.

Социалисты-федералисты («областники») со страниц своей газеты «Свободная Сибирь» задали «наивные» вопросы — почему руководители местных эсдеков, меньшевики Владислав Герман-Каменский (председатель городского Совдепа) и Алексей Зарембо-Гастев (редактор «Голоса Сибири») носят двойные фамилии? Не связано ли это с тем, что они, по слухам, обвинялись в уголовных преступлениях?

В ответ «Голос Сибири» назвал «областников» из «Свободной Сибири» «литературными проходимцами» и «бывшими приспешниками охранки», а редактора газеты Матвея Забиранника — платным агентом царской жандармерии. После чего «Голос Сибири» долго печатал письма известных деятелей (в том числе — лидера партии эсеров и министра Временного правительства Виктора

Чернова) в защиту своих «обиженных», а про Забиранника «сквозь зубы» сообщил в конце мая 1917 года, что все обвинения в его адрес в сотрудничестве с жандармерией опровергнуты. Да и все обвинения в «сотрудничестве с охранкой» базировались только на том, что «областники» опубликовали буквально перед Февральской революцией список сотрудников «Голоса Сибири».

В чем состоял криминал при публикации фамилий сотрудников абсолютно легально выходящей газеты — непонятно. Но ярлык «приспешников охранки» в революционные дни действовал убийственно.

Разборка жандармского архива, судя по всему, велась по принципу «что сверху лежит». «Сверху», кроме документов о Крутикове, попались и бумаги о сотрудничавших с жандармским отделением служащих местной почтовой конторы. Начальника конторы Трудолюбова даже арестовали, причем «дело» его рассматривало аж городское народное Собрание. Изъятые у почтового начальника 200 рублей стали предметом яростных споров.

На предложение пустить их на «народные нужды» эсдек Романов предложил потратить эти деньги «туда, куда пошли те 30 сребреников, за которые был продан Христос». Вообще-то, по Библии, Иуда вернул те деньги «первосвященникам и старейшинам», которые затем «купили на них землю горшечника для погребения странников» («От Матфея», гл. 27, ст. 3, 7). Горшечников в Новониколаевске не было, а Романов, первый председатель большевистского Совдепа города, убитый в декабре 1919 года, был похоронен в братской могиле в Сквере Героев революции. На месте бывших торговых рядов.

«Посему и называется земля та «землею крови» до сего дня» («От Матфея», гл. 27, ст. 8).

...Жандармский архив был украден «неизвестными» из здания городской Думы после того, как власть в городе перешла к Совдепу. Вместе с архивом, как сообщали газеты, пропало и «несколько фунтов листового табаку». Очень большая по тем временам ценность.

Интересно, кто покуривал этот табак перед печкой, в которой догорал тот архив — расписки, донесения, фотографии? Это же только «рукописи не горят», а подобный компромат — легко. А жаль.

Неважно, кто и на кого «стучал», но история города с утратой архива сильно обеднела.

Полковники нашего города

*«— Извините, мсье полковник — чем стареть,
Может, лучше за Россию умереть?
Ради чести и престижа — не шучу!
Он ответил: «Что я — рыжий? Не-хо-чу!»*

*Песня из х/ф «Корона российской империи,
или Снова неувимые».*

У каждого города в истории есть свои известные военные. Новосибирск по праву гордится, в частности, своим земляком — маршалом Александром Покрышкиным. Однако как-то так получилось, что на историю города на всем ее протяжении наибольшее влияние оказали полковники. От первых дней существования города и до дней сегодняшних.

Полковники в истории города появились со времен незапамятных — начиная со строительства Транссиба и моста через Обь.

Строительством Средне-Сибирского участка Транссиба от Оби к Красноярску с ответвлением на Томск руководил инженер-путеец Владимир Жандр. Он же был назначен и начальником участка службы пути дороги

Г.М. Будагов

и во время временной эксплуатации, и когда движение стало постоянным.

Жандр принимал участие в строительстве железнодорожного моста и в организации его технических испытаний. Именно по его инициативе на станции Обь (сегодняшний «Новосибирск-Главный») было организовано железнодорожное училище с постройкой для него специального здания. Надворный советник Жандр по «Табели о рангах» (списку классных чинов всех видов государственной службы того времени) чином своим соответствовал категории штаб-офицерских чинов, званию подполковника и имел право на обращение к нему «ваше высокоблагородие».

Так же следовало обращаться и к статскому советнику инженеру Григорию Будагову — чин его соответствовал званию полковника, но категория чинов была одна. Правда, после получения чина действительного статского советника (в армейских терминах — генерал-майора), он мог претендовать уже на обращение к себе как к «вашему превосходительству», но это случилось немного позже. Будагов на строительстве Транссиба обязан был непосредственно курировать возведение мостов, а при постройке нашего моста через Обь был фактически его главным инженером. Ему город обязан и появлением первой школы — для детей строителей моста.

Несколько позднее Будагов вернулся в город, возглавив изыскания и строительство Алтайской железной дороги (Новониколаевск — Барнаул — Бийск — Семипалатинск). Одну из улиц перед его отъездом горожане приняли решение назвать Будаговской (ныне Большевикская) — на ней стояла основанная им школа. За успехи в строительстве Транссиба Будагов был награжден орденом Св. Анны 2-й степени.

Подполковник Жандр и полковник Будагов с закладкой моста заложили и все основы для возникновения города. Но город не мог возникнуть просто на пустом месте, даже рядом с мостом.

Поселок, возникший рядом с мостом, с дальним и правильным прицелом жители решили именовать Новониколаевским.

Полковник Русской армии Николай Романов (больше известный всем как Император Всея Руси Николай II) преданность оценил. И, выждав приличное время (достаточное, чтобы поселку дорасти до города), присвоил в декабре 1903 года уже не поселку, а городу Новонико-

лаевску статус безуездного города с упрощенным городским управлением, а уже в декабре 1908 года — статус полноценного города, хотя и без своего уезда.

Никто сегодня не сможет сказать, какие планы были у «патрона строительства Транссиба» полковника Романова по отношению к своему «именному городу» (который, положив руку на сердце, изначальный «городской» статус получил из его рук с большой натяжкой), но полковнику совсем скоро стало не до города. Уездный статус и уезд впридачу город получил уже от Временного правительства.

В наступившей в дальнейшем чехарде смены правителей и властей у города был шанс резко поднять свой статус. И тоже — благодаря полковнику.

Эсер полковник Аркадий Ивакин, поднявший на мятеж в декабре 1919 года против власти Верховного правителя Сибири адмирала Колчака и собственный Барабинский полк «бело-зеленой» Сибирской армии и большинство остальных частей гарнизона, должен был после захвата города объявить Новониколаевск (с исчезновением полковника Романова в названии города безо всяких официальных распоряжений исчез и дефис — название стало как бы «нейтральным») столицей «демократической Сибирской республики». Не получилось. Мятеж был подавлен, полковник Ивакин — расстрелян.

Но это был первый в истории случай, когда город планировался и реально мог стать столицей Сибири.

Затем в «полковничьей главе» истории города наступило долгое «молчание». Вероятно, в том числе и потому, что звания-то такого долгое время в новой Красной Армии просто не существовало.

Полковники, уходившие в таком звании из города на Великую Отечественную войну, и те, кто возвращался в таком звании с нее, существенного влияния (при всем огромном к ним уважении) на развитие и историю города все же не оказали.

Зато полковник запаса Советской Армии и по совместительству первый президент России Борис Ельцин очень даже на статус города сумел повлиять.

После его визита в июле 1991 г. в Новосибирск, где он абсолютно демонстративно подписал несколько документов, дающих недавно учрежденной Межрегиональной ассоциации «Сибирское соглашение» (объединившей сибирские регионы) серьезные экономические льготы и преференции, МАСС превратилась из нефор-

мального объединения в субъект реальной российской политики.

Президент дал (по крайней мере — на бумаге) налоговые льготы сибирским регионам, а столица МАСС — город Новосибирск — тем самым превратилась в неофициальную еще «столицу Сибири». Хотя не без подачи деятелей из МАСС и, в общем-то, не без определенных оснований, журналисты стали называть в своих материалах руководство МАСС «правительством Сибири», а наш город, соответственно, ее столицей без всяких кавычек.

Полковник Ельцин всячески демонстрировал свое уважение к МАСС в целом и к «столице Сибири» в частности — на словах. На деле он, похоже, очень обиделся на город после сентября-октября 1993 года. Именно у нас МАСС практически впрямую заявила посланнику Ельцина Сергею Шахраю, что «силовой вариант» решения кризиса поддержан не будет, а на совещании Советов Сибири у нас же в городе было заявлено о возможности объявления о создании «Сибирской республики», и «мятежный» Верховный Совет РФ был приглашен для дальнейшей своей работы в Новосибирск.

Так, хотя и косвенно, «благодаря» полковнику Ельцину город не только в очередной раз чуть не стал не только столицей Сибири, но и вообще — «второй столицей страны». И слава Богу, что не стал... Танки полковника Ельцина и генерала Грачева остались в Москве.

Хотя «столичный» или почти «столичный» статус город все-таки получил. После того, как новый президент России полковник госбезопасности Владимир Путин утвердил систему федеральных округов. По которой центр Сибирского федерального округа стал наш Новосибирск.

Здесь работают и президентский полпред, и отделения основных федеральных ведомств. Причем юрисдикция их распространяется на всю Сибирь. Так что если не «официальной», то как минимум «полуофициальной» сибирской столицей» наш город является.

Я очень уважаю всех полковников, «наследивших» в истории города, только те же Жандр, Будагов и Романов носили погоны «по должности»; Ивакин по-честному единственный жизнью расплатился за все, во что верил. Город их как-то «не запомнил».

Запомнили других. Жаль. Полковник — это не только тот, кто умеет до блеска чистить сапоги.

«На извозчиков потратишься — а врача не найдешь!»

В последнее время много говорится (и делается) в городе в рамках национального проекта «Здоровье».

Однако и сто лет назад проблемы с медобслуживанием в Новониколаевске были не меньшими, чем сейчас. Неотложная помощь, нехватка врачей и лекарств, дороговизна этих лекарств...

Все это уже тогда было постоянной «головной болью» и для простых новониколаевцев, и для врачей и фармацевтов, и для VIP-персон города. Для последних — когда они волею судьбы превращались вдруг в простых пациентов.

В общем-то принцип «Раньше думай о Родине — а потом о себе!» существовал всегда. Строительство «ключевого» моста Великого Сибирского пути «вдруг» привело к появлению рядом с ним молодого и динамично растущего города. Чего, собственно, никто не планировал и на что никто не рассчитывал (поэтому до сих пор и идут споры, кого можно все-таки считать «отцом-основателем» города).

Город с жителями появился, и тут-то выяснилось, что у новых горожан есть, в частности, потребность в своевременном получении медпомощи и лекарств.

Городская больница на 15 коек с одним врачом, двумя фельдшерами и акушеркой появилась лишь в 1906 году и, естественно, нужды города удовлетворить не могла. Лечить было необходимое многое и у многих, а возможностей было маловато.

Городской справочник за 1912 год упоминает уже 5 больниц (из них одну — частную), дает адреса 3 аптек и 2 аптекарских магазинов, адреса 10 врачей «общей практики», 7 зубных врачей и 2 фельдшеров (медицинского и ветеринарного). Хотя качественного влияния на доступность медицинских услуг столь незначительный количественный рост этой сферы не оказал.

Аптека Ковнацкого и магазин готового платья (Красный проспект, 13). Фото 1910-х гг.

Сутки пребывания в частной лечебнице обходились в 5 руб., вызов врача на дом — 1 руб. (в городской, по-нынешнему — «муниципальной», клинике стоимость услуг была несколько ниже). Так что «спрос» был велик, а «предложение» — в явном дефиците. Рекламные объявления частнопрактикующих врачей печатались в местных газетах на первых полосах, на самых «дорогих» местах.

Некоторые предупреждали о ценах заранее, в рекламе. Так, «Лечебница зубов и полости рта (Асинкритовская ул. (нынешняя Чаплыгина. — А. К.), д. Чернаковой)» в рекламных объявлениях 1909 года давала точный прейскурант: совет — 50 коп., удаление зуба — 50 коп., под кокаином — 1 руб., пломбы от 1 до 3 руб., искусственные зубы — 2 руб. Не стоит вздрагивать от упоминания кокаина — его долгое время использовали во врачебной практике в качестве обезболивающего.

Кстати, город вполне понимал загруженность (и перегруженность) медиков. В опубликованных предупреждениях января 1909 года к избирателям городского старосты Александра Беседина о том, что те, кто не явится на собрание избирателей, к выборам гласных городской Думы допущены не будут, имелась оговорка: «Исключение допускается только для врачей».

Практика же «потребления» горожанами предлагаемых услуг порой приводила к потрясающим письмам в местные газеты.

Горожанин Александр Конев писал в первую городскую газету «Народная летопись» в 1909 г.: «У меня заболел ребенок 6 м-цев. Мы с женой сначала обратились в горбольницу к врачу Иволину, который прописал порошки; когда порошки вышли, мы, вместе с больным ребенком, отправились в больницу вторично. Но так как там было очень много народу, то мы принуждены были обратиться за помощью к врачу Д. С. Соколову, который нашел у ребенка «английскую болезнь» (рахитизм. — А. К.) и прописал соответствующее лекарство».

Сомневаясь в правильности диагноза г. Соколова, мы понесли ребенка к врачу г. Сасыкину, который нашел у больного воспаление мозговой оболочки и также прописал лекарство (судя по всему, диагноз первого врача тоже был иным. — А. К.). Не могу не указать на чрезвычайно высокие цены лекарств...

Так, отпущенные мне в первый раз лекарства стоят 1 руб. 27 коп., а по заявлению самих же служащих в аптеке, самый материал лекарств стоит всего 20 коп., — так что не более как получасовая работа оценивается в аптеке в

1 руб. 07 коп., — оценка, по-моему, слишком высокая.

Хотя в аптеке для бедных людей и сбрасывают со стоимости лекарств 20%, но, несмотря на это, все-таки лечение для людей недостаточных в г. Н-Николаевске, при необходимости уплачивать за совет врачу и при таких высоких ценах в вольной аптеке, является делом очень трудным и для многих недоступным».

Тут необходимо пояснение. «Львиная доля» лекарств готовилась тогда непосредственно в аптеках, по индивидуальным рецептам, в которых при назначении учитывались особенности каждого пациента и его заболевания.

Увы, именно вечная нехватка врачей (и времени на индивидуальную тщательную работу с каждым пациентом) постепенно вытесняла из аптек индивидуальные препараты, готовившиеся обученными провизорами и фармацевтами, заменяя их столь привычными сегодня «готовыми лекарственными формами».

Да и тех не хватало — тем более с началом Первой мировой, а затем и Гражданской войн. Когда количество нуждающихся в помощи начинает исчисляться десятками тысяч — тут уже не до аптекарских весов и не до «индивидуального подхода».

Лекарственные препараты постоянно дорожали.

Кроме того, и их, и врачебных услуг постоянно не хватало. 27 июня 1917 года (уже после Февральской революции) новониколаевский «Голос Сибири» опубликовал очередную «крик души»: «...23 июня я заболел и послал за доктором. С 7 ч. до 10 ч. вечера, объехавши всех врачей, удалось застать дома лишь врача Алтайск. жел. дор. Г. Пичугина, а остальные уехали на дачи. Конечно, никто не будет оспаривать, что и врачам нужен отдых, но все же необходимо установить дежурства врачей в каком-либо определенном месте».

Такие дежурства крайне необходимы, т. к. объехать всех врачей, без надежды кого-либо встретить, не под силу, конечно, необеспеченным классам.

Затратишь деньги на извозчиков, а врача не найдешь!

...Будем надеяться, что обществом врачей такие дежурства будут учреждены. Ф. Серебренников».

Пикантность состоит в том, что автор текста — Федор Серебренников — один из руководителей на тот момент новониколаевского Совдепа.

Трудно спорить, что «объехать всех врачей» было «не под силу, конечно необеспеченным классам». Тем более, что тот же «Голос Сибири» (одним из редакторов которого был тогда и Серебренников) неоднократно жа-

ловался на наглость извозчиков, «заламывающих» вечером и ночью за поездку по центру города аж по 3 руб. И посылать извозчика за врачом при недомогании имел возможность далеко не каждый. Да и отсыл к решению проблемы только обществом врачей выглядит, скорее, не как забота о горожанах, а как личная возмущенная реплика одного из городских руководителей.

С развитием «русской смуты» пропали и самые элементарные лекарства.

Городская газета «Народная Сибирь» 20 ноября 1918 года в фельетоне «История с рецептом» ехидно писала о горожанине, обходящем все подряд аптеки и пытающимся по рецепту получить всего лишь вазелин: «Вот что я вам скажу, напрасно вы захворали, не вовремя вы захворали, милостивый государь! У нас даже йода, касторки нет, а вы захотели вазелина! А ведь без касторки-то далеко не уедешь!...»

От долгого обхода по морозцу персонаж продрог и: «На другой день он был в сильном жару, а еще через два дня и не стало на свете бедного Ивана Ивановича. Трудно лечиться теперь, господа!!!» Смех был, конечно, сквозь слезы...

Вот что росло — так это цены. Отвечая на письмо по поводу «дороговизны приемов у врачей», доктор Г. Копылов писал все в ту же «Народную Сибирь» (26 ноября 1918 года): «...Плата от 15 до 25 руб. включает мои расходы на хирургические повязки, всевозможные необходимые по роду болезни медикаменты, которые приходится приобретать по нынешним временам по чрезвычайно высоким ценам: достаточно указать на стоимость кокаина — 25 руб. за грамм, ваты — 45 руб. фунт, марли — от 3 руб. аршин и т. д... Очевидно, писавший принадлежит к тому слою населения, который готов извозчику, доставившему его к врачу, платить дороже, чем самому врачу.

Совершенно забывая, что врач, не занимающий никакой платной должности, не обеспеченный на «черный день» на случай болезни... принужден иметь заработок не меньше извозчика».

Ох, хорошо запомнили городские врачи годичной давности упрек «с извозчиками» в свой адрес!

...До начала осуществления в Новосибирске национального проекта «Здоровье» оставалось всего 89 лет.

Брак с большим браком

Во все времена семья в России являлась самым прочным звеном общества. Однако социальные катаклизмы 1917 года не могли пройти мимо институтов семьи и брака.

«Старое» было разрушено, а вот «новое» создавалось с большим трудом. Было и трагическое и комическое. Новониколаевск — Новосибирск не стал исключением.

Долгое время в стране «легальным» признавался только церковный брак.

Законодательство Империи довольно подробно устанавливало его условия и условности. Вступление в брак мужчинам — не раньше чем с 18 лет, женщинам — с 16 лет. Офицерам, состоящим на действительной воинской служ-

В ресторане, начало XX века

бе, — не раньше чем с 23 лет, причем они (как и остальные госслужащие) обязаны были представить разрешение на брак от начальства.

Было и еще одно положение: «Запрещается вступать в брак лицу, имеющему более 80 лет». Обязательно, несмотря на возраст, требовалось согласие родителей.

Устанавливалось, что один человек мог вступать в брак не более трех раз (естественно, после прекращения предыдущих).

Было четко записано, что «брак прекращается сам собой через смерть одного из супругов».

Однако и развод был возможен, но только по нескольким причинам: доказанное прелюбодеяние; неспособность к брачному сожителю; безвестное отсутствие одного из супругов более пяти лет; а также — ссылка в Сибирь.

При ссылке, если один из супругов не последовал добровольно за ссылкой, он тоже имел право на развод «в одностороннем порядке». А вот те, кто поехал за ссылкой, права на развод лишались.

Надежда Крупская знала на что шла, поехав в Сибирь за Владимиром Ульяновым. Кстати, почти «святочный» рассказ о том, что кольца в Шушенском супругам отковал кузнец из двух медных «пятак», не выдерживает критики. Те, кто постоянно его тиражирует, просто никогда не видели царского «пятка».

Это была «монетка» такого размера и веса, что броском ее можно было зашибить приличного гуся. Кольцо из одного «пятка» — это, извините, такая «гайка», что любой нынешний «браток» позавидует.

Скорее всего, произошла обычная накладка — в первых рассказах было два кольца из одного «пятка»... А вот при последующей «мифологизации», не обратив внимания и не подумав, «молодым» стали уже выделять каждому по персональному «пятак».

Совершению обряда венчания должно было предшествовать «оглашение», то есть оповещение о предстоящем браке.

После подачи «молодыми» соответствующего заявления приходскому священнику последний трижды по воскресеньям или праздникам оповещал прихожан в храме о предстоящем венчании — для того, чтобы если кто знает что-либо препятствующее заключению брака, смог об этом рассказать.

Параллельно с оглашением причт храма проводил «брачный обыск» — поиски препятствующих браку факторов.

Акт о результатах подписывался женихом, невестой и

поручителями — по двое с каждой стороны. И только после этого — венчание.

Венчали во всех новониколаевских храмах, но не каждый день — не было венчаний в дни церковных и государственных праздников, во время постов и т. д.

Традиционно считается, что наибольшие по количеству детей семьи были у крестьян. Это не совсем так.

Не надо даже терзать статистику, достаточно привести лишь два примера. Проживавший в Новониколаевске плотник Иван Шамшин (тот самый, основатель революционной династии Шамшиных) имел 7 детей — 3 дочери, 4 сына.

В семье новониколаевского конторщика Павла Серебренникова (из этой семьи вышел революционер Федор Серебренников) — 5 детей: 3 сына и 2 дочери.

Так что привычные представления о «многодетности» крестьянских семей и «малодетности» городских в конце XIX — начале XX веков — из области устоявшихся мифов.

Наступил 1917 год, а с ним и всеобщее «помрачение умов». Для объективности стоит сказать, что «простоту нравов» (в том или ином виде) пропагандировали все российские партии. Началось и активное обсуждение необходимости отделения церкви от государства. Пропаганда падала на благодатную почву. Войны — Первая мировая, а потом и Гражданская — просто разметали многие семьи. А вот количество браков внезапно стало расти.

Только с «укреплением семьи и брака» этот процесс ничего общего не имел. «Свободный голос Сибири» (Новониколаевск) сообщал: «В связи с изданием Советом народных комиссаров декрета о браке, циркулируют слухи о том, что церковный брак будет отменен. И вот, чтобы избежать этого, многие спешат женить своих детей. Они через кого следует увеличивают возраст с 15—16 лет до 18 и венчают их. Вследствие такого положения наблюдается сильный рост браков».

Писательница Лидия Сейфуллина в повести «Виринея» так описывала, как в 1917-18 годах преломились в народном сознании отмена церковного и введение гражданского брака: «Эта веселая солдатка Анисья всегда с Виркой ласкова. Может, с того, что и ее другие бабы, степенные, как Вирку, глазами колючими у колодца встречают».

И вслед долго глядят, губы поджав.

Слух по деревне идет, что спуталась, как мужа в солдаты забрали. А она на те разговоры только смехом озорным отвечает. Веселая да бесстыжая. Но Вирке смех ее частый и легкий по душе. Надоест ведь одну канючку слушать...

Анисья тряхнула головой, пестрым платочком поя-

занной:

— В нонешни года развольничались бабы. Вот хоть про себя скажу. И муж желанный у меня, не то чтобы с отвратом я к нему, аль об ем не думала. Провожала — горячей слезой плакала, а гляди — гуляю без его. Придет — убьет, может. И за дело, знаю. А все не хочу молодых годков своих терять. Прежни-то бабы, сказывают, по десятку лет без греху мужьев дожидались. А мы на это дело слабые».

Попытки наладить новые взаимоотношения в семье приводили зачастую к курьезным вещам. Новосибирские архивы сохранили яркий «образчик» «брачного контракта» середины 1920-х годов: «Я, нижеподписавшаяся гражданка Гобрусова Анна, даю настоящую подписку своему мужу Никите в том, что я, во-первых, обязуюсь жить с Никитой добросовестно; во-вторых, распутной жизни не производить; в-третьих, прекратить совершенно питье водки, так как мною ранее производилось пьянство по несколько дней подряд.

В случае, если мной, Анной, будут нарушены вышепоименованные требования, то я никакого надела или части имущества от Гобрусова Никиты Елифановича требовать не буду. Настоящую подписку выдаю в здравом уме и в присутствии свидетелей, в чем и расписуюсь».

«Виринея» Сейфуллиной печаталась в Новосибирске в журнале «Красная Сибирячка». Журнал издавался агитмассовым отделом Сибкрайкома ВКП(б), ориентировался на женщин.

Однако годами в нем не появлялись материалы по вопросам брака и семьи. Обсуждались, в основном, проблемы расширения включения женщин в общественную жизнь.

Да еще печатались «частушки»:

*Не дадимся мужикам
Для издевки —
Не пойдут венчаться в храм
Наши девки!*

Собственно, этим и ограничивалась пропаганда новых форм брака — коротко, но доходчиво.

Сталинские «элитки» Новосибирска

Сегодня много говорят о том, что строительство жилья в городе растет год от года. Правда, при этом как-то стыдливо забывают уточнить, что речь идет преимущественно о строительстве жилья «премиум-класса» — так называемых «элиток».

В 1930-е годы в городе происходило то же самое: в первую очередь отстраивались дома для городской и краевой элиты.

Ул. Урицкого, 37 — жилой дом Томской железной дороги был построен в 1935 году. На верхнем этаже здания были устроены обширные лоджии, которые немного позднее из-за несоответствия климатическим условиям были застроены и превращены в комнаты

Жилой дом Крайисполкома, позднее Облисполкома (Стоквартирный), 1950-е годы

Из всех элитных зданий сталинского времени самым грандиозным, бесспорно, была «суперэлитка» — Стокквартирный дом на Красном проспекте. Дом даже официально назывался «жилым домом Сибкрайисполкома», потом — «домом облисполкома». Его проектирование доверили Андрею Крячкову (при участии архитектора Масленникова).

Ради постройки Стокквартирного и сооружения перед ним сквера (сегодня приходящего в запустение) был снесен целый квартал дореволюционной постройки, в том числе — и первая в городе телефонная станция, и здание первой в городе пожарной команды с каланчой (которую украшал гордый лозунг «Один за всех — и все за одного!»).

(В данный момент сквер отреставрировали и, наконец, воздали дань уважения архитектору А. Д. Крячкову, поставив здесь, практически на площади, которой давно пора дать имя Андрея Дмитриевича, памятник «отцу сибирской архитектуры» — Прим. ред.)

В восьмизэтажном доме запланировали десять пятикомнатных квартир (81 кв. м), тридцать четырехкомнатных (72 кв. м), сорок трехкомнатных (54 кв. м) и двадцать двухкомнатных (27 кв. м). Все комнаты имели ориентацию на две стороны света.

Огромные лестничные пролеты позволяли устраивать небольшие торжественные демонстрации — человек по пять в ряд. Впрочем, в торжественные дни обитатели Стокквартирного демонстраций не устраивали — они стояли на балконе соседнего Крайисполкома (нынешняя областная администрация) и приветствовали идущую внизу демонстрацию «простых» новосибирцев. Да и в обычные дни лестницами пользовались мало: под рукой было чудо техники — лифт!

Полы в жилых помещениях были выложены дубовым паркетом, санузлы отделаны метлахской плиткой. В вестибюлях и на лестничных клетках под ноги входящих «стелилась» мозаичная плитка.

Пусть никого не обманывают вроде бы скромные для сегодняшних «элиток» площади квартир. Имеется в виду только жилая площадь. В публикациях, посвященных Стоквартирному, жилые интерьеры описывались мельком и без особых подробностей. Дескать, «требовалось найти рациональную планировку... Решение было найдено удачно — с продуманным подбором жилых и подсобных помещений, с хорошими пропорциями комнат, с хорошей ориентацией помещений» (С. Баландин, О. Ваганова. «Сибирский архитектор А. Д. Крячков». Н., 1973). Каталог «Памятники истории, архитектуры и монументального искусства г. Новосибирска» на подробности в описании еще более скуп: «В интерьерах много света и воздуха».

В конце 1970-х — начале 1980-х мне довелось побывать и в двухкомнатных, и в трехкомнатных апартаментах Стоквартирного. Признаюсь, малость обалдел. От обилия «света и воздуха».

В коридоре можно было устраивать не только вело-, мото-, но и автогонки — ширина позволяла. В «двухкомнатной» квартире мой тогдашний приятель вдруг позвал меня в «свою» комнату (площадью примерно 12-15 кв. м).

«Ты же говорил — двухкомнатная?» «А это бывшая комната для obsługi. Папа еще хочет одну из кладовок под кабинет перестроить, но мама против. Там еще теснее, чем здесь».

У городской элиты 1930-х «прислуги» не было. Это слово ушло в прошлое вместе с царским режимом. У них была — «обслуга». Слово вполне пристойное и достойное. Однако в жилую площадь «комнаты для obsługi» не включались. Они проходили по разряду «подсобных помещений».

Хочу подчеркнуть — квартиры, в которых я был в Стоквартирном, в

1930-е и позже занимала элита, но отнюдь не первого и даже не второго ряда. Дом, к началу XXI века изрядно обветшавший (пришлось даже установить по периметру «зонтик» из стальной сетки для защиты прохожих и машин от осыпающихся сверху кусков штукатурки и кирпичей), совсем недавно отреставрировали. Правда, покрасив его при этом в какой-то безумный цвет. Боюсь даже представить, сколько теперь могут стоять квартиры в Стоквартирном.

По крайней мере, это один из немногих домов, у подъездов которого не лепят объявления «Куплю квартиру в вашем доме» или «Семья из 2-х человек снимет комнату». Ввиду полной бесперспективности призывов.

21 сентября 1936 года «Советская Сибирь» сообщала: «Новосибирск будет показан на выставке в Париже... Фотограф Моторин делает фотоснимки города... Художественное руководство работами возложено на архитектора-художника тов. Тейтеля».

Именно по результатам демонстрации этих снимков Крячков получил Гран-при, Золотую медаль и денежную премию (которая, естественно, пошла в доход государства). Советский и германский павильоны в Париже стояли рядом.

Дом Крайснабсбита («дом с часами»), 1940-е годы

«Наш» венчали «Рабочий и колхозница» (прописавшиеся потом на ВДНХ), «их» — орел со свастикой. В числе германских визитеров, посетивших советский павильон, был и главный советник Гитлера по архитектуре Альберт Шпеер (будущий подсудимый на Нюрнбергском процессе). Он получил от Гитлера задание «вновь сделать Берлин настоящей и истинной столицей Рейха». Планы архитектурного переустройства Берлина после окончания войны составлялись чуть ли не до последнего часа Рейха в 1945-м.

Шпеер говорил, что в советском павильоне его потряс именно Стоквартный дом Крячкова, и что он много взял из его архитектурных решений для планирования застройки центра будущей «столицы мира».

От советских и партийных органов не отставало и НКВД. На Серебренниковской, 23 в те же годы вырос многоэтажный красавец-дом. Им гордились, с его видами выпускали открытки (не указывая, понятно, ведомственную принадлежность здания). Дом для начальству-

Жилкомбинат на ул. Серебренниковской, 1950-е годы

ющего состава НКВД был построен как «жилкомбинат». В нем одновременно были запланированы магазин, столовая (обеда из которой можно было заказать непосредственно на квартиру), ванная (помимо индивидуальных в квартирах), прачечная и стол заказов.

Правда, уже к концу тридцатых от идеи «комбината» отказались, переделав непрофильные помещения под другие нужды. Квартиранты из первых жильцов «жилкомбината» в больших петлицах НКВД на перемены не жаловались — их уже на свете не было, а квартиры заняли совсем другие люди с не меньшими по значимости петлицами. Строил дом (так же, собственно, как и строившееся одновременно с ним здание НКВД на Коммунистической) архитектор Борис Гордеев.

Среди архитекторов города про него говорили, что он «работает в системе НКВД». На самом деле — он был всего лишь ссыльным,

Нереализованный проект жилого дома СибВО (1937-41 гг.)

обязанным ежедневно являться в милицию «на отметку». Вроде бы и на свободе — и «на поводке».

Не отставала и армия. По проекту архитектора Клавдия Осипова для высшего офицерского состава СибВО был возведен дом на Красном проспекте, 62, недалеко от тогдашнего Дома Красной Армии и штаба округа.

Интересно, что строили его как бы в качестве жилья для комбината «Трикотажстрой». Но все быстро встало на свои места, когда началась отделка фасадов с отнюдь не «производственной» символикой, а тем более затем, когда в доме открылся один из первых в городе «спортивно-охотничьих» магазинов...

И еще совсем немного позднее — когда стали заселяться жильцы в фуражках и с большими знаками различия в петлицах... Дом сразу стали называть «генеральский дом» или — «дом генералов». «Неофициальное» название настолько прижилось, что стало практически официальным.

В выпущенной в 1945 году к 10-летию местного отделения Союза архитекторов брошюре, прошедшей, естественно, цензуру, ее автор Игорь Белогорцев писал, что «одной из наиболее культурных построек довоенного времени надо считать «генеральский» дом на Красном проспекте, построенный по проекту и под руководством арх. К. Е. Осипова. Он прост, силен и монументален по производимому впечатлению и удобен для жилья». Естественно — «удобен». И паркет тоже дубовый, и «комнаты для прислуги». То есть, конечно, — для об-

Образцы архитектурных излишеств сталинского строительства

слуги.

...Меня всегда удивляла какая-то странная тупость сегодняшних строителей «элиток».

Ну кто, кто в здравом уме в Сибири будет проектировать входные ступени из полированного мрамора или гранита?! Они и летом-то скользкие, а зимой... И висит над всем этим великолепием обязательно листик с криво выведенным от руки: «Осторожно! Скользкие ступени!». А это, оказывается, традиция строительства «элиток» в нашем городе.

Дом с часами спроектировали с ленточными галереями с остеклением, в которые и выходят двери квартир. При минимальных холодах ощущение у жильцов такое, что двери квартир выходят сразу во двор. Сколько им приходится дополнительно платить за электрообогреватели — даже говорить не буду. Да это что!

В жилом доме Томской железной дороги (сейчас — Западно-Сибирская) по Урицкого, 37 запроектировали и построили (архитектор Ширяев) открытые лоджии по всему периметру верхнего этажа. Даже без остекления. Спихнулись быстро, и лоджии очень скоро превратились в отдельные квартиры. Но — уже после постройки «элитки».

В Новониколаевске тоже было элитное строительство. С одним небольшим различием. Городская элита строила элитное жилье для себя за свои деньги.

Новониколаевск армейский

Две структуры всегда были признаком стабильности государства — армия и полиция (как бы она ни называлась). И неслучайно, что Новониколаевск «армейский» стал строиться гораздо раньше «полицейского». Армия — она всегда армия, и существовать должна, что бы ни случилось с полицией и страной.

Стратегическое значение для российского Генштаба Новониколаевск получил еще до того, как официально стал именоваться городом — с постройкой моста через Обь. После русско-японской войны правительство приняло решение о постройке в основных, «опорных» для страны городах по линии Транссибирской железной дороги военно-остановочных пунктов и военных городков.

Еще в 1896 г. на переговорах в Москве с китайской делегацией министр финансов России Сергей Витте кратко, но емко сформулировал необходимость расширения русского военного строительства по Транссибу: «Вся наша военная сила находится и всегда будет находиться в Европейской России. Следовательно, необходимо, с одной стороны, чтобы мы могли в случае надобности подавать войска из Европейской России и, с другой стороны, чтобы мы могли подавать войска также и из Владивостока» (С. Витте, «Избранные воспоминания», М., 1991 г.). Проезжающие войсковые части должны были иметь возможность для полноценного отдыха, солдат необходимо

было кормить, снабжать, лечить.

В Новониколаевске комплекс военно-остановочного пункта был выстроен за железнодорожными путями, вблизи станции. Строгие, как солдаты в строю, построенные «по линейке» здания из красного кирпича сильно потеснили городскую «Малую Нахаловку» — район хаотичной деревянной застройки (нынешняя ул. Владимировская). «Красные казармы», сохранившиеся практически в неизменном виде до сих пор, хорошо известны всем горожанам.

Помимо проезжающих частей, они стали местом дислокации Енисейского и Иркутского полков, казачьей сотни, конвойной команды. В период повальных эпидемий в городе во время Гражданской войны казармы стали приютом для инфицированных больных. В 1941 г. казармы, «тряхнув стариной», снова стали в ряды защитников Отечества — в их помещениях частично размещался эвакуированный оборонный завод № 69. «Сто пятый почтовый ящик», приборостроительный завод им. Ленина.

С 1945 по 1952 г. казармы занимали внутренние войска МВД. По иронии судьбы и истории, сегодня в «красных казармах», выстроенных для армии, находится в том числе и приемный покой психиатрической больницы. «Лакомое место» для желающих сегодня «закосячить» от армии.

В здании коммерческого клуба в 1919 году размещался городской штаб Красной гвардии

Дом Крюкова (улица Советская, 25), фото 1910 года. В период Гражданской войны здесь размещались штабы различных воинских частей Красной и Белой армий

Недалеко от «красных казарм» располагался и комплекс зданий военно-сухарного завода, снабжавшего «сухим пайком» и Сибирский, и Приамурский военные округа. Завод был оснащен по последнему слову техники (того времени, разумеется): хлебопечные печи, собственная мукомольня, собственное машинное отделение и котельная. По сегодняшней терминологии, это было предприятие «законченного цикла» — сухари для армейских «сухих пайков» выходили за его ворота уже упакованными. Завод давал армии до 1 млн пудов сухарей в год.

Может быть, кто-нибудь сегодня и посмеется — «сухарики!» Однако эти самые «сухарики» были одной из основных составляющих рациона российского солдата. В действующих в сегодняшней армии России нормах снабжения сухари отсутствуют — предусмотрено 750 г хлеба на бойца в сутки (приказ МО РФ № 400 от 22 июля 2000 г.).

По нормам снабжения солдат русской армии 1914 г. на каждого полагалось в мирное время 1230 г ржаного хлеба или 819 г

сухарей (приказ военного министра России № 346 от 22 марта 1899 года). В военное время норма увеличивалась — 2254 г хлеба или 1539 г сухарей. Солдаты предпочитали сухари — места меньше занимают в вещмешке, весу меньше, да и хранятся гораздо дольше. На память о заводе городу осталась Сухарная улица, да не одна, а несколько.

А что касается «смеха» над сухарями, то тот, кто в Советской армии при выезде на полигоны и учения ел запаянный в пластик «хлеб длительного хранения» без вкуса и запаха, меня поймут — погрызть бы вместо этого тех новониколаевских ржаных сухариков...

Город получил и гарнизон. Как военную единицу и, одновременно, — базу для подготовки резервистов. Здание Управления воинского начальника Новониколаевска сохранилось и действует — сегодня в нем штаб Сибирского округа внутренних войск МВД РФ (на перекрестке нынешних ул. Фрунзе и

Мичурина).

Интересно, что на роскошном подарочном плане, изданном в 1916 г., где были прорисованы каждый из 8,5 тысяч домов и сооружений тогдашнего города, только над зданием Управления был изображен государственный трехцветный флаг. Подобной чести не удостоились ни Гордс-

Окружной дом офицеров, 1940-е годы

кая Дума (сегодняшний краеведческий музей), ни здание управления Томским имением Алтайского округа ведомства Кабинета Его Императорского Величества (сейчас не приметное здание у берега Оби).

Прочие «казенные» здания города (включая полицейские) тоже «не удостоились». Город подчеркнуто демонстрировал свое уважение к армии — даже таким способом.

Город строил здания для гарнизона. Необустроенная, находившаяся «на отшибе» Закаменская часть получила целый «город в городе» — военный городок из 37 кирпичных зданий. Казармы, лазарет, котельная, гауптвахта, склады, церковь — все свое. И если название военно-остановочному пункту «красные казармы» город дал сам, стихийно, то название военного городка воспринял от армии — «Семнадцатый городок».

Откуда и когда появился именно этот порядковый номер и в какие годы он возник в абсолютно секретных перекличках армейских частей, при какой именно власти, сейчас никто не вспомнит. Секретность — это для армии, а

горожанам как-то нужно же было называть этот целый квартал? «Семнадцатый», построенный новониколаевскими мастеровыми для размещения двух пехотных полков и артиллерийского батальона по проектам инженеров Соколова и Голубова, исправно служит армии до сих пор. Да еще как служит!

Уже несколько лет его реконструируют, как было сказано по новосибирскому ТВ, «под казармы XXI века». «Новониколаевск армейский» еще послужит и военному Новосибирску.

Не сохранилось от «армейского Новониколаевска» многое. Давно снесены здания, где, постоянно меняя адреса в годы смутного для страны времени, располагались и управление воинского начальника, и комендант города, и начальник гарнизона.

Дом, в котором жил командир 41-го Сибирского стрелкового полка (первого «гарнизонного» для города полка) полковник Вставский, тоже не сохранился — был снесен вместе с остальной старой застройкой при возведении ДК

Штаб Сибирского военного округа, 1930-е годы

железнодорожников.

Обидно другое. Не осталось в городе памяти о той старой русской армии. Не надо мемориальных табличек на здании Управления воинского начальника, в «семнадцатом городке», или, не дай Бог, где-то на «красных казармах».

В годы Первой мировой в лазаретах города лежали тысячи раненых на фронтах солдат. И умирали — здесь же. Гордума еще 4 февраля 1915 г. отвела под воинские захоронения место на «старом» кладбище (район нынешнего Центрального рынка и стадиона «Спартак»), «оставив посреди кладбища свободную площадь для постановки в будущем памятника». Хоронили умерших от ран, в результате, на «новом» тогда кладбище — на месте нынешней «Березовой роши». Образовался на «новом» кладбище своеобразный район — «воинский».

Он отмечен на плане г. Новониколаевска в пределах кладбища вместе с «православным», «магометанским», «лютеранским». Захоронений, судя по площади, было не меньше, чем в других «кладбищенских районах» — солдат умирало много.

При ликвидации кладбища могилы просто уничтожили. Сегодня в парке гуляют дети.

Памятного знака умершим от ран русским воинам Первой мировой в городе нет. Армия — молчит, но постановление-то Гордумы 1915 г. никто не отменял?

Может, хоть Горсовет об этом вспомнит?

«Алло! Город слушает!»

«Не было бы счастья, да несчастье помогло» — эту пословицу телефонисты города с полным правом могут сделать своим девизом.

Так как телефон в Новониколаевске появился благодаря тому, что город регулярно выгорал практически дотла.

Первыми телефон как средство оперативной связи оценили новониколаевские пожарные. Деревянная заст-

ройка города горела постоянно, и требовалось немедленное получение информации о каждом новом возгорании.

В 1906 году Добровольное пожарное общество города получило концессию у Управления почт и телеграфов Российской Империи на организацию в городе «достойным образом» телефонной сети. Концессию дали на 18 лет, надзор за деятельностью телефонистов-пожарных осуществляли госчиновники.

Предельная годовая плата за телефон была ограничена размером в 75 руб., причем при росте годовых доходов свыше 10% сумма должна была автоматически понижаться. На территории центральной пожарной части, рядом с каланчой с гордым лозунгом «Один за всех и все за одного!», было выстроено здание первой телефонной станции города, оснащенной современным оборудованием фирмы «Эриксон».

Так что эта компания появилась в городе задолго до маскового нашествия престижных мобильных «эриксончиков».

«Пожарным телефон помог мало. В майском пожаре 1909 года огонь, «слизавший» около 800 домов и оставивший без крова около 6 тыс. горожан (из 14 тыс. общей численности населения), спалил и пожарное депо, и все оборудование пожарного обоза — бочки, багры, лестницы.

В сгоревшей конюшне погибли все лошади. Уцелело только одно — телефонная станция со всем оборудованием. Это было настоящим чудом.

Зато «телефонный бум» буквально охватил молодой Новониколаевск.

И первыми оценили новшество те, кому связь была необходима для работы. «Справочник по г. Ново-Николаевску 1912 г.» зафиксировал, что телефонный аппарат под №1 был получен врачом Сосуновым, принимавшим пациентов на Кузнецкой (ныне — Ленина). Телефон №9 купил присяжный поверенный Жерновков.

Из пяти извозчицких контор телефоны имелись в трех — «водителя», как сейчас такси, можно было заказать на дом. Кстати, полицейское управление города получило телефон только под №6. Врачи опередили.

К 1908 г. в Новониколаевске было уже около 600 телефонных номеров, к 1917 году — более тысячи. Все повторяется — всего за несколько последних лет мобильный телефон превратился для горожан из дорогой игрушки для «избранных» в практичную и повседневную вещь для всех. Уличные телефоны-автоматы утратили свою актуальность. В старом Новониколаев-

ске телефон-автомат был один — на железнодорожной станции, в зале первого класса.

В 1918 году, при очередной смене власти с Совдепа на «сибирцев», аппарат куда-то исчез. Масштаб этого рядового по нынешним временам события для тогдашнего города был огромен.

Городские газеты бурлили: «В интересах города не мешало бы местному самоуправлению позаботиться об установке телефона-автомата на прежнее место! ...Нужда в этом аппарате — громадная, и именно в данное время, когда движение поездов слишком ненормально».

Случился этот казус в октябре, а в ноябре, после того, как Верховным правителем был объявлен адмирал Александр Колчак, аппарат волшебным образом возник на прежнем месте. Что тогда было воспринято многими как признак стабильности и долговременности очередной власти.

С приходом красных и восстановлением в городе Советской власти в декабре 1919 года первый городской телефон-автомат из здания вокзала снова пропал. На этот раз — бесследно и навсегда.

Как и сегодня, в старом Новониколаевске взаимоотношения потребителей и поставщиков телефонных услуг складывались достаточно напряженно.

Власть постоянно пыталась использовать телефон как средство давления на неугодных (формально-то владельцем связи оставалось государство). Союз «Обский кооператор» как-то не угодил властям города, не откликнувшись осенью 1918 года на «просьбу» сдавать деньги в пользу действующей армии. Предупреждение о грозных санкциях последовало незамедлительно.

В ответ правление «ОК» опубликовало в городских газетах составленную в самых издевательских выражениях нижайшую просьбу — не отключать их за неуплату от электричества и телефона. Уплатим, дескать, все, когда наконец-то получим квитанции, «составленные надлежащим образом».

А еще через несколько дней, вдогонку, 12 октября 1918 года городские газеты поместили негласно оплаченную «кооператорами»

информацию о том, что городская управа, собственно, должна «ОК» 1573 руб. 25 коп. за аренду для городских нужд принадлежащего кооператорам дома. И с отдачей долга как-то не спешит.

Вопрос об отключении у «Обского кооператора» телефона почему-то «увял» сам собой.

Помимо аргумента в «спорах хозяйствующих субъектов» (как это принято сейчас называть), телефон в виде средства давления фигурировал и в делах чисто политических. После Февральской революции появилась новая городская власть — Комитет общественной безопасности (КОБ) и в одном из первых постановлений новой власти сообщалось о намерении «составить и огласить список черносотенных руководителей; воспретить им пользование телефоном, а также и всем представителям старой власти».

Исполнение постановления, принятого на митинге в помещении цирка «Изако», не обошлось без клоунады. С «черносотенцами» — руководителями местного отделения Союза русского народа — все прошло более-менее гладко. Пришли, оборвали шнур, забрали телефонный аппарат. Естественно, безо всякой компенсации.

А вот с «представителями старой власти» возникли

Телефонистка, 1910-е годы

сложности.

К начальнику новониколаевского гарнизона генералу Латернеру идти обрывать шнуры и «тырить» аппарат, прорываясь через вооруженные караулы, желающих почему-то не нашлось. У полицмейстера Бухартовского, заявившего о лояльности новой власти, аппарат оборвали. Через несколько дней вернули — после того, как КОБ попросил полицмейстера и дальше исполнять обязанности по охране порядка в городе.

Через месяц — снова оборвали и унесли окончательно. После того, как «прислужника царского режима» разжаловали в рядовые и отправили на фронт. Телефон ему там был уже не нужен. Разве что — левой. Кстати, в наш город бывший полицмейстер благоразумно не вернулся.

Как сейчас, так и почти век назад работа связистов вызывала вполне обоснованные упреки горожан. Станция была не автоматической, звонивший должен был называть телефонистке требуемый номер (помните по фильмам о революции — «Барышня! Мне Смольный!»). Новониколаевские телефонные барышни были не очень учтивы.

В газетах печатались жалобы — «приходится звонить по телефону десятки раз, прежде чем удастся поговорить».

После Февраля 1917 года телефонистки (как «эксплуатируемый класс») попытались «отыгаться» через те же газеты, но как-то неубедительно.

11 июня 1917 года в публикации под названием «На телефонной станции» газета «Голос Сибири» сообщала: «Граждане-абоненты считают себя правыми, платя за пользование, предъявлять требования к аккуратности телефонных сообщений. Служащие при ежеминутном предъявлении таких требований нанервничались... На справедливое нравственное возмущение с течением времени служащий ловится и получает увольнение или штраф и т. д.»

Собственно, к «нанервничавшимся» телефонистам

Телефонная станция, 1920-е годы

претензии у горожан есть до сих пор.

Власть — любая — телефон холила и нежила. Мосты при отступлении минировали и взрывали что «красные», что «колчаковцы», что «сибирцы». Железную дорогу — портили, рушили. А вот телефон... Что «сибирцы», что «колчаковцы», что «красные» постоянно печатали объявления о карах за порчу телефонной сети. Только одни грозили «военно-полевым судом», а другие — «ревтрибуналом».

При разнице в названиях калибр у трехлинейки Мосина оставался один — 7,62. Этот калибр «телефонным хулиганам» приговор и подписывал.

...Правительственный инспектор телефонной сети Дмитрий Ванагас, осуществлявший по поручению Томского почтово-телеграфного округа технический надзор за содержанием и эксплуатацией городской телефонной сети, снимал комнаты в центре города — на Тобизеновской (сейчас — Горького), 16.

Дом сохранился до сих пор. Аренду оплачивало государство. Телефона у «телефонного инспектора» не было — государственному служащему такая роскошь была не по средствам.

Автобус на площади Сталина, начало 1950-х годов

«Рабочие лошадки» города

*А по утрам «двенадцатый» автобус
Напоминает в профиль глобус...*

КВН НГПИ, конец 1980-х годов

Первым городским общественным транспортом по праву должен был стать трамвай. Однако так получилось, что первым стал автобус — «обскакав» трамвай по первенству на добрый десяток лет.

Автобусы и микроавтобусы и сейчас остаются практически основным «средством передвижения» для многих новосибирцев.

Трамваем город буквально бредил, как несбыточной мечтой.

С 1913 года, при каждом удобном и неудобном случае, городская Дума Новониколаевска посылала прошения и проекты в правительство о выделении денег «на трамвай». Город ни самостоятельно, ни с привлечением «заинтересованных коммерческих лиц» стройку потянуть не мог — слишком велики были «разовые капвложения».

Правительство уговаривало потерпеть, отложить проекты до более спокойных времен. Сначала ссылались на начавшуюся Первую мировую войну. Чуть позже город перестал просить, и не потому, что война закончилась. Февраль, затем Октябрь 1917 года, затем Гражданская война. Причины всем понятные.

Но без транспорта своего, городского, быстро растущий по площади и населению город уже задыхался. Есть легенда, что одна из новониколаевских делегаций с очередной «трамвайной» «челобитной» наткнулась на реплику: «Эдак вы завтра на метро просить будете — как в Лондоне!»

У чиновника вытянулось лицо, когда из шеренги смиренно вроде бы стоявших депутатов городской Думы доле-

тело кем-то брошенное вполголоса: «Не завтра».

Страмваем и метро городу пришлось подождать. Но проблема перевозки горожан от всех этих войн и революций меньше не становилась. На помощь пришли автобусы. Официальная дата открытия автобусного движения в городе — 15 июля 1926 года. Однако за три года до этого, в июле 1923 года, «Советская Сибирь» сообщила о... закрытии автобусных перевозок в городе! Причем по причине, которую можно считать актуальной и по сегодняшний день. Газета писала, что движение прекращено из-за систематического «застревания машин в грязи немощеных улиц».

Два (!) первых городских автобуса ушли в историю. В июле 1926 года к организации перевозок (невзирая на дороги) подошли более серьезно. Город получил 10 грузовых машин, переоборудованных для перевозки пассажиров. Импортных — «Форд» и «Фиат». Что в Италии, что в Америке можно было, конечно, купить готовые автобусы, без переоборудования. Но грузовики стоили дешевле, а наши «красные коммерсанты» копейку считать уже научились.

Причем идеология была аккуратно отодвинута в сторону. Италия уже была фашистской, Генри Форда в советских газетах иначе как «руководителем американских фашистов» не называли, но вот отношение «цена — качество» у «фашистской» продукции было самым приемлемым.

Автобусы ходили по четырем маршрутам. Вокзал—Центр—Завод «Труд»; Октябрьская площадь—Центр—Ельцовский железнодорожный переезд; Холодильник—Центр—Мыловаренный завод; вокзал—Центр—магометанское кладбище.

К 1929 году автобусов в городе было уже более 40. Да и население города увеличилось. Со 120 тысяч в 1926 году до почти 180 тысяч к 1929 году.

Город рос, и транспорта ему не хватало, несмотря на то, что бегали уже по городским улицам и наши отечественные автобусы — переделанные из грузовиков АМО-Ф-15.

Оказалось, что переделка по эконо-

мии средств выгодна и для отечественных машин.

До 1937 года автобусы работали с 7 часов утра до часу ночи. Потом время их работы «урезали» на 2 часа. Нет, никакой «большой террор» тут абсолютно ни при чем — сократилось выделение бензина на «непроизводительные» нужды. И все-таки «толкучки» перед посадкой не образовывалось. Диспетчеры, работавшие по линии маршрутов, регулировали график движения, вызывая по телефону машины «по мере надобности» (как было сказано в служебной инструкции).

...Все хорошо помнят эти «автобусные» очереди конца 1980-х годов. Особенно — на так называемые «именные» маршруты, связывавшие центр города с его периферией. Пассажиры их называли уважительно — по номерам, но как будто по собственным названиям.

«Двадцать первый» возил на Первомайку. «Двенашка» — в район Ключ-Камышенского плато, к пединституту и далее. «Восьмерка» ходила в Академгородок.

Это был первый маршрут в городе, перешедший в 1990 году на «коммерческие» рельсы — появился автобус «8Э». Пассажиры их называли «экспортными», и не зря. На линии маршрута работали «Икарусы», возившие до этого интуристов из гостиницы «Сибирь» в аэропорт. С мягкими, «самолетными» креслами. С подголовника-

Новосибирский автобус, 1960-е годы

ми и подлокотниками. И, в отличие от обычной «восьмерки», «экспортный» трогался в путь не тогда, когда утолкается в салон последний пассажир, а когда будут заняты все посадочные места. Это была «автобусная элита» — «стоячих» пассажиров здесь не брали. Да и стоило удовольствие проезда недорого — 10 копеек. В «обычном» автобусе — 6, троллейбусе — 5, трамвае — 3.

Трамвай, который город столько «выбивал», даже здесь обидели. «Экспортные» тогда быстро исчезли. Копейка стала стоить меньше номинала, и водители в погоне за выручкой пускали в салон и «постояльцев» (тех, кто готов постоять во время поездки).

На обычные «восьмерку» и «двенашку» стояли по утрам бесконечные очереди из студентов. Подходил, наконец-то, очередной автобус — и очередь превращалась в толпу.

Куда там Сергею Эйзенштейну с его гениально поставленным «штурмом Зимнего»! Зачастую не парни «несли девушек» буквально «на руках», а девушки — парней. Причем абсолютно незнакомых. Студенческое автобусное братство было выше всех условностей. На табличке с «Графиком движения маршрута №12», вывешенном на столбе на Речном вокзале, кто-то редким в конце восьмидесятых фломастером написал всем известное слово из трех букв с восклицательным знаком.

«График» отмыли. Надпись появилась вновь, несмысленным «кузбасс-лаком», причем одновременно и на графике «восьмерки». Таблички не стали отмывать — их сняли навсегда.

А один из автобусных маршрутов прогремел на всю страну — и отнюдь не потому, что был уж очень популярным. «Пятнашка», стандартный, набитый пассажирами автобус. В конце 1970-х на задней площадке рвануло. Рыболов-любитель вез в рюкзачке прикупленные «по случаю» аммоналовые заряды — они на технических работах в шахтах соседнего Кузбасса и сейчас используются. Что там произошло? В чем причина?

То ли автобус тряхнуло, то ли «рыболова» неудачно прижало к соседям по поездке — и рвануло...

«Пятнашка», единственный из автобусов, попал в местные анекдоты.

Летит парашютист через облака затяжным прыжком, а навстречу ему, снизу, взвивается в небо мужик.

— Эй, друг, до земли далеко?

— Не знаю! Я с «пятнашки»!»

Родственникам погибших и раненых при взрыве было, конечно, не смешно. По глупой привычке все секретить после трагедии ничего не сообщили. Опубликовали только несколько раз напоминание, что запрещено в городском автотранспорте перевозить «бытовые газовые баллоны».

А весь город знал причину и в пересказах чуть ли не фамилию и домашний адрес того рыболова называл. Меньше от этого в «пятнашке», да и вообще в автобусах, ездить не стали. Хочешь не хочешь — а ехать надо.

С автобусами сегодня стало легче — «газели» выручают. Но все-таки, наверное, не стоит перевозить в автобусах ни тротил, ни аммонал, ни бытовые газовые баллоны.

Окружающих жалко. И автобусы — тоже.

Трамвайные страдания

«Трамвай построить — это не ешака купить!»

И. Ильф, Е. Петров «Двенадцать стульев»

История развития новосибирского городского транспорта (вплоть до сегодняшнего времени) напоминает порой то ли детектив, то ли сцены из пьесы для театра абсурда.

Особенно показательна история новосибирского трамвая, который отметил недавно 80-летний юбилей, хотя (при ином развитии событий) мог бы отмечать и столетний.

Собственно, необходимость резкого развития городского транспорта в Новониколаевске стала вопиюще очевидна уже в первые годы XX века. «Город у

моста», становящийся одним из крупнейших торгово-транспортных центров Сибири, рос буквально на глазах. С населением меньше 8 тысяч человек в 1897 году, уже к 1905 году, ко времени первой переписи, город насчитывал более 26 тысяч горожан. А городской транспорт оставался прежним — гужевым.

Однако пассажирские и грузовые извозчики уже не могли (несмотря на их значительное количество) обеспечить потребности быстрорастущего города. Развитие автомобильного транспорта было, мягко говоря, проблематичным — если учесть состояние городских улиц. «Ночью город напоминает глубокую могилу, не освещаются не только окраины, но даже и центр. Городская управа положила на красавицу луну и совсем не думает освещать городские улицы по ночам», — писала газета «Голос Оби» 27 апреля 1912 года.

Картину дополняла газета «Народная летопись» (7 апреля 1909 года): «Грязь на улицах стоит непролазная, переходить через улицы нет никакой возможности, и только в некоторых местах можно перебраться в глубоких калошах и то с риском заполнить их грязью».

И как итог — ироническая заметка в газете «Го-

лос Оби» 18 апреля 1912 года: «Рекорд побит!! Большая часть Николаевского (сегодня — Красный. — А. К.) проспекта загорожена, так как вследствие слишком глубокой грязи нет возможности ездить». Учитывая то, что в это время в Новониколаевске был всего один автомобиль и всего один мотоциклет, сентенция о «невозможности ездить» относится к гужевому транспорту. А газета «Алтайское дело» писала о новониколаевских улицах даже в стихах, опубликовав 12 сентября 1913 года стихотворный фельетон сатирика «Дедушки Левантина» под названием «Новониколаевский Фауст».

В нем Фауст с Мефистофелем решают насущную проблему — идти ли по улице Воронцовской (ныне Свердлова) или по проспекту.

«Фауст:

Грозит нам, бес, с тобой беда.

Здесь путь готовит много мук.

В грязи утонешь без следа,

Иль в тротуарный бухнешь люк.

Площадь Ленина, 1940-е годы

Первый новосибирский трамвайный маршрут

Мефистофель:

*Зачем напрасная тревога?
Вот и проспект, а вот дорога...
На ней камней навален ряд,
Для украшения лежат.
Днем ими улицу мостят,
А ночью голову ломают.
Ну, словом, город процветает».*

Понятно, что в такой ситуации делать ставку на развитие автомобильного транспорта было по меньшей мере глупо. А вот трамвай, жестко «привязанный» к рельсам, вполне мог бы решить хотя бы часть проблемы городских перевозок.

Поэтому когда в январе 1914 года Первое Русское Восточно-Сибирское общество электрических трамваев предложило новониколаевской городской Думе построить в городе трамвай, Дума

согласилась, поручив подготовку проекта и сметы одному из концессионеров А. Громадскому.

Тем более, что база для функционирования трамвая в городе была — стабильно работала электростанция, и было подано ходатайство о разрешении на строительство второй, более мощной (заявку, правда, в итоге так и не утвердили).

В России всё (даже коммерческие проекты) делается не спеша, а потому необходимые документы были подготовлены только через год — к январю 1915-го. 23 января 1915 года новониколаевская Гордума утвердила состав комиссии по рассмотрению проекта.

План оказался достаточно масштабным.

Предполагалось строительство трамвайного пути в 6 верст (4 версты одиночного пути и 2 — двойного) от новониколаевского вокзала через центр города и ба-

Трамвайное кольцо у железнодорожного вокзала, 1950-е годы

зар до вокзала Алтайской железной дороги.

Концессия должна была быть предоставлена обществу на 20 лет, начало строительства запланировано на весну 1915 года, срок постройки — 2 года, а общая сметная стоимость строительства — 720 тысяч рублей.

Для сравнения стоит напомнить, что для строительства 12 кирпичных школ по проектам А. Крячкова город получил в 1912 году правительственную ссуду в 560 тысяч рублей.

Комиссия, а за ней и Дума проект одобрили и направили его «по инстанции» — в Томское губернское управление. Вот тут-то сюрприз и случился. Томский губернатор счел проект новониколаевского трамвая «сомнительным и дерзким», составленным «с недостаточной осмотрительностью к интересам города».

Что-то есть в этом от обычной ревности — в Томске как будто почувствовали, что быстрорастущий «молодой волчонок» Новониколаевск отберет у них статус столицы Сибири. И, соответственно, попытались «уязвить» его хотя бы в малости. По крайней мере, свои соображения о «сомнительности» и «дерзости» новониколаевского трамвая томский губернатор изложил в специальной докладной записке в Министерство внутренних дел.

Чиновники министерства пошли опять-таки по известному российскому пути — «не запрещая — не разрешать». В августе Гордума получила министерский запрос, смысл которого заключался в том, что хорошо бы с трамваем повременить — до той поры, когда город сможет построить его сам, без концессии (то есть — без привлечения инвестиций). Предложение было благим, но абсолютно нереальным, и понимали это все — и чиновники, и новониколаевские «думцы». Правительственные чиновники недооценили «сибирскую хитрость» новониколаевцев. Не хотите концессию? Хорошо!

В середине февраля 1916 года городской «ходок», член новониколаевской управы Ипполитов с чистыми и честными глазами доставил в правительственные кабинеты Министерства финансов ходатайство о разрешении городскому управлению выпуска облигационного займа на 1,5 миллиона рублей — на строительство трамвая и реконструкцию для этого электростанции.

От такой простодушной наглости дрогнули даже прожженные столичные чиновники. Уже 21 мая того

Трамвайная линия на ул. Большевистской, 1950-е годы

же года было получено разрешение Министерства внутренних дел на строительство в городе трамвая «концессионным или иным способом».

Написать по-русски — «делайте, что хотите» в столице не смогли. Несолідно.

...Дальнейшую историю новониколаевского — новосибирского трамвая, как это ни странно, изложили вкратце (но очень емко) Илья Ильф и Евгений Петров в своем романе «Двенадцать стульев», описывая мытарства инженера Треухова, пытавшегося построить трамвай в уездном Старгороде. Не совсем близко к новониколаевской действительности, но до боли похоже.

«Трамвайная станция... была задумана Треуховым уже давно, еще в 1912 году, но городская управа проект отвергла. Через два года Треухов возобновил штурм городской управы, но помешала война. После войны помешала революция. Теперь помешали нэп, хозрасчет, самокупаемость».

Первая трамвайная линия в Новосибирске была открыта 26 ноября 1934 года.

Через 20 лет после появления первого проекта городского трамвая.

Площадь Ленина, 1950-е годы

У-у-у, «рогатенький» ты наш!

Троллейбус, появившийся в городе ровно полвека назад, оказался «поздним и неожиданным ребёнком» автотранспорта. Более позднее метро — не в счет, оно всегда было «кошкой, бегающей сама по себе», да еще и под землей. Трамвай был любимым и долгожданным, его «вымучивали» несколько десятилетий.

А «новорожденный» троллейбус стал для города шибутным, но очень полезным «дитяткой».

Собственно, российское троллейбусное движение ведет свой род от машины, построенной в Санкт-Петербурге в 1902 году по патентам французской фирмы «Ломбард-Герэн» и испытанной инженером Фредом.

Машина была странной — она могла ездить и на бензине, и на электричестве. Эксперименты закончились ничем — «пра-троллейбус» сгорел в результате замыкания.

Только с начала 1930-х началось масштабное развитие троллейбусного сообщения в СССР. Но уже без всяких «гибридов» — только электричество!

...Новониколаевск пытался «выбить» трамвай (а точнее — финансирование на него) аж с 1913 года, с которым у нас принято все сравнивать. А первый трамвай в Новосибирске пошел 26 ноября 1934 года. Собственно, немного времени ушло на бюрократические согласования, несмотря на кардинальную смену власти.

О троллейбусе в городе даже не мечтали. К его появлению тщательно готовились. В ноябре 1943 года исполком Новосибирского горсовета своим решением преобразовал городской трамвайный трест в трамвайно-троллейбусный.

В 1944 году принимается решение об организации в городе троллейбусного движения. Но во время войны все, естественно, работало на нужды фронта, а не тыла. Ре-

шение осталось невыполненным.

В 1957 году новосибирские специалисты-«трамвайщики» объехали соседние города на предмет ознакомления с троллейбусным движением. А то как-то обидно даже. Управление — есть, а управлять — нечем!

В октябре 1957 года из города Энгельса поступает первая партия из 17 троллейбусов МТБ-82Д, и 7 ноября 1957 года, к годовщине Октября, пошел-таки троллейбус в Новосибирске!

Первый маршрут: Мостовая—Аэропорт. Протяженность 20 километров. «Дедушке»-трамваю, наверное, было обидно, но все понимали, что никаких рельс и шпал на такие перегоны не напасешься. Да и незачем.

В 1958-м получили еще 28 троллейбусов. О первых результатах работы троллейбуса официальное информационно-статистическое издание «Новосибирск. 110 лет» (Н., 2003 год) в хронике сообщает скупно. И троллейбус у них поехал 6 ноября 1957 года, и «всего в этом году перевезено свыше 90 млн. пассажиров». В городе, собственно, насчитывалось 800 тыс. жителей (считая грудных детей). Чтобы весь город впал в массовую забастовку и бросился кататься на троллейбусе — я не верю. Тем более что 17 машин, естественно, за «этот год» уж никак перевезти не могли «90 млн. пассажиров». Лопнули бы от натуги... Сегодня, в полуторамиллионном Новосибирске, эти цифры уже не удивляют. И население увеличилось и потребность в поездках.

Бегает в городе примерно 300 троллейбусов. Такси — дорого, трамвай — долго, в автобусе — толкучка и почему-то всегда бензиновая вонь в салоне. А тут — комфортные места, очень хорошая скорость и замечательная маневренность.

Троллейбус с его быстрой скоростью, с «рогами», привязанными к проводам, быстро завоевал любовь новосибирцев.

Именно у нас в городе в начале

1970-х появился первый «троллейбусный» анекдот. «Какое самое быстрое средство транспорта? — Троллейбус. — Почему? — Его за «рога» к проводам привязали, воеет «У-у-у!» и бежит быстрее всех. А если его от проводов отвязать — у-у-у какая скорость будет!»

Поскольку троллейбус бегал быстрее всех, он был впереди автобуса, трамвая (и даже некоторое время — такси!) по самокупаемости. Его называли и «сохатым», и «рогатым». Оба прозвища канули в историю, а жаль! Я видел, как от вопроса «Сохатый не пробегал?» и от ответа «Пробегал, минут через десять новый будет» заезжий москвич (не иностранец, а москвич!) пошел с лица нездоровой желтизной.

Для того чтобы объяснить ему, что бояться в городе нечего, пришлось свозить в зоопарк. Там и медведей ему показали (он тоже очень ими в городе интересовался), и сохатах.

С троллейбусом связано много интересных историй.

Первый корпус НЭТИ только что построен, студенты не всегда вменяются в салон троллейбуса

Не таких, слава Богу, как пресловутый взрыв «пятнадцатого» автобуса. И, что самое главное, жертв у троллейбуса практически не было. Кроме тех, когда ночью на красный свет кто-то «навеселе» внезапно перебега-ет дорогу...

Удар плоской лобовой части бил одновременно по всему телу, от головы до ног. До приезда «скорой помощи» и милиции в луже крови лежало практически «желе». А виноват ли в этом троллейбус? Тем более что сейчас по городу ездят новые автобусы с таким же прямым «фасадом».

Троллейбус невольно стал родоначальником новосибирских автомобильных пробок. Перепад напряжения, обрыв контактного провода — и на улицах выстраивались бесконечные вереницы «рогатых-сохатых», а рядом с ними — унылые и раздраженные толпы пассажиров со своими глупыми вопросами: когда, дескать, поедем? А что мог ответить водитель «рогатого»? Понятно что: «Скоро».

Кстати, в большинстве случаев так и было. Не успевшие «дезертировать» садились обратно и спокойно ехали по своему маршруту по своим, казалось бы, просроченным талончикам.

Кстати, о талончиках. В свое время лихие товарищи подделали не автобусные, не трамвайные, а именно троллейбусные талончики. Почему-то это дело ушло «в небытие». А могло бы стать «делом века». Поскольку катался по этим талончикам буквально весь Новосибирск. Троллейбус устраивал для горожан веселые зрелища и даже «фейерверки». Иногда во время движения в результате вот именно той самой «повышенной маневренности» троллейбусный «рог» отрывался от контактной сети. Тормоза, двигательное «у-у-у!» прекращается, троллейбус стоит, где встал, не выпуская пассажиров. А выскочивший водитель с тыльной стороны вагона пытался с помощью веревок управиться с «рогами». Те новосибирцы, которые в этот троллейбус не попали, но на месте происшествия волей судьбы оказались, с удовольствием наблюдали бесплатное практически «цирковое» зрелище. Водитель работал как ас, как тореадор, укрощая взбесившиеся «рога». При таком зрелище никакая коррида была уже не интересна, зато по-новому начинала звучать древняя поговорка: «водить бычка на веревочке».

Хуже было, когда сорвавшийся «рог» цеплял либо своего собрата, либо «левые» провода. Треск, искры фонтаном! Тут пассажиров из салона уже обязательно просили уйти.

И уж тем более вывели всех пассажиров из троллейбуса, когда в результате подобного происшествия в середине 1980-х в центре города, у Дома быта, «рог» ударил по фонарному столбу.

Не знаю уж, в чем там технически было дело, но сначала заискрились и движок троллейбуса, и распределительная коробка столба. А потом — вспыхнули, пугая и вышедших пассажиров, и собравшихся на остановке. Надо отдать должное пожарным — они ликвидировали это «электрическое безобразие» за несколько минут, троллейбус даже не сильно обгорел.

PS. В конце 1970-х «старичок»-трамвай за свою обиду отомстил и дал, действительно, пощечину троллейбусу. Жертв не было.

Просто «тринадцатый» трамвайчик аккуратно «долбанул» «не уступившего трассу» «рогатого-сохатого» под номером 5 на перекрестке Серебренниковской и Октябрьской.

А не лезь вперед старших, уступи дорогу!

Вид с моста в сторону Академгородка, 1960-е годы

Сибирские деньги — made in Сузун энд Вашингтон

В Сибири всегда все было свое. Хлеб и мясо, рыба и дичь. Были в Сибири и свои деньги. Впрочем, счастья их «выпускающим» они не принесли. Равно как и для Сибири оказались каким-то «побочным продуктом», появившимся от безвыходности и сгинувшим в никуда. Что при Екатерине II, что при адмирале Колчаке.

У многих коллекционеров есть в собраниях очень интересные медные монеты конца XVIII—начала XIX века. С гордой надписью «Сибирская монета», сибирским гербом — соболями, и одновременно с императорским вензелем Екатерины II.

Деньги чеканились по распоряжению власти общероссийской, но вот хождение они имели только на территории Сибири (то есть — от Урала и до Аляски). Зачем они понадобились вообще? Зачем центральная власть, совсем недавно присоединившая-таки Сибирь к России, пускала здесь в обращение «региональные» деньги, могущие спровоцировать некие «сепаратистские» настроения?

Сибирь присоединили «всерьез и надолго». Никакого нового «хана Кучума» здесь не существовало и в принципе появиться не могло. Не было, как сегодня бы сказали, «социальной базы». Люди хотели не воевать, а торговать.

А вот товарного эквивалента — денег — в наличии не было. Процветал натуральный обмен. Сейчас достаточно сложно представить, на сколько соболиных шкур «потянет» мешок заячьей солонины (своеобразного консервированного мяса).

По большому счету, вся Российская Империя на тот момент заканчивалась Уралом. При том, что никуда делаться Сибирь не собиралась и буквально пухла от излишков товара. Эквивалента «натуральному обмену» не существовало.

«Сибирские деньги» возникли от безвыходности. От необходимости государства обозначить свой суверенитет на всей своей территории. А признаков-то суверенитета по большому счету только три — общие армия, госаппарат и деньги. Центр деньги считать умел (как и сегодня — с пользой для себя).

И медь с колыванских рудников пошла на Сузунский медеплавильный завод и монетный двор. Пусть эта монета имела хождение только на территории Сибири, но за нее охотно отдавали и соболиные шкурки и солонину.

После «сибирской монеты» Сузунский завод штамповал и обычную, общероссийскую. Правда, недолго. В 1847 году завод сгорел. Похоже, в Центре вздохнули с облегчением — восстанавливать его не стали. Да и зачем?

Сузун по нынешней терминологии — «город вахтовиков» при почти нулевом собственном населении. Приехали — деньги заработали — и уехали. Так что от Монетного двора в сегодняшнем Сузуне не осталось практически ничего.

Сибирский кредитный билет «молоток» (Центросибирь), 1918 год

Один рубль казначейства Сибирского временного правительства, 1918 год

Кирпич оказался гораздо дороже «сибирской монеты».

Второй раз злую шутку с «сибирскими деньгами» сыграла Гражданская война. Почему-то до сих пор считается, что США поддерживали и снабжали армию Александра Колчака. Замечательно поддерживали и замечательно снабжали.

Сидел тогда в США послом от Российского Временного правительства кадет, известный математик Борис Бахметьев. Он аккурат перед революцией, в 1916 году, попал на очень «непыльную» должность — председателя Закупочной комиссии России в США. Результаты его работы не замедлили сказаться на положении дел. Математик, в частности, умудрился продать какой-то из американских фирм патент на производство винтовки Мосина («трехлинейки») с последующей ее поставкой в Россию.

«Американские «мосинки» появились, в итоге, в России только в 1918 году. Замечательное было оружие! При выстреле у винтовки срывало штык, а после попытки третьего выстрела затвор просто перекалинивало. Не знаю, как у профессора было с банальной математикой, но до сих пор за истину держу, что «если в одном месте что-то убудет — в другом непременно прибудет».

Денег из казны, несомненно, ubyло. Математик получил ранг посла в США — уже от Временного правительства. И, соответственно, «по наследству» получал деньги за все российские государственные закупки в США. При всей, казалось бы, анекдотичности своего положения.

Советское правительство отозвало всех «бывших» послов. США Советы не признали и отказались этот вопрос даже обсуждать. Но и Бахметьев опубликовал заявление, что тоже вообще никого не признает в России — ни «белых», ни «красных». При этом объяснив американцам, что «так надо» и что России антибольшевистской надо по-прежнему помогать. Причем — деньгами.

Они и помогали. В Сибири, где практически своими силами одерживал победы адмирал Колчак, сложилась ситуация как при матушке-Екатерине. Денег не было. То есть они были, и все такие разные! К «керенкам» в 20 и 40 рублей кое-как привыкли. Их подделывали в массовом порядке, хотя подделывать было нечего. Трамвайный билет — более защищенное от подделок искусство.

Хотя в Туркменистане попались какие-то уж очень ленивые «фальшивомонетчики». Они «шлепнули» «керенки» всего с одним «лицевым» клише, повторенным на другой стороне. Их как-то быстро расстреляли, уничтожив и кли-

Деньги колчаковского правительства, отпечатанные в Японии

ше, и уже готовую продукцию. Одновременно в Сибири ходили и «царские» бумажные деньги. Большевики в Питере захватили станки Экспедиции по заготовлению ценных бумаг (нынешний Гознак) и печатали «романовки» уже для своих нужд. Именно с этими «деньгами» пошел в 1919 году в Новониколаевск Василий Шамшин.

Так что это еще большой вопрос, за что его по прибытии арестовали. Версия о курьере-фальшивомонетчике тоже имеет право на существование...

А через посла в США Бахметьева Колчак безуспешно пытался получить... деньги! Нет, не пресловутое золото, а купюры, которые могли бы выдать с территории Сибири все это денежное «разнотравье».

Рубль при единой власти должен быть един и неделим.

Тем более, что деньги были давно уже отпечатаны. Качеством — не хуже долларов. И фирма та же печатала — American Bank Note Company. Она, кстати, до сих пор доллары печатает (это — их Гознак). Оплатили полностью, хотя и «со скрипом», еще при Керенском. Деньги оказались замечательными — и по качеству, и по внешнему виду. Господа платили по минимуму? Так им так их и сделали. К примеру, представленная на лицевой стороне билетов в 100 рублей фигура женщины с пучком колосьев в руке, украшенная венком и сидящая в окружении щедрых даров природы, прекрасно была уже использована в Латинской Америке.

Это же клише использовалось для печатания денег Колумбии, Гватемалы, Венесуэлы, Мексики и Эквадора.

...Первый корабль с «американскими» деньгами пришел во Владивосток в начале декабря 1919 года. Это был большой подарок адмиралу от посла-математика. Его разгрузили лишь частично — ни к чему уже было. Второй корабль, пришедший через 4 (!) месяца, постояв на рейде, ушел обратно.

Бахметьев просидел в статусе посла не пойми какой России в США до 1922 года. Гражданская война в России закончилась — закончились и «союзнические» денежные средства.

Бахметьев ушел опять «в математики», переведя только для библиотеки Колумбийского университета 1 600 000 долларов да еще и продав им дополнительно архивы российского посольства. Жил в США долго и счастливо, умер в 1951 году.

Колчак, в отличие от посла, честно прошел свой «растрельный» путь.

Деньги сибирских директорий, 1919-й год

«Ограбление века» по-новониколаевски

Громких преступлений в истории города было много. Однако сто лет назад произошло уникальное, получившее в городе название «преступления века».

При нем не погиб и не пострадал ни один человек, однако часть преступников была показательно осуждена на казнь.

Почему?

Говоря на выездной сессии военно-окружного суда (на которую народ валом валил как на представление) о том, что произошло 8 октября 1908 года в здании Каменского волостного правления, прокурор не мог сдержать эмоций: «Настоящее преступление может служить прекрасной иллюстрацией того, что могут иногда сделать смелость и отвага, с какими было проведено это дерзкое нападение, и как становятся беспомощны люди в минуту внезапной растерянности и испуга.

В здании волостного правления, когда напали грабители, было 9 человек, было оружие. Не растеряйся они, сумели бы оказать должное сопротивление, но... этого не случилось. Они даже оказались все связанными».

Эмоции стороны обвинения были вполне понятны. Картина происшедшего, выясненная следствием на суде по допросам свидетелей, оказалась просто потрясающей. Куда там американским вестернам с Клинтон Иствудом! Все было гораздо более захватывающе (причем — в прямом смысле этого слова).

К зданию правления около 7 часов вечера подсакали две телеги, на которых были 11 нападавших. Подскочив к волости (так для краткости называли «в народе» правление), они обезоружили сторожа, вышибли дверь, обезоружили второго сторожа и, вышибив вторую дверь, проникли в правление.

После чего связали веревками всех присутствующих, ломом оторвали от пола несгораемый ящик с кассой, погрузили его на телегу и уехали в сторону города. Все за-

няло двадцать-тридцать минут.

На 11 нападавших было 3 берданки, у 9 «служивых» в правлении — 3 револьвера и берданка. Никто из них даже не пытался оказать сопротивления.

Публика в зале суда, слушавшего это дело, неоднократно покатывалась от хохота при выступлениях «свидетелей».

А дело в том, что адвокаты просили суд признать всех, кто находился в правлении, потерпевшими. Тем самым у обвинения остались бы только косвенные улики. Не вышло. Суд напомнил, что местность находится в районе, объявленном на военном положении. Поэтому «служивые», находившиеся на службе, являются только свидетелями.

А дело опять-таки именно поэтому рассматривает военный, а не гражданский суд, и подсудимым грозит наказание вплоть до «вышки».

«Служивые» свидетельствовали о своих «подвигах по службе» так, что от смеха, действительно, удержаться было очень трудно.

«Внешний» сторож Тимкин достаточно невнятно объяснял обстоятельства налета — налетели, дескать, соскочили с повозок, закричали «Оружие давай!» и... «отобрали револьвер».

Потом начал подробно рассказывать суду, как налетчики ломом отрывали от пола сейф, кто во что был одет... Адвокат Иваницкий сразу приступил к допросу: «В чем был одет Зверев?» (один из подсудимых, полностью оправданный за недостатком улик. — А. К.) «Не знаю!» «Почему же признаете? Что вам врезалось в глаза?» «Потому врезалось... что был! Вот и врезалось!» Адвокат наседал: «Вы говорите, что один работал ломом, а остальные стояли в комнатах — как же вы могли их видеть?»

И Тимкин раздраженно ответил: «Да так и мог, потому что они меня как маленького ребенка таскали по волости!». Тут-то в зале и раздался первый хохот.

Сторож Тимкин в попытках оправдать себя вообще неоднократно «срывал аплодисменты» и смех публики не хуже заезжего комика.

Повествуя о том, как налетчики обнаружили сейф с кассой, он рассказал, что грабители пытались его заставить участвовать во взломе сейфа и как хитро он отговорился: «Я взмолился: братцы мои, человек я малосильный, и ноги у меня шибко трясутся... Долго проломаю!»

После этих показаний суд был вынужден призвать публику к порядку — атмосфера в зале все больше стала напоминать эстрадный концерт. Кроме хохота и аплодис-

ментов были и крики «Браво!», «Бис!»

Рассказал Тимкин и о том, как в доме одного из подозреваемых опознал топор, якобы идентичный тому, что налетчики оставили в «волости»: «Топорище как будто один хозяин делал!» А вот с опознанием арестованных у него вышла заминка: «Не стал опознавать, когда арестовали группу, потому что боялся — вооружены они были. А в полиции — всех опознал. Опознал всех из большой «кучи» предъявленных мне!» Реакция зала была соответствующей.

Второй сторож, Егор Золотарев, ключник волости, своими показаниями по популярности у зала чуть не переплюнул Тимкина: «Грабители пробили отверстие в двери, вставили дуло двустволки... Сильно испугался, с разбегу так ударился об косяк, что упал без сознания. Как очутился на чердаке — не помню». Естественно, что у него тоже был револьвер.

Остальные «служивые» выглядели не лучше.

Калядов: «На стук в дверь спросил — «Кто там?» — «С арестантами». — «А сторож здесь?» Отозвался, но дрожащим голосом. Побежал за револьверами. Схватил и выбежал в коридор: «Руки вверх!» Револьвер отобрал, руки связали. Приказали слезть вниз тем, которые были на чердаке. Перевязали всех и приказали не шевелиться».

Карташев: «Я побежал за револьверами в присутствие. Потом — на вышку, чтобы выскочить и собрать народ. Вдруг окрик: «Куда, малый!» Испугался и назад. Спрятался за трубу. Таскаев (тоже «волостной». — А. К.) — вслед за мной. Думал, что грабитель, прошу — не убивайте! Меня заметили и стали кричать, чтобы спустился — повиновался. Повели в присутствие и спрашивают — где деньги и паспортные бланки? Сказал «не знаю». Увели обратно и связали веревками».

Как показывал свидетель Бахарев, на крыше правления укрылись из «волостных» человек 7-8, «погода была пасмурная, шел дождь». Вероятно, это «неудобство» и заставило их спуститься по приказу налетчиков вниз, чтобы быть связанными.

Свидетели защиты, которые должны были обеспечить алиби обвиняемым, давали показания, которые вызвали дополнительное веселое оживление публики.

Свидетель Федор Плешаков: «Мулюков (ломавший дверь правления. — А. К.) у меня ночевал в тот день, когда его забрали, и никуда не отлучался. Раньше Мулюкова не знал, а пустил ночевать потому, что пускал ночевать и нищих».

Свидетель Василий Сумцов: «Я плотничал у Чехладзе (обвиняемый. — А. К.), но не помню, какого числа. Чехладзе был дома».

Свидетель Кузьма Гусаченко: «Августиняк (обвиняемый. — А. К.) служил у меня маркером. Часов в 7 или 8 отпросился проводить брата на службу. Ушел и не вернулся. Числа не помню».

Вся компания налетчиков была арестована в буквальном смысле слова «по горячим следам» через пару часов. Урядник Зорин организовал погоню по следам уехавших телег, причем «дорогу освещали спичками». Колея привела к дому подсудимого Саяпина. И тут же, в публичном доме Пучкова, были задержаны еще 9 подозреваемых в налете. Несколько позже был арестован налетчик Чехладзе, который сразу же «сдал» место, где

зарыта касса. Прокурор потребовал смертной казни через повешение всем, однако получили ее только трое — бывший жандарм Мельник, Мулюков и Чехладзе.

Августиняк как несовершеннолетний получил 8 лет тюрьмы. Григорию Евреинову, Егорову и Шейкину «за недоносительство о готовящемся разбое» дали 12 лет каторги. Дружинин и Саяпин за недоносительство получили по 8 мес. тюрьмы. Подвели свидетели. У «каторжан»-«недоносителей» они были очень сбивчивыми, а у «тюремных» вообще путались в самых элементарных подробностях.

Брат Евреинова был оправдан, а самому ему, после подачи всеми осужденными просьбы о помиловании, в камеру пытались передать жестяной чайник с двойным дном. В котором были пилки для перепиливания кандалов. Вопрос о помиловании отпал, в том числе и для Чехладзе, который упирал на то, что может сообщить «важные сведения».

«Тройку» повесили. Евреинов меньше чем через год сбежал с каторги. Чехладзе не дожил даже до виселицы — по официальной версии, в камере вскрыл себе вены.

Кстати, в спрятанном сейфе, который «сдал» полиции Чехладзе, денег почти не оказалось. Чем он сам был немало удивлен.

Интересно, что он собирался сказать полиции еще, поняв, что впереди все равно ждет петля? И кто помог ему замолчать?

Хорошо сидим!

«Нет, батька, тюрьму запретить нельзя.

Без тюрьмы никак невозможно!»

Х/ф «Адъютант его превосходительства»

В Новониколаевске долгое время много чего не было — водопровода, канализации, трамвая. Не было и тюрьмы. Ирония судьбы и истории состоит в том, что когда тюрьму в центре города снесли, почти на ее фундаменте спустя годы велись жаркие дебаты о защите «свободной прессы».

Заковка каторжанина в кандалы

Тюрьмы в Новониколаевске, действительно, долгое время не было. Мировые судьи (как сегодня по ТВ в «Часе суда с Павлом Астаховым») рассматривали только мелкоуголовные дела, задержанные сидели в арестных домах.

Один из них сохранился (Щетинкина, 62) в качестве памятника истории. Именно отсюда в мае 1918 г. вывели в последний путь руководителей городского новосибирского Совдепа. «Серьезных» преступников (в том числе — и подпольщиков-революционеров) отправляли на суд и отбытие наказания в губернский тогда Томск.

Первая городская тюрьма была построена в 1911 г. на Александровской улице. Говорят, что архитектором здания был Андрей Крячков — проект «казенного дома» был заказан ему городом вместе с проектами 12 кирпичных городских школ. Школы практически все сохранились, в отличие от тюрьмы.

В том, что тюрьма была нужна, сомнений не было. Как и в каждом городе в любые времена и при любой власти, в Новониколаевске совершались преступления и, естественно, должны были быть заключенные.

По данным на 7 марта 1911 г. в городской тюрьме содержалось уже приличное количество «новоселов» — 228 человек. Из них 187 мужчин, 30 женщин и 11 детей.

В конце марта 1917 г., спустя шесть лет, новониколаевские газеты сообщили, что из городской тюрьмы

в связи с амнистией по случаю «свержения самодержавия» было выпущено около 200 «сидельцев» из 460 имеющих в тюрьме на тот момент «в наличии» — «в основном — самогонщики». Вероятно, вышли на свободу не только они. И не только те, кто был осужден по «политическим» мотивам.

Эсдеки (большевики и меньшевики) и эсеры выступали за широкую амнистию, в том числе и для уголовных преступников.

Социал-демократическая новониколаевская газета «Голос Сибири» писала 15 марта 1917 г. в редакционной статье: «Лица, судившиеся... за экспроприации, уже теряют политическую определенность своих «преступлений». ...Полоса политических экспроприаций по-своему просветила и чисто уголовный арестантский мир, внеся в тюрьму своеобразно гордую идеологию уголовного бо-ячества».

Ясно, что если смотреть не с формально-политической точки зрения, а с социально-гражданской, — не только подлежат освобождению все те, кого мы считаем детьми революции, ее последним судорожным криком, — экспроприаторов, с какой бы целью они не производили свои выступления, но необходимо радикально смягчить участь и чисто уголовных преступников, совершивших свои преступления в обстановке невыносимого политического и социального гнета. Мы с радостью констатируем, что первые шаги в этом отношении уже сделаны. Но медлить нельзя».

Так что можно предположить, что в марте 1917 г. из городской тюрьмы Новониколаевска вышли не только самогонщики, но и те, кого новониколаевские большевики считали «детьми революции, ее последним судорожным криком».

Их холили, нежили и лелеяли. 3 мая 1917 г. Совдеп Новониколаевска опубликовал обращение к «гражданам и гражданкам» города о том, что, дескать, «ярким и сильным моментом» революции был «великий акт об амнистии».

«Он велик тем, что пополнился освобождением и уголовных. Если вдуматься в сущность природы человека, то мы убедимся, что преступником не рождаются. Всякое преступление коренится в тех условиях, которые являлись хорошей почвой для них. ...Но вот загорелась яркая заря свободы, и мудрость народа освободила и этих вольных и невольных преступников».

...Возвращаются голодные, оборванные, давимые все теми же арестантскими халатами. Им надо помочь, нужно их накормить.

...У питательного пункта на ст. Новониколаевск выдалось от 100 до 200 обедов для проезжающих уголовных. Теперь средств нет.

Граждане и гражданки! Вас молят эти несчастные — «помогите, накормите нас, дайте и нам радостно встретить зарю родной свободы, обновиться, очиститься и честными путями начать новую лучшую жизнь».

К вам, граждане и гражданки, обращаемся и мы: ради вашего спокойствия, ради искоренения преступлений, — жертвуйте, не вынуждайте этих воскрешенных от голода снова ринуться к воровству и насилию, жертвами которых можете стать вы же сами. Каждая копейка дорога, несите все, что можете, за все горячая благодарность этих горемычных людей, чью совесть разбудила наша же бесконечная доброта. Бездонна глубина русской души, мир дивится ей, и мы верим — вы откликнетесь».

Рядом с этим трогательным обращением Совдепа в разделе «Хроника» было опубликовано следующее сообщение: «Дерзкая кража. В ночь на 1 мая совершена

кража в Совете Рабочих и Военных Депутатов. Из кассы похищено 668 руб. 80 коп., утром вызваны были комиссары полиции, сыскного отделения, и товарищ прокурора. (была и такая должность! — А.К.) Составлен протокол. Следствие проводится».

Заметьте, какой «подарок» Совдепу — «в ночь на 1 мая».

На месте снесенной тюрьмы построили здание Речного училища и дом, где сегодня находится отделение Союза писателей. В прямом смысле слова — на остатках тюремного фундамента.

До недавнего времени совсем рядом, на Орджоникидзе, 35, был городской пресс-клуб. Забавно! Выходившие покурить на свежий воздух «мастера пера» гуляли, пили пиво и рассуждали о проблемах защиты «свободы слова» и «независимой прессы» — и делали все это аккуратно на территории бывшего внутреннего прогулочного двора городской тюрьмы.

О том, что у Ходорковского могут возникнуть проблемы со швейной машинкой «Подольск», еще никто не предполагал.

Николаевский проспект, 1910-е годы

Свастика над городом

Сегодня время от времени городские коммунальщики, матерясь, затирают изображение свастики и похожих на нее символов, которые малюют втихаря малолетние политические недоумки.

Однако было время, когда флаги со свастикой висели в центре города на абсолютно законном основании.

Древний сакральный символ (его изображение можно найти и на старорусских иконах) к началу XX века приобрел еще и политическое звучание.

В России 1917 г. свастика воспринималась как «символ очищающего революционного солнечного огня». На отпечатанных Временным правительством денежных купюрах в 250 руб. свастика была наложена на официальный герб «новой России» — «ощипанного» двуглавого орла без корон и регалий.

Выпускала эти купюры в обращение уже Советская власть. Забавно, но «деньги со свастикой» таким образом оказались первыми деньгами новой власти. Зловещим этот символ стал несколько позднее. Впрочем, скоро появились новые деньги с «правильными» символами.

И о свастике в стране, как и в Новониколаевске — Новосибирске, на некоторое время забыли.

В январе 1923 г. советское правительство приняло решение об открытии консульства Германии в Сибири. Две «страны-изгоя» (как сказали бы сейчас) спешно восстанавливали дипломатические отношения. Всего в СССР открывалось 7 германских консульств, в Германии — 3 советских. Собственно, сначала предполагалось, что «сибирское» консульство будет в Омске.

Однако против этой идеи решительно выступил назначенный руководителем еще несуществующего представительства Георг Вильгельм Гросскопф. Блестяще образованный германский дипломат был отменным зна-

током России, отлично владел русским языком. Он и настаивал на том, чтобы резиденцией консульства стал наш город, административный центр Сибирского края.

Под помещение консульства выделили один из лучших в городе домов по ул. Октябрьской, 47. В двухэтажном кирпичном особняке разместились и сотрудники, и само консульство. Сотрудники (и сам консул) жили на втором этаже, на первом располагались технические помещения и приемная для посетителей.

Консульский округ господина Гросскопфа оказался самым большим в мире. В его юрисдикцию вошли, помимо нашей, Омская, Томская, Иркутская, Енисейская, Алтайская губернии, Бурятия и Якутия, восточные округа Тюменской, Тобольской и Челябинской губерний, а также Семипалатинский, Акмолинский и Кустанайский округа Казахстана. «Фронт работ» был большим, и первый германский консул в Сибири подошел к организации дела со всей тщательностью.

Одной из главных задач консульства было (в соответ-

Русский народный промысел, имеющий отношение к язычеству, а не к фашизму

ствии с межгосударственными соглашениями) охранять интересы германского государства и содействовать их реализации в области торговли, транспорта и промышленности. Гросскопф с первых дней работы связался с руководителями экономических союзов Германии, с крупнейшими импортерами сырья и сибирской продукции, с экспортерами сельскохозяйственной техники.

Собственно, именно благодаря Гросскопфу впервые после 1917 г. был возобновлен экспорт в Германию сибирского масла и мяса. До начала 1930-х годов именно на долю Германии приходилось почти 40% всего объема экспорта сибирского масла.

Ну и, конечно, отдельный предмет интереса иностранцев — сибирская пушнина. Парадокс, но еще в 1924 г. в Германии, на Лейпцигской ярмарке она продавалась при посредничестве английских фирм. Теперь торговля шла напрямую.

Германские капиталы привлекались для финансирования экспортных сибирских предприятий, которые при этом, однако, оставались полностью советскими. Закупка сырья практически целиком оставалась в руках местных товариществ и государственных торговых организаций.

В Сибирь из Германии ехали высококвалифицированные специалисты-инженеры, в том числе — и на помощь в организации разработки Кузнецкого каменноугольного бассейна. В Сибири оставалось еще немалое количество бывших германских и австрийских военнопленных, и консульство оформляло им немецкое гражданство, помогая с возвращением на родину, а также — с получением легального статуса теми, кто пожелал остаться здесь.

В 1930 г. на территории Сибирского консульского округа проживало и работало 450 граждан Германии (всего в СССР их было около 11 тысяч). В 1929 г. забот у консула Гросскопфа значительно прибавилось. В связи с конфликтом на КВЖД было закрыто китайское консульство в Иркутске.

И, согласно международным соглашениям, защиту интересов китайских подданных взяло на себя консульство Германии. Консул продлевал сроки действия китайских паспортов, а также выдавал разрешение на продление пребывания в СССР тем, к кому не было претензий у советских «компетентных органов».

Впрочем, в 1934 г. китайское консульство в Иркутске снова открылось (СССР «задружился» с Чан Кай-ши),

и «сибирские» китайцы перестали быть временными германскими подданными.

У входа в консульство висел государственный флаг Германии — черно-красно-желтый. Однако в 1933 г. в Германии поменялись и власть, и государственное устройство. Канцлером стал Адольф Гитлер, а государственным флагом страны — красное полотнище с той самой свастикой в белом круге. Сменился и флаг у консульства.

Отношения двух государств постепенно сходили на нет — Берлин использовал жесткую антикоммунистическую риторику, Москва — не менее жесткую антифашистскую. Полномочия диппредставительств на территории СССР (в том числе и консульства Германии) были дополнительно уточнены. В специальной инструкции НКВД «О порядке сношения органов Советской власти с консульскими представителями иностранных государств в пределах РСФСР» подчеркивалось, в частности, что «функции консульских представителей состоят в защите интересов отдельных граждан представляемой страны. Защита общегосударственных интересов входит в обязанности дипломатических представителей и к компетенции консульских представителей не относится, которые поэтому не могут обращаться к местным властям с заявлениями политического характера».

Да, собственно, сама свастика на полотнище в центре города уже была «заявлением политического характера».

Ну, а если кто-нибудь из сотрудников консульства на национальные праздники приставлял к окну фотографию фюрера своей страны — так это «официальным заявлением» никак не назовешь. Хотя, конечно, выглядело диковато.

1 мая по Красному проспекту шли новосибирцы, празднуя очередной День международной солидарности трудящихся, с антифашистскими (в том числе) лозунгами. А в консульстве этот день тоже был праздничным — отмечали официально введенный Гитлером в качестве государственного праздника первомайский День труда. Консульства (как и всех иностранцев) старались как можно тщательнее ограничить в контактах со страной пребывания.

Дело доходило до мелких и несолидных «шпилек» — в 1935 г. консульству отказали в абонементе на ряд ведущих газет и журналов. Теперь все то же самое сотрудник консульства вынужден был с утра пораньше покупать в киоске «Союзпечать» на Красном проспекте. В середине 1937 г. СССР в практически ультимативной форме потребовал закрытия консульств недружественных государств — Гер-

мании, Италии, Японии и Польши. Консульство из Новосибирска выехало, забрав (как и положено) государственный флаг со свастикой с собой. Фотографии Гитлера в окнах особняка на Октябрьской больше не появлялись.

Ну кто же тогда, в 1937 г., мог себе представить, что все может так измениться! Дошло до того, что председатель Советского правительства Вячеслав Молотов на очередной сессии Верховного Совета СССР назидательно разъяснял: «Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это — дело политических взглядов.

Но любой человек поймет, что идеологию нельзя уничтожить силой. Поэтому не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за «уничтожение гитлеризма», прикрываясь фальшивым флагом борьбы за «демократию» («Правда», 1 ноября 1939 года).

...А еще через два года была война.

«Вторая Отечественная» Новониколаевска

С началом мировой войны 1914 г. глубоко тыловой Новониколаевск превратился в прифронтовой город. Здесь было все, включая стрельбу и своих «пионеро-героев» той войны.

Город благодаря своему положению — на перекрестке Транссиба, Алтайской железной дороги и речного пути по Оби — стал крупнейшим за Уралом центром обучения, комплектования и формирования новых армейских частей и подготовки пополнений для действующих. Всего за годы войны новониколаевский гарнизон обучил и отправил в русскую армию до полумиллиона подготовленных солдат.

Войну тогда называли то «Второй Отечественной»

Агитационный плакат, 1916-й год

(по аналогии с войной 1812 г.), то «Великой мировой» — никто и представить не мог, что на памяти всего одного поколения она окажется хоть и «мировой», но всего лишь «первой».

Кстати, ходят упорные слухи, что главная песня Великой Отечественной «Вставай, страна огромная!» — всего лишь срочная переделка текста времен той самой «первой». Честно говоря, в это верится. Особенно если вместо «фашистской силы темной» поставить «тевтонскую» (то бишь — «германскую»). Да и весь остальной текст...

«Идет война народная, священная война». Ни Сталина, ни Ленина, ни Коминтерна с компартией в песне нет. Может, потому и стала Главной Народной песней войны?

Тыловой Новониколаевск оказался действительно «передовым». И стрелять здесь стали гораздо раньше, чем русская армия вступила в бой с «тевтонской силой темной». 21 июля 1914 г. мобилизованные из очередных прибывших в город эшелонов взбунтовались, разгромили вокзальный буфет и винную лавку (потом это станет традицией) и четырехтысячной толпой двинулись в центр города к воинскому присутствию, чтобы предъявить свои требования: «Мы на войну не нанимались!»

Ну, по пути, естественно, подняли красный флаг, орали «Свобода! Свобода!» Полиция попыталась остановить толпу предупредительными выстрелами, но это бунтовщиков (среди которых было много профессиональных охотников) только раззадорило.

Разгромив оружейный магазин бр. Порсевых, они вступили с полицией в перестрелку. Досталось и срочно выз-

ванному на подмогу воинскому патрулю. В итоге ранеными оказались больше двадцати солдат и полицейских, пристав и армейский офицер. Среди бунтующих — 2 убитых и 2 раненых.

Ну, и кто же при таких итогах стрелял на поражение?

Новониколаевской гарнизон частей Омского (тогда) военного округа в мирное время нес охрану важных объектов — моста, маслохранилища, военного остановочно-питательного пункта, железнодорожной станции и других.

С началом войны, согласно приказу командования, в городе началось формирование 4 стрелковой запасной бригады в составе шести батальонов и двух взводов — горного и мортирного. Для фронта эти части не предназначались. Их задачей было подготовка, обучение прибывающих новобранцев.

Отсюда, кстати, в бригаде и появились «нехарактерные» взводы. Тем, кто через них прошел, пришлось поводить в реальных горах, а также освоить минометы (тогда — бомбометы) в качестве оружия ближнего боя. Из разношерстной толпы требовалось в течение короткого времени выучить солдат.

И город с этим справился полностью. В 1914 г. из Новониколаевска в действующую армию ежемесячно направлялось до 25 тысяч бойцов, сформированных в маршевые роты. Все годы войны Новониколаевск был крупнейшим за Уралом военно-учебным центром.

В годы той войны в кинотеатрах города демонстрировались в основном «видовые» (документальные) фильмы.

Конечно, в сравнении с премьерой сегодня какой-нибудь «Войны миров» в киноконцертном комплексе им. Маяковского даже названия картин выглядят смешно. «Смотр

молодых матросов государем в Севастополе (снимок с натуры)». «Сестра милосердия». «Подвиг рядового Василия Рябова (Как умирает русский солдат за веру, царя и Отечество. Военная быль из жизни незаменимых героев)».

Этот последний фильм был роскошным — в четырех частях: «Мобилизация в деревне», «Рябов отправляется на подвиг», «Спокойная встреча смерти», «За царем служба не пропадет». Во время перезарядки пленки зрители выходили покурить.

Эти фильмы смотрели и два новониколаевских подростка — Пантелеймон Камнев и Андрей Семенов. До войны оба работали разносчиками телеграмм в почтово-телеграфной конторе на ул. Болдыревской (сейчас — Октябрьская). Сдружились и, вместо того, чтобы сбежать «в моряки» (очень тогда были популярны «кругосветные» романы — пацаны толпами бежали из родных домов), удрали в армию. Подкараулили посадку в эшелон одной из сформированных в городе воинских частей, с ним и уехали втихаря. Солдаты смеялись: «Дурачки! Что вы делать-то будете — кашеварить? Так это и дома можно».

Ущелье реки Каменки, 1910-е годы

Так выглядела левая сторона нынешнего Красного проспекта в 1920-е годы: там, где потом будет площадь, еще проходила аллея. Главная площадь города неоднократно переименовывалась. В начале 20 века она называлась Базарной или Ярмарочной, в 1920 году она становится Красной, затем — Жертв революции

Пантелеймон и Андрей оказались отнюдь не «дурачками». На фронте служили в разведке, по-взрослому. В ноябре 1915 г. новониколаевские «пионеры-герои» Первой мировой вернулись в город в краткосрочный отпуск. Их встречал весь город. Еще бы — пятнадцатилетние новониколаевцы были представлены к Георгиевским крестам.

У города какая-то куцая память на «своих» и очень щедрая — на «чужих». В городе есть улица Олега Кошевого (и в городе нашем он не был, и даже вряд ли слышал о нем). Почему-то в действующую армию этот пятнадцатилетний пацан из Краснодона не убежал.

Остался «под фашистом», потом был одним из создателей «Молодой гвардии», которая время от времени расклеивала листовки и вывешивала красные флаги. Оккупанты очень «пугались», тем более что нацистский флаг был одного цвета с советским. Убежал он к при-

ближающемуся фронту только тогда, когда начались аресты «молодогвардейцев». Расстрелян немецкой полевой полицией, причем сведения о подробностях события очень разнятся...

В июне 1916 г. началось строительство Дома инвалидов Первой мировой.

Собственно, сейчас он, перестроенный в советское время в Дом офицеров, остался практически единственным памятником той войне. Улица Кошевого — есть. А пятнадцатилетние военные разведчики Пантелеймон и Андрей «не удостоились».

В Первую мировую войну город сделал для фронта все. Обучал солдат и лошадей (основную тягловую силу армии), принимал беженцев, лечил раненых, обеспечивал продовольствием действующие части.

Не вина города, что все закончилось так, как закон-

Так выглядела правая сторона нынешнего Красного проспекта в 1920-е годы: на месте будущего Оперного театра располагалась Базарная площадь с торговыми рядами и лавками

чилось, и в том, что честно сделанное «всё для фронта» не завершилось тогда логичным «всё для победы». Победы не было, государство распалось «сверху».

Из самого Новониколаевска на фронт была призвана почти четверть населения — около 15 тыс. человек. Однако численно город не только не уменьшился, но и увеличился. В основном за счет беженцев. Да и армейский гарнизон города резко изменился.

До войны охраняли важные объекты, теперь пришлось учить мобилизованных со всего Зауралья — что такое быть солдатом.

Так что в отдельные дни той войны почти 70-тысячный город содержал такой же по численности гарнизон. Порой просто было непонятно, кто при ком — город при гарнизоне или гарнизон при городе?

Уже во второй половине июля 1914 г., с началом мас-

совой мобилизации, в городе возник дефицит рабочих рук, поденная плата разнорабочему возросла с 1,5 до 2 рублей. Одновременно выросли и цены на товары первой необходимости — муку и керосин. Взамен горожане могли утешаться гастрольями «Русского музея «Паноптикум», который привез забавную выставку восковых скульптур.

Сто лет прошло, а на восковые скульптуры горожане до сих пор ходят смотреть как на диковинку. Хотя, конечно, и музей сейчас не тот, и фигуры — не те.

Городская управа, вступив во Всероссийский союз городов, организовывала регулярные сборы пожертвованных в пользу раненых и беженцев. Проводились «профессиональные» дни, мало похожие, скажем, на сегодняшний «день ВДВ», — день служащего, день грузчика, день извозчика и т. д.

Во время этих мероприятий горожане не только могли непосредственно сдать средства «в пользу раненых», но и приобрести выпечку, которая в такие дни продавалась по завышенным, но заранее объявленным ценам. Разница между «мирной» и «военной» ценой тоже представляла собой добровольный взнос.

Собирали пожертвования в пользу раненых воинов и Русская Православная Церковь. Во всех храмах стояли специальные «жертвенные» кружки.

К войне власть оказалась абсолютно не готова. Не говоря уже про фронт и снабжение частей боеприпасами, даже в тылу не были предусмотрены места ни для мобилизованных, ни для раненых.

В крупнейшем транспортном пункте Зауралья военный городок начал спешно строиться только после начала войны. «Центр», по традиции, перевалил решение самим собой созданных «общемировых проблем» на города и общественные организации. Городская управа выделила под размещение мобилизованных и раненых 13 помещений городских школ. Собственно, все, что имелось в наличии. А требовалось много, — тем более если учесть, что больниц в городе перед войной было только две.

Сыпной тиф впервые был завезен в город как раз в годы Первой мировой пленными курдами. Я не националист, но, может быть, хватит присутствия в городе среднеазиатских строительных «диких бригад»? А то, не приведи Господь, в столице Сибири, в начале нового века...

Новониколаевск стал одним из основных поставщиков муки и мяса для армии. Собственно, мукомольная (основная перерабатывающая) промышленность города за время войны сначала значительно разрослась, а потом, в связи с неурожаем зерна в 1916 г., сильно сократилась.

На этом очень пострадал союз кооперативов «Экономия» (в котором, кстати, сотрудничали большевики и эсеры), закупавший у сельчан и поставлявший «по госзаказу» хлеб, масло и молоко.

Новониколаевск пытался не только вылечить раненых бойцов, но и увековечить их память. Еще в 1907 г. собрание офицеров Томского гарнизона обратилось с прошением о строительстве Дома инвалидов Сибири, но только в 1914 г. образовалось (по их почину) «Ново-Николаевское общество увековечения памяти героев ве-

ликой мировой войны». Местные пожертвования на строительство Дома инвалидов составили около 40 тысяч руб., а требовалось как минимум 200 тысяч.

После возведения фундамента и стен весной 1916 г. отслужили молебен, но как сейчас принято выражаться, «финансирование проекта остановилось»

Собственно, порядок в стране развалился еще до Февраля 17-го. К тому все шло. Один характерный пример. Кадровый (!) солдат Казанцев прибыл в Новониколаевск на службу в 11 роте 23-го Сибирского стрелкового полка.

Дальнейший недолгий путь Казанцева здесь и оборвался. Будучи поставлен на пост, он отставил винтовку, закурил, да еще и отказался назвать свою фамилию подошедшему командиру роты. Прапорщик Степанов (ротный) приказал своим подчиненным Казанцева избить. Те — отказались. Тогда прапорщик вызвал дополнительно несколько солдат, повторил приказ, со словами «За все отвечаю я» угрожал солдатам шашкой. Казанцева били около часа.

В результате, судя по рапорту Томского жандармского управления, солдат получил переломы 9 ребер, осколками которых была порвана печень, — отчего и умер. Степанова перевели в другую часть.

Случай показательный! В стране, ведущей войну, солдат на посту бросает оружие. Только за это — как минимум смертная казнь. Плюет на все уставы — курит на посту. Издевается над своим командиром.

Казанцева — жалко. Степанова (при всем его желании защитить устои и уставы и ссылке на плохие нервы) — жалко тоже. До чего должна была дойти страна, чтобы солдат и командир устраивали такое?

2 марта 1917 г. в Новониколаевске была получена телеграмма о свержении царя. Мировая война для города закончилась. Начались митинги и Советы.

Единственный, кого отправили на фронт за это время, — новониколаевский полицмейстер Бухартовский, который ничего для развязывания этой войны не сделал.

Это все равно как сейчас «по совокупности заслуг» отправить в Чечню коллектив какого-нибудь ЖЭКа. Пользы — никакой.

Дальше начались развал, революция и Гражданская война.

«Бронеград» Новониколаевск — Новосибирск

Наш город всегда был базой для обеспечения армии необходимыми ресурсами — как людскими, так и техническими.

Как ни странно это прозвучит, но в городе строились для армии и собственные бронепоезда. Как в Великую Отечественную войну, так еще и в Гражданскую. Так что по аналогии с «танкоградами» наш город можно назвать «бронеградом».

Хотя и осталось в истории «городского бронестроения» огромное количество белых пятен — в основном связанных с Гражданской войной.

В Гражданскую войну Новониколаевск стал одной из баз «белого движения» на территории Сибири. И не только по снабжению продовольствием и пополнению частей Сибирской армии адмирала Колчака новыми бойцами (как добровольцами, так и мобилизованными).

Энциклопедия «Гражданская война и военная интервенция в СССР» (М., 1983 год) достаточно скупое сообщает: «Белогвардейцы... развернули их (бронепоездов. — А.К.) постройку... в крупных железнодорожных мастерских... в Сибири (Новониколаевск, Иркутск, Омск). В разные периоды войны использовалось в боях против Красной Армии от 47 до 79 бронепоездов».

Интересно, что не только более подробных данных, но и вообще каких-либо конкретных сведений о «бронестроительстве» «сибирцев» сегодня практически не найти.

Но бесспорно одно: никаких иных бронепоездов, кроме как «местного» производства, в Сибирской армии не

было и быть не могло. По той причине, что основные базы их строительства в годы Первой мировой войны (плавной перешедшей для страны в Гражданскую) были далеко от берегов Оби. Так что никакого «резерва» в виде уже готовых бронепоездов царской армии в Сибири у «сибирцев» не было.

Приходилось строить свои, наспех. Единственное, что точно можно сказать о «сибирских» бронепоездах, — никакого «единого проекта», никаких единых стандартов, по которым они строились, в природе не существовало. Каждый бронепоезд был отдельной импровизацией.

Точно известно лишь два названия бронепоездов «белых», дислоцировавшихся в Новониколаевске (и, вероятно, построенных тут же). Это «Познать» и «Краков». Не надо удивляться «иноземности» названий. Город стал центром формирования «Войска Польского в Сибири» — 5-й Сибирской дивизии польских стрелков. Своеобразный аналог Чехословацкого корпуса формировался, в основном, за счет «сибирских поляков» и у «сибирцев» был только в оперативном подчинении.

Собственно, это единственные два бронепоезда, чьи «собственные» названия (в связи с Новониколаевском) сохранились в истории.

В ноябре 1919 года, стараясь задержать наступление «красных», «сибирцы» создают на станции Татарская армейский заслон — при поддержке двух «анонимных» бро-

Служебный билет железнодорожника. Разовый билет 1927 года для проезда до станции Новониколаевск

Н.А. Лунин, Герой Социалистического Труда

непоездов. Основная задача — дать возможность главным силам эвакуироваться из Новониколаевска на восток.

26 ноября Татарская сдана «красным», и следующий заслон силами Образцовой Егерской дивизии (сформированной из добровольцев) образован на подступах к Барабинску — при поддержке двух бронепоездов. Заслон разбит 29 ноября, но время (хоть немного!)

выиграно. До 9 декабря держится заслон на станции Чулым — при поддержке двух бронепоездов.

12 декабря — ожесточенный бой у Коченева, «сибирцев» поддерживает уже только один бронепоезд. При этом 8-11 декабря еще один бронепоезд прикрывает на станции Тайга совещание командования «сибирцев» по поводу дальнейшего отхода на восток.

14 декабря 1919 года Новониколаевск взят «красными» практически без боя, причем помимо прочего имущества захвачено 2 бронепоезда (опять два!). А в арьергарде «сибирцев», прикрывая их отход, уходили и 2 (заколдованная цифра!) бронепоезда.

Так или иначе, но после разгрома основных сил Сибирской армии и отступления ее остатков Читинская группа атамана Семенова — последний оплот «белых» в Сибири — резко увеличила свою «броневую» мощь.

С четырех бронепоездов до 18. Сколько из них было «новониколаевской» постройки — неизвестно.

...Вновь проблемой бронепоездов Новосибирск занялся в первый, самый трудный год Великой Отечественной. Силы Красной Армии у западных границ были разбиты немцами, фактически уничтожен оказался и весь парк советских бронепоездов. Срочно требовалась замена, пополнение.

В ноябре 1941 года Госкомитет обороны (под руководством Сталина) принимает постановление о срочном

формировании новых Отдельных дивизионов бронепоездов (ОДБП) на востоке страны и о соответствующем строительстве «материальной части».

3 ОДБП строились и формировались на станциях Запально-Сибирской (тогда — Томской) железной дороги. Понятно, что Новосибирск был, прежде всего, лихорадочно создаваемой базой всей Красной Армии по производству боеприпасов и боевых самолетов, но...

Положение было катастрофическим, фронту требовалось «всё и немедленно», и сибиряки делали это всё, даже невозможное.

Строители паровозного депо станции Новосибирск уже к февралю 1942 года обеспечили «техникой» вновь сформированный 41-й ОДБП под командованием капитана Измесьева. На станции был построен и полностью оснащен бронепоезд «Советская Сибирь» (№ 688). Командиром стал ст. лейтенант Феоктистов, для зачисления в состав бронепоезда подали заявления десятки новосибирских железнодорожников.

Сам факт постройки «номерных объектов» на железной дороге имел гриф «совершенно секретно», а потому широкой «добровольческой» кампании (по типу формирования Сибирских добровольческих дивизий) не было и быть не могло.

Бронепоезд защищал подступы к Эльхотовским воротам на Северном Кавказе, преграждая немцам доступ к нефтяным источникам.

Возможно, что в составе 41-го ОДБП был и бронепоезд «Сибиряк-барабинец» (№ 639), однако точные данные отсутствуют.

Более известна судьба бронепоезда № 704 «Луинец», получившего свое название в Новосибирске в начале мая 1942 года. На его проводах на фронт на митинге выступал ударник-стахановец, рационализатор, машинист Николай Лунин, чье имя и получил бронепоезд.

Лунин всю войну водил большегрузные поезда для фронта, а бронепоезд его имени успешно поддерживал трудовую славу земляка в боях.

В составе 49-го ОДБП, вместе с бронепоездом «Железнодорожник Алтая», «Луинец» прошел всю войну.

В июле 1942 года на фронте, на участке Елец-Касторная, «Луинец» в первом своем бою обеспечил задачу высадки в тылу у немцев пехотного десанта и поддержки десантников огнем.

«Луинец» отбил атаку сначала 11, затем еще 18 гер-

манских бомбардировщиков, три сбил зенитным огнем. Полностью выполнив задачу и собственными силами восстановив разбитый бомбами железнодорожный путь, «Луинец» в результате умелых маневров команды остался практически невредимым.

О подвиге сибиряков 25 сентября 1942 года на всю страну сообщила газета «Труд». Естественно, читали ее и в Новосибирске. «Луинец» прошел всю войну и победно закончил ее на территории противника, в Нижней Силезии (сегодня — Польша).

49-й ОДБП за подвиги в боях приказом Верховного Главнокомандующего Сталина был удостоен почетного наименования «Шепетовский» (по «координатам» одного из мест тяжелых, но успешных боев).

Увы, боевой путь «Советской Сибири» более подробно пока проследить не удалось.

Избирательные технологии 1917 года

После прошедших год назад выборов в горсовет аналитики долго анализировали и сравнивали применявшиеся на выборах приемы и методы предвыборной борьбы. Однако большинство этих «новейших избирательных технологий» с успехом применялись в Новониколаевске еще много лет назад — на первых свободных выборах в Городское Народное Собрание (ГНС).

На выборах 1917 года впервые был отменен имущественный ценз (остался только возрастной порог — не младше 18 лет), впервые женщины получили право голоса. Так что выборы действительно стали первыми общегородскими.

В них имели право участвовать в качестве избирателей 41 600 горожан из общего населения в городе в 69 тысяч. Собственно, как и сейчас основным вопросом ста-

ло обеспечение явки избирателей. Тем более что свободные выборы были «в новинку», и по городу ходили самые дикие слухи, как именно они будут происходить.

Общегородская избирательная комиссия была вынуждена, в частности, обратиться к квартальным старостам со специальным призывом: «Немедленно обойти жителей своего квартала, объяснить им всю важность предстоящих выборов. Сообщить им, что все граждане... имеют право И ДОЛЖНЫ (выделено в тексте. — А. К.) исполнить свою гражданскую обязанность и принять участие в выборах... Сообщить, что билеты выдаются БЕСПЛАТНО (выделено в тексте. — А. К.) и что для получения билета требуется только получение паспорта... Граждане старосты! Пробудите в жителях гражданские чувства, шлите их к избирательным ящикам!»

Следует пояснить, что система голосования была несколько иной. Каждый избиратель получал заранее на избирательном участке билет, в день выборов по этому билету он получал доступ к урне. В которую в запечатанном конверте должен был опустить приглянувшийся избирательный список.

Списки эти (каждый — своего цвета) распространяли среди горожан сами сформировавшие их партии и общественные организации. Причем — даже в день выборов.

В газетах публиковались агитационные статьи, призывающие избирателей: «Идите все на выборы! Каждый голос демократии дорог!» Впрочем, кроме привлечения квартальных и призывы в прессе, избирком применял и абсолютно новые и неожиданные для горожан способы агитации.

Сейчас много говорят, что чуть ли не самым «модным» и «современным» средством агитации стали «рекламобили» — фургончики с нанесенной на борта предвыборной рекламой кандидата или партии и оснащенные громкоговорителями.

Новониколаевская газета «Голос Сибири» 14 апреля 1917 года, за два дня до первых выборов, сообщала: «Наш город, получивший название «американский», проявляет теперь действительно американские приемы.

Так, например, общегородской избирательный комитет прибегает к такому приему агитации за участие в выборах: по улицам на извозчиках разъезжают представители комитета с красным флагом, собирают вокруг себя толпу, произносят речи, в которых подчеркивают необ-

ходимость участия в выборах. Нужно отметить, что этот прием имеет должное влияние: публика спешит за получением билетов на право участия в выборах».

Так что «новое» — это, действительно, «хорошо забытое старое». С небольшой скидкой на технический прогресс.

Пресловутый «черный пиар», о котором так много сейчас говорят, тоже шел полным ходом.

Социалисты-федералисты («областники») со страниц своей газеты «Свободная Сибирь» задали «наивные» вопросы — почему у руководителей местных эсдеков, меньшевиков Владислава Германа-Каменского (председателя городского Совдепа) и Алексея Зарембо-Гастева (редактора «Голоса Сибири») двойные фамилии?

Не связано ли это с тем, что они, по слухам, обвинялись в уголовных преступлениях? В ответ «Голос Сибири» назвал «областников» из «Свободной Сибири» «литературными проходимцами» и «бывшими приспешниками охраны», а редактора газеты Матвея Забираника —

платным агентом царской жандармерии.

После чего «Голос Сибири» долго печатал письма известных деятелей (в том числе — лидера партии эсеров и министра Временного правительства Виктора Чернова) в защиту своих «обиженных», а про Забираника «сквозь зубы» сообщил в конце мая 1917 года, что все обвинения в его адрес в сотрудничестве с жандармерией опровергнуты. Выборы, правда, к этому времени давным-давно кончились.

Кстати, для объективности стоит сказать, что проживание по поддельным паспортам (откуда у Гастева и Каменского и появились «дополнительные» фамилии) все-таки в любой стране и в любое время попадает под понятие уголовного преступления. Даже несмотря на подпольную борьбу с царским режимом.

Собственно, и пресловутый «административный ресурс» также использовался в полной мере и достаточно бесцеремонно. При формировании избиркома Комитетом общественной безопасности (в тот момент — высшая городская власть) было принято решение, что в него вой-

Митинг в Новониколаевске. Февраль 1917 года

дут по два человека от Комитета, от Совдепа, а также по два человека от партий — от эсеров, эсдеков и республиканских демократов.

Пикантность состояла в том, что и в Комитете, и в Совдепе эсдеки и эсеры имели большинство. Несложно угадать, кто представлял Совдеп и Комитет в избиркоме — в дополнение к «чистым» представителям от парторганизаций.

15 апреля 1917 г. «Голос Сибири» в рубрике «Хроника» между делом сообщал: «Местный общегородской избирательный комитет отдал в одну из местных типографий для набора оригинал объявления, в котором сообщалось, какие списки (избирательные. — А. К.) поступили в комитет, на какой бумаге эти списки будут печататься и т. д.

Хотя в оригинале никаких выделений не делалось комитетом, рабочие типографии выделили списки социалистических партий (с.-д. и с.-р.) особо крупным шрифтом. Во избежание нареканий со стороны отдельных партий и групп, комитету пришлось выпустить особый бюллетень, в котором сообщалось, что это сделано не по распоряжению комитета, а по личной инициативе рабочих».

Мысль перепечатать бюллетени даже не обсуждалась, да и времени уже не было (до выборов оставались сутки). Ну а эсдеки и эсеры получили дополнительный агитационный материал, да еще и отпечатанный за счет городского бюджета.

Так или иначе, но выборы в ГНС состоялись, причем с очень неплохим результатом. В них приняло участие 38 400 избирателей — то есть около 92% от общего числа.

И это, пожалуй, основное отличие сегодняшних выборов от тех, первых 1917 года, — сегодня о такой явке можно только ностальгически вздыхать.

...А больше всего от первых выборов в 1917 году пострадали абсолютно посторонние люди — артисты.

Уже через неделю после выборов газеты сообщали: «В течение месяца цирк «Изако», арендованный труппой Г. А. Соколова, был занят под митинги, что оставило артистов без заработка.

22 и 30 апреля труппа ставит спектакли, а потому Исполком Совдепа приглашает граждан посетить эти спектакли, чтобы вознаградить труппу за понесенные ею на общие нужды убытки».

О какой-либо компенсации из городского бюджета речь не шла.

Необычайные приключения «бравых солдат швейков» в Сибири

Новосибирск — город по-своему уникальный тем, что оставил след в биографии очень многих исторических лиц. Не стали исключением и чехословаки, попавшие сюда по воле судьбы, революции и Гражданской войны.

Вот наиболее показательные биографии двух известных чехов. Один из них вывез из Новониколаевска жену и всемирную славу сатирика, другой — генеральские погоны и пост начальника Генерального штаба. Правда, добираться до Чехословакии им пришлось по прямо противоположным траекториям.

Собственно, Ярослав Гашек известен большинству только как автор романа «Похождения brave солдата Швейка в первой мировой войне». Но это — поздний Гашек, прошедший и войну, и Красную Армию, и возвращение в независимую Чехословакию.

Начало литературной карьеры родившегося в 1883 г. Гашека мировой славы не предвещало. Печатался в националистических и левых чешских газетах Австро-Венгерской империи, постоянной работы не имел. Был, что называется, «человек-оркестр», придумывавший политические и околполитические мистификации и акции, которые в конце XX века будут называть «перформансами».

Был близок к анархистам, потом состоял в национально-социальной чешской партии (собственно, аналог нацистской партии Адольфа Гитлера в Германии, появившейся намного позже).

Основные отрицательные герои его рассказов и фе-

фельетонов четко определяются по национальности — это немцы и австрийцы, представители официальной администрации империи разных уровней. Ни единого положительного персонажа-немца или австрийца у Гашека нет.

Писал он на редкость язвительно, однако особой карьеры из-за неуживчивого характера ему не светило. Если бы не мировая война. За Австро-Венгрию Гашек воевать не хотел и некоторое время довольно успешно скрывался от призыва, пока дело не запахло военным судом. Тут он пошел на фронт добровольцем и в сентябре 1915 г. перебежал на сторону русской армии. Впрочем, в этом он был не оригинален — перебежчиками и пленными стали десятки тысяч чехов и словаков.

Весной 1916 г. в лагере военнопленных стало известно, что на Украине, по соглашению России, Англии и Франции, начато формирование чешских добровольческих частей. Гашек записался одним из первых — вел среди пленных агитационную работу за независимую Чехословакию, снова и снова писал антиавстрийские фельетоны, выезжал на русско-австрийский фронт, участвовал в боях и даже был награжден серебряной Георгиевской медалью «За храбрость».

Собственно, он был одним из самых ярких пропагандистов Чехословацкого корпуса.

Идиллия кончилась после Октября 1917 г., когда и националистически настроенное руководство корпуса показалось ему «умеренным». Он вступает в Российскую компартию и начинает писать свои статьи уже с призывами к военнопленным-чехам «помочь Республике Советов». Ну, а военно-полевой суд Чехословацкого легиона выдал ордер на арест Гашека.

Ярослав Гашек, 1919 год

Вместе с частями Красной Армии воевал два года, прошел путь от Волги до Ангары. В качестве политкомиссара формировал интернациональные части в Пятой Армии и продолжал писать, теперь уже — и по-русски. Обыкновенные пропагандистские агитки, причем написанные явно на чужом автору языке.

Позже, уже в Чехословакии, Гашек опубликовал цикл юмористических рассказов о своей службе в Красной Армии. Интересно, что единственным положительным героем в этих произведениях стал, собственно, он сам. Описание русских — что белых, что красных — очень напоминает наблюдения миссионера за папуасами. Хотя тот же Миклухо-Маклай писал о папуасах с большим тактом.

Вот как у Гашека один из красных командиров Пятой Армии говорит о своей части: «Я, например, сам не знаю, сколько у меня должно быть солдат в полку. Мне был дан приказ создать полк, ну я его и создал. У одного есть приятель, у другого — тоже приятель, вот так по-немногу и набралось. Если людей будет слишком много, назову хотя бы бригадой».

Другой комполка в преддверии приезда комиссии с проверкой оборудует фальшивые могилы якобы расстрелянных контрреволюционеров, да еще и выпускает приказ населению уезда под угрозой расстрела в трехдневный срок поголовно ликвидировать неграмотность. Штаб фронта, соответственно, шлет Гашеку (у которого в подчинении всего несколько десятков бойцов) безумные приказы применять аэропланы и бронепоезда.

В Новониколаевск начальник интернационального отделения политотдела Пятой Армии прибыл вместе с армией и политотделом в декабре 1919 года. Жил и работал здесь, формируя «интернациональные части» для красных до января 1920 г.

Литературное творчество Гашека наш город не обогатило, зато здесь он устроил наконец-то личную жизнь, женившись на Александре Львовой, работнице армейской типографии Пятой Армии. Вместе с ней, по поддельным документам, в конце 1920 г. он выехал в Чехословакию, имея задание Коминтерна участвовать в создании национальной Компартии. Ехал через Европу — Эстонию и Германию.

В Чехословакии снова стал писать и не только фельетоны, но и того самого «Бравого солдата Швейка», который и принес ему всемирную славу. Книга потрясающая по юмору, но все-таки, как и все творчество Гашека, откровенно националистическая, антинемецкая и антиавстрийская.

Второй наш персонаж, чья судьба тоже связалась с Новониколаевском, биографию имел не менее авантюрную, чем Гашек.

Военфельдшер австро-венгерской армии чех Рудольф Гайда дезертировал на фронте так же, как и Гашек, в 1915 г. В 1916 г. вступил добровольцем в Чехословацкий корпус, объявив себя уже прапорщиком. С марта 1918 г. он — уже командир 7 чехословацкого стрелкового полка, чьи эшелоны, пробираясь для эвакуации из России в Чехию через Владивосток, оказались в Новониколаевске.

Собственно, к этому времени, когда большевики подписали Брестский мир с Германией, а Франция признала Чешский легион отдельной частью своей армии с особым статусом, у легионеров оставалась одна цель — обещанная Антантой эвакуация в Чехословакию (Австро-Венгрия уже распалась) пароходами через Владивосток, для чего надо было обеспечить безопасность Транссиба.

Внутренние разборки в Сибири чехов интересовали постольку-поскольку — стой точки зрения, помогают или мешают они их главной цели. И когда Новониколаевский Совдеп начал упорно пытаться разоружить чешские части (своих при этом не имея), Гайда установил связь с антибольшевистским подпольем (которое, собственно, не в подполе сидело, а в номерах лучшей гостиницы «Метрополитен»), и буквально менее чем за час ночью 26 мая 1918 г. чехословаки при поддержке подпольщиков полностью захватили город.

Летом 1918 г. Гайда уже командует всеми чешскими частями от Омска до Владивостока, в сентябре — генерал-майор. С декабря 1918 г. по июль 1919 г. командует всей Сибирской армией белых, произведен Александром Колчаком в генерал-лейтенанты. Характер у бывшего фельдшера был неуживчивый, а цели с Колчаком — разные. И после очередного скандала Гайдю разжаловали и вычеркнули из списков русской армии.

В августе 1919 г. бывший

фельдшер и бывший генерал прибыл, наконец, во Владивосток. Связался с эсерами-антиколчаковцами, пытался осуществить переворот, но был арестован и наконец-то депортирован в Чехословакию. На родине генеральское звание фельдшеру восстановили, руководил Генштабом чешской армии. Но — авантюрная натура брала свое, не сиделось на месте.

В 1926 г. за подготовку военного переворота осужден и снова разжалован. Интересно, вспоминал ли он свой единственный удачный переворот — в Новониколаевске в 1918 г.? Умер Гайда в 1948 г., успев попасть еще и под «народный суд» за «симпатии к немецким оккупантам».

Гашек умер раньше, в 1923 г., так и не успев закончить своего «Бравого солдата Швейка», принесшего ему мировую славу.

Две судьбы, связанные заочно Новониколаевском. И, собственно, как знать, кто в итоге из этих двух авантюристов оказался более счастливым?

Один, которого из-за его генеральских погон и тройного разжалования помнят только историки, и другой, который написал действительно потрясающе смешную книгу и привез из нашего города жену?

Объединяет их, собственно, одно.

Русских они как-то не очень любили.

Чехословацкий бронепоезд «Орлик», 1918 год

Сибирская «Прага»

С Прагой нашему городу давно стоит стать «городом-побратимом».

Новониколаевск — единственный российский город, с которым связаны судьбы четырех чешских генералов (в том числе министра обороны страны), а также единственного чехословацкого маршала.

Чехословацкий корпус в России был создан в годы Первой мировой войны из военнопленных, желающих воевать за независимую от Австро-Венгерской империи Чехословакию.

В числе командующих чешскими подразделениями были люди несомненно неординарные. Ян Сыровой, добровольно перешедший на фронте на сторону русских войск, воевал в составе Чешской дружины. Был тяжело ранен, потерял глаз.

К началу 1917 года он — унтер-офицер. С 1918 года — командующий Чехословацкого корпуса в России, неоднократно был в Новониколаевске.

Вывел корпус из России (и из обстановки Гражданской

войны «всех против всех»), эвакуировав его через Владивосток. В 1927-33 гг. — начальник Генштаба чехословацкой армии, в 1933-38 гг. — генерал-инспектор вооруженных сил, министр обороны и премьер-министр Чехословакии.

После окончания войны «за сотрудничество с нацистами» приговорен в 1947 году чешским судом к 20 годам тюремного заключения. В 1960-м амнистирован и освобожден.

Военфельдшер австро-венгерской армии чех Рудольф Гайда также дезертировал на фронте. В 1916 г. вступил добровольцем в Чехословацкий корпус, объявив себя уже прапорщиком. С марта 1918 г. он — уже командир 7-го чехословацкого стрелкового полка, чьи эшелоны, пробираясь для эвакуации из России в Чехию через Владивосток, оказались в Новониколаевске.

К тому времени, когда большевики подписали Брестский мир с Германией, а Франция признала Чешский легион отдельной частью своей армии с особым статусом, у легионеров оставалась одна цель — обещанная Антантой эвакуация в Чехословакию (Австро-Венгрия уже распалась) пароходами через Владивосток, для чего надо было обеспечить безопасность Транссиба.

Собственно, первым командующим чешских частей в России был подполковник российской армии Сергей Войцеховский.

Он окончил реальное училище в родном городе Великие Луки, затем Константиновское артиллерийское училище (1904 год) и Николаевскую академию Генерального штаба (1912 год). Участник русско-японской и Первой мировой войн. Ранен, несколько орденов. Именно как

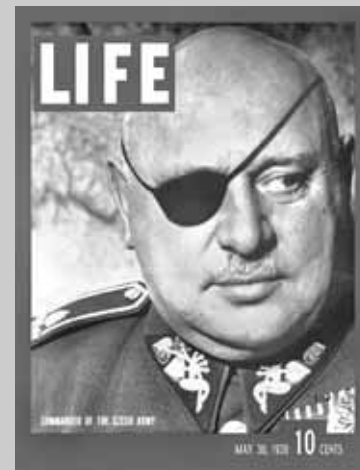
Чехословацкие «сибирские» партизаны, 1918 год

Манифестация сибирского саперного полка, 1917 год

Ян Сыровой (второй слева) позирует около броневедомости «Бенц», 1918 год

Ян Сыровой на обложке журнала «Life», 1939 год

замечательный специалист по «организации армии» («школа» Генштаба — великая вещь!) был направлен на организацию чешских частей. Задача формирования не то что боеспособных сил, а хотя бы чего-то похожего на них из состава дезертиров была запредельно сложной. Войцеховский с ней справился вполне.

История Гражданской войны в России потрясает своим внешним хаосом, а внутренним — тем более.

Генерал Гайда, генерал Сыровой, генерал Войцеховский на территории Сибири в момент войны все время как-то «подчинялись» друг другу по должностям и званиям, Войцеховский к тому моменту успел получить звания и российского, и чешского генерала. Это был даже не хаос...

Генштабист Войцеховский гораздо лучше, чем кто бы то ни было в «белой Сибири», это понимал. Сделать, правда, не мог ничего. Не «красные» победили — рухнула государственная структура «белой Сибири», а вслед за ней и фронт рухнул. Штык ничего не мог решить. Проиграли, как всегда, политики. Войцеховский сделал все, что и должен был сделать генерал.

К 7 декабря 1919 года, когда город бросили и Сыровой и Гайда, кто-то должен был обеспечивать отход «белых» на восток Сибири. Ну вот «чешско-российский генерал» Войцеховский его и обеспечивал. Как чех и как русский. Он, так получилось, оказался в ответе за всех.

Приняв чехословацкое гражданство, в 1921 году прибыл в Прагу. В чехословацкой армии командовал бригадой, затем — дивизией, армией.

После оккупации Чехословакии немецкими войсками — военный министр в подпольном правительстве Чехословакии. Готовил руководителей боевых групп для Пражского восстания 7-8 мая 1945 года. Вел переговоры с частями «власовцев», собиравшихся поддержать Чешский национальный комитет. После этих переговоров «власовцы» (1-я дивизия Русской освободительной армии) ударили по немцам. Узнав, что руководители ЧНК рассчитывают на помощь «союзников» (США и Англии), взъярился: «Они «трехцветник» уже дважды продали!». Бело-сине-красные флаги у России и Чехословакии были одинаковые.

Арестован 25 мая 1945 года советской контрразведкой в Праге, вывезен в Москву. Умер в концлагере в районе Тайшета.

Рядовой боец Чешского легиона Людвиг Свобода промаршировал по центральной площади Новониколаевска, отдавая честь генералам Гайде и Войцеховскому, в рядах чешских бойцов в сине-серых мундирах в 1918 году. Вряд ли они даже предположить могли, что вышагивает перед ними будущий президент Чехословацкой социалистической республики, первый и последний маршал этой республики. Браво шагавший боец, которого

Солдаты чехословацкого корпуса в оцеплении, 1918 год

его сослуживцы называли запросто — Людеком, такого предположить не мог тем более...

Могу предположить, что с Прагой у города больше оснований «побрататься», чем со многими нынешними «побратимами». Что-то я ничего не слышал об участии в судьбе нашего города, скажем, какого-нибудь генерала из города Сент-Пол (США)...

Единственный памятник «белым»

*«Мятеж не может кончиться удачей —
В противном случае зовется он иначе».*

Джон Харрингтон

В Новосибирске, в единственном городе России, бережно сохраняется братская могила солдат и офицеров «белой» Сибирской армии.

Находится она в самом центре города, в Сквере Героев революции и похоронены здесь бойцы 2-го Барабинского полка «белой» 1-й Сибирской дивизии.

В колчаковской Сибирской армии, в составе 1-й Сибирской дивизии было сформировано два полка — Новониколаевский и Барабинский, дислоцировавшиеся в нашем городе. Помимо кадровых офицеров и унтер-офицеров, костяк полка составили призванные по мобилизации жители сибирских городов и деревень 1898-99 гг. рождения.

Стоит сказать, что мобилизация прошла успешно, «уклонистов» практически не было. «За Сибирь» шли воевать охотно — ведь формировалась армия под эгидой Сибирского правительства, под непосредственным командованием Верховного правителя адмирала Александра Колчака.

Однако, в отличие от «красной» стороны, в рядах «белых» единства взглядов никогда не было. Постоянные политические интриги шли как в правительстве, так и среди военных — за тот или иной пост. В таких условиях Колчаку удавалось некоторое время удерживать действительно диктаторскую власть, но — лишь некоторое время. Даже армию никак нельзя было назвать однородно «колчаковской». То же полностью можно сказать и о дислоцированных в Новониколаевске «сибирских» частях.

С первыми же неудачами «белых» действовавшие практически легально эсеры и меньшевики стали формировать собственное «антиколчаковское» подполье, которое возглавил так называемый Политцентр в Иркутске. Идея была проста: под лозунгом «Война гражданской войне!» убрать Колчака и от имени Сибирского правительства заключить мир с Советской Россией.

В условиях постоянно откатывавшегося на восток фронта мобилизованные, уходя все дальше от родных мест, все меньше понимали — а где, собственно, будет в итоге та Сибирь, за которую они воюют? Так что «антивоенная» пропаганда имела успех не только среди солдат, но и среди офицеров.

Впрочем, «антиколчаковскую» пропаганду вели, естественно, не только эсеры. Активно работал подпольный горком большевиков, создавая рабочие дружины, накапливая оружие. Именно с большевиками как с равной силой эсеры и пытались договориться о совместном выступлении.

Переговоры шли не месяц и не два. Все упиралось, естественно, в вопрос: «А что потом?» Большевики категорически не хотели слышать об Учредительном со-

брании и «независимой Сибири», эсеры — о восстановлении Совдепа. Но и Осведомительный отдел Главштаба Сибирской армии (контрразведка, подчиненная ближайшим доверенным людям Колчака) не дремал. С июля по сентябрь 1919 г. большевистские партийные организации были практически разгромлены, изъято оружие, арестованы руководители и активисты «боевых дружин».

Планировать восстание стало не с кем, но эсеры об этом не знали. И 28 ноября 1919 г. по инициативе эсеров была организована встреча, на которой договорились все политические вопросы отложить. Поскольку впервые подвернулся удобный момент для мятежа — командир 1-й Сибирской дивизии Мальчевский заболел и передал командование командиру Барабинского полка полковнику Ивакину.

25-летний прапорщик военного времени Ивакин, выросший за время гражданской войны до полковника, был, по отзывам современников, нервным, вспыльчивым, фанатически преданным «белой идее», но абсолютно политически беспомощным офицером. В поисках выхода он, как и многие ему подобные, стал членом эсеровского подпольного Сибирского военно-социалистического союза. Иронией судьбы именно ему было передано командование новониколаевским гарнизоном.

Дата выступления была назначена, и в ночь на 7 декабря 1919 г. Ивакин вывел части гарнизона в город. Барабинский полк, часть Новониколаевского, офицерская инструкторская школа и школа топографов пошли брать власть. «Барабинцы» успели захватить «военный городок», комендатуру, здание Управления воинского начальника, почту, телеграф, телефон.

Захватили тюрьму и освободили всех заключенных, без разбора на политических и уголовных. Мятежники подошли к вокзалу, и только тут к ним присоединились остатки большевистских рабочих дружин почти без оружия. Однако вокзал был занят дислоцировавшимся в нем штабом 2-й Сибирской армии во главе с командующим генералом Войцеховским. Который, как вско-

ре стало ясно, к мятежникам не примкнул.

Эсеры, достаточно презрительно относившиеся к большевикам, воспользовавшись формулой удавшегося им Октябрьского переворота о необходимости захвата «почты, телефона, телеграфа», этим и ограничились. Не поняв сути — а зачем, собственно, их надо захватывать?

Телеграфные и телефонные линии штаба генерала Войцеховского работали бесперебойно — их никто не догадался отключить. Войцеховский спокойно связался со штабом стоявшей в городе 5-й Сибирской дивизии польских стрелков, и командир дивизии полковник Румша лично привел один из своих полков на подмогу. Короткая перестрелка, и после категорического требования Румши прекратить огонь и сдать оружие с мятежом все было кончено.

Надо сказать несколько слов, что это были за «поляки». Польский легион в Сибири создавался после объявления Польши независимым государством.

О «поляках» в городе член «белого» Сибирского пра-

Сквер Героев революции, 1970-е годы

вительства барон Будберг с горечью писал: «Очень много жалоб на безобразия и насилия, чинимые польскими войсками в районе Ново-Николаевска; эти не стесняются грабить, производить насильственные фуражировки, расплачиваться по ничтожным ценам и захватывать наши же заготовки, эшелоны и баржи с грузами.

...Польское хозяйничанье особенно для нас обидно: чехам мы все же обязаны, и часть их дралась вместе с нами за общее дело; польские же войска создались у нас за спиной из бывших пленных и наших поляков, взявших с России все, что было возможно, а затем заделавшихся польскими подданными и укрывшихся от всяких мобилизаций и военных неприятностей в рядах польских частей».

В боевых действиях части Польского легиона не участвовали, зато очень отметились в карательных акциях. Собственно, для этого и вызвали их под утро 7 декабря 1919 г. Ирония судьбы закончилась — началась трагедия истории. Там же, у вокзала, было расстреляно около 40 офицеров-«барабинцев», в том числе — и полковник Ивакин. Остальные «барабинцы» были обезоружены, частично загнаны в казармы, частично — в тюрьму. В ту самую, которую они как будто специально за несколько часов до этого освободили. Оказалось — освободили буквально для себя.

Трагедия продолжилась через сутки, в ночь на 9 декабря. Те же самые «польские стрелки» полковника Румши провели «разгрузку» тюрьмы и арестного дома. Заключенные были зверски уничтожены. После взятия города «красными» 13 декабря было собрано 104 трупа политзаключенных. Оpoznать удалось лишь 37. Среди них — председатель большевистского Совдепа Романов, активисты большевистского подполья, 2 солдата и 5 офицеров Барабинского полка.

Остальные в большинстве своем, судя по сохранившимся актам с описанием военной одежды, также были «барабинцами». Оpoznать их не удалось — Барабинский полк получил очередное пополнение буквально накануне мятежа.

...На братской могиле, в которой вместе с большевиками лежат «белые» офицеры и солдаты Сибирской, стоит памятник — «Рука с факелом». На мраморном панно над могилой в числе прочих и такие слова: «ЖИЗНЬ безымянных — подвиг, факел свободы и правды». Труп полковника Ивакина найден не был.

Песня, которой нет

Одну из известнейших советских песен, «Партизанскую дальневосточную», знают все — «По долинам и по взгорьям...». Однако мелодия этой песни гремела над нашим городом задолго до «волочаевских дней», «дальневосточных партизан» и вообще Гражданской войны.

Под этот марш уходили из Новониколаевска на фронты Мировой войны бойцы подразделений и частей сибирских стрелков. Но текст они пели совсем другой.

Дислоцированный в Новониколаевске 41-й Сибирский стрелковый полк зарекомендовал себя на фронтах просто отменно. Принимал участие в снятии блокады крепости Осовец, бился в первом «Праснышенском» сражении, когда германские войска были отброшены за линию границы.

В июле 1915 года сибирские стрелки на Северо-Западном фронте стояли насмерть, сорвав план окружения русской армии (одна 11-я Сибирская дивизия, в которую входил 41-й полк, против 6 германских). За одни сутки из 53 офицеров и 4 190 стрелков в полку осталось в живых 10 офицеров и 682 солдата. Но сибиряки — не отступили.

В полку — 10 кавалеров Георгиевских крестов, один — прапорщик Николай Романов — полный Георгиевский кавалер (четыре Георгиевских креста — по аналогии с советским временем это четырежды Герой Советского Союза). И песня у полка была своя.

*Из тайги, тайги дремучей,
От Амура, от реки,
Молчаливо, грозной тучей
Шли на бой сибиряки.*

*Их сурово воспитала
Молчаливая тайга,
Бури грозные Байкала
И сибирские снега.*

*Ни усталости, ни страха;
Бьются ночь и бьются день,
Только серая папаха
Лихо сбита набекрень.*

*Эх, Сибирь, страна родная,
За тебя мы стоим,
Волнам Рейна и Дуная
Твой привет передадим!*

*Пусть столетье за столетьем
Слава вьется над стрелком
Над Сибирским сорок первым
Над родимым нам полком.*

Мелодия была та — «из будущего», — «По долинам и по взгорьям...». А вот автор «первоначального» текста долго оставался загадкой.

Совсем недавно стало известно, что «Марш сибирских стрелков» написал известнейший литератор, автор книги «Москва и москвичи» (и не только ее одной) Владимир Гиляровский (Дядя Гиляй). В начале мировой войны она попала не только в песенные сборники, но и была издана отдельной открыткой под названием «Сибирские стрелки в 1914 году». Естествен-

но — последнего куплета про Сорок первый полк в тексте Дяди Гиляя не было и быть не могло. Это — дополнение, которое легло на очень даже взявший за душу солдат текст.

И текст «от Амура, от реки», а также про «бури грозные Байкала» никого не смущал — призывники в полк прибывали со всей Сибири. У воевавшего по соседству с «новониколаевцами» Сорок третьего полка сибирских стрелков номер полка в куплете, естественно, был свой. Написанная Дядей Гиляем песня ушла, как говорится, «в народ» и стала жить своей жизнью.

На ее основе воевавший рядом с сибиряками на Румынском фронте полк полковника Дроздовского получил свою песню на слова Петра Баторина. Впрочем, ее реалии относились уже ко времени Гражданской войны, когда Дроздовский, не принявший Советской власти, вывел своих бойцов-добровольцев с боями к Дону, в ряды «белых». Текст, соответственно, был иной, сохранившийся в истории как «Марш Дроздовского полка».

*Из Румынии походом
Шёл Дроздовский славный полк,
Для спасения народа
Исполняя тяжкий долг...*

*... Шли дроздовцы твёрдым шагом,
Враг под натиском бежал,
И с трёхцветным русским флагом
Славу полк себе стяжал.*

*Этих дней не стихнет слава,
Не замолкнет никогда,
Офицерские заставы
Занимали города.*

Забавно, но последний куплет «дроздовского марша» в последующем тексте «Партизанской дальневосточной», привычном всем, практически не изменился. И слава не меркла и не смолкала, да только вот города занимали уже не «офицерские заставы», а «партизанские отряды».

Однако был у песни и еще один, «промежуточный» вариант. Его пели в подразделениях генерала Пепеляева. Полковник русской армии, на фронте он был награжден не только Георгиевским крестом, но и именным Георги-

Конвой генерала А.Н. Пепеляева, 1918 год

евским оружием (шашкой с наложенным изображением знака ордена). У Колчака стал генерал-лейтенантом, командовал 1-й Сибирской армией.

После развала армии эмигрировал в Харбин, создал и возглавил Сибирскую добровольческую дружину. «Пепеляевцы», «белые партизаны», доставили власти немало хлопот. Воевали они жестко и жестоко, действуя подчас как каратели. К каноническому «Маршу сибирских стрелков» «пепеляевцы» прибавили два своих куплета.

*Знай, Сибирь: в лихие годы
В память славной старины
Честь великого народа
Отстоят твои сыны.*

*Русь свободная воскреснет,
Нашей верю горя,
И услышат эту песню
Стены древнего Кремля.*

Не сбылось. «Дружинники» были разгромлены, Пепеляев приговорен к расстрелу, замененному 10 годами лагерей. После отсидки работал в Воронеже помощником начальника конного депо.

Зимой 1937 года у нас, в Новосибирске, был приговорен к расстрелу «за участие в контрреволюционной кадетско-монархической деятельности». Останки лежат, по некоторым данным, где-то под березами «Березовой рощи». Над страной из репродукторов гремело «По долинам и по взгорьям...».

Особенно страшно и дико Пепеляеву было слышать из расстрельной камеры, когда транслировали только мелодию, без текста, — «Марш сибирских стрелков», «дроздовцев» и его «добровольцев».

Не только с текстом — и с мелодией «По долинам...» вышел полный кавардак.

По иностранным данным автор мелодии — Тимофей Атуров. В советских источниках — полная путаница. То «слова народные», то «музыка народная». То — мелодия Александрова (автора Гимна СССР, создателя и руководителя известнейшего ансамбля песни и пляски Красной Армии, носящим сейчас его имя), то — Дм. Покрасса (достаточно напомнить его «Марш Буденного», а также массу песен, написанных в соавторстве с братом Даниилом). То — слова Алымова, то — Парфенова.

**А. Пепеляев в заключении,
1920-е годы**

**А. Пепеляев. Воронеж,
1936 год**

Про Атурова неизвестно вообще ничего. Но есть сведения, что после выхода в 30-х годах фильма «Волочаевские дни» Покрасс пробовал судиться за авторство мелодии (чтобы получать отчисления за каждое ее исполнение).

Его поддерживал своим авторитетом Буденный, однако и «главный певец и плясун Красной Армии» Александров обладал авторитетом не меньшим. В кулуарах суда оба композитора столкнулись, и Александров снисходительно поинтересовался — чем, дескать, собираешься доказывать авторство?

Покрасс (замечательный композитор, но небольшого ума человек и до денег очень жад-

ный) радостно сообщил, что, мол, мелодию сочинил аж в июне 1919 года в Харькове по заказу командования Дроздовского полка, а исполняли ее впервые на банкете по случаю занятия города «белыми». Александров был более умным человеком и поинтересовался у истца — в какую сторону после предъявления таких доказательств он намерен поехать? На запад, в ресторан «Метрополя» здесь, в Москве, или на восток — в район Магадана?

Надо отдать должное Покрассу — он сделал правильный выбор и иск снял. Авторство слов «По долинам...» Петра Парфенова, когда-то политотдельца «красного» Забайкальского фронта, расстрелянного в 1937 году, суд

восстановил только в 1962 году. Хотя кое-где и сейчас в авторах всплывает Алымов, который, по первоначальной версии, всего лишь «обработал текст».

А «Марш сибирских стрелков» остался и без авторов, и без звука — в городе его не исполняли почти сто лет. Жаль.

По-моему, было бы справедливо, если бы хоть раз войсковой оркестр штаба 41-й российской армии, дислоцирующейся в городе, исполнил марш с его первоначальным текстом. Тем более, что они сегодня — как бы «наследники» 41-го Сибирского стрелкового полка — город тот же, казармы «военного городка» те же.

Это будет хоть какой-то данью уважения предшественникам — тем, кто с этой песней честно воевал за Родину. Очень хочется надеяться, что в городе все-таки прозвучит «Из тайги, тайги дремучей...» и притом — непременно в исполнении военного оркестра.

«Крылатый» секрет Новониколаевска

Уже много лет НАПО имени Чкалова (бывший завод №153) является одним из ведущих предприятий оборонной авиапромышленности страны.

Однако первый самолет с гордым клеймом «Сделано в Новониколаевске» мог подняться в воздух над городом еще в 1917 году.

Впервые «чудо XX века» — аэроплан — в Новониколаевске увидели летом 1911 г. Один из первых российских летчиков — Яков Седов — совершал турне по востоку России, демонстрируя полеты на аэроплане «Фарман».

Первые самолеты иронично называли «этажерками», и «Фарман» Седова полностью отвечал этому названию.

Сложное, ажурное двукрылое сооружение с кучей растяжек и мотором в 45 л. с. Турне началось с Харбина («русской столицы» Китайско-Восточной железной дороги), затем Иркутск, Томск...

От города к городу аэроплан в разобранном виде везли по железной дороге, и в конце августа 1911 г. он вместе с пилотом прибыл в Новониколаевск. Билеты в ложи, на гостевые трибуны и стоячие места на городском ипподроме были распроданы в считанные часы.

И 28 августа 1911 года Седов впервые поднял аэроплан над Новониколаевском. Собственно, он стал первым человеком, кто увидел город с высоты птичьего полета. Сейчас снимки, сделанные из космоса, уже никого не удивляют, но тогда город пережил шок.

Три полета на высоте 15 метров продолжительностью меньше 5 минут каждый. Всего ничего. Город поразился, город был в шоке — ЭТО летает?! И убедился в главном — летать ВОЗМОЖНО.

Была выпущена литографическая панорама города с парящим над ней аэропланом. Она пользовалась огромной популярностью. Молодой город, городской-то свой статус получивший «с боем», рвался в будущее, вперед, и крылья в небе были символом этого будущего.

Первая мировая война сослужила городу не лучшую службу. Промышленности (да и то не всей) помогла, а вот развитие городского хозяйства затормозила очень сильно. Уже в декабре 1914 г. из-за отсутствия денег рухнул очередной проект организации городского водопровода (централизованные водоснабжение и канализация в городе отсутствовали).

В августе 1915 г. министерство внутренних дел рекомендовало отложить строительство трамвая «до более благоприятных времен». А город рвался «вперед и вверх» — несмотря ни на что.

С началом Мировой войны 1914 г. в городах страны были созданы «военно-промышленные комитеты» — организации, контролирующие производство и поставки продукции для воюющей армии, состоящие из представителей и промышленников, и рабочих.

Последними негласно оказывались социал-демократы. Новониколаевский ВПК не был исключением.

Но примечательно то, что «летательный аппарат» уже строился (а не обсуждались планы его постройки).

То есть строился на средства и по инициативе города. В отличие от трамвая, водопровода и канализации

Яков Седов (в центре) на кадре из кинохроники 1930-х годов

ни разрешения, ни финансирования из Центра город не испрашивал.

«Голос Сибири» 4 августа 1917 г. сообщил о прибытии в город сибирского изобретателя, лесного кондуктора местного управления госимущества Иллариона Голубева, прославившегося до этого созданием «деревянно-рельсовой дороги для военных целей на фронте. Конструкция и формы дороги просты и переноска их равна скорости передвижения армии, причем пни, болота и овраги препятствием не служат».

Поездка в Новониколаевск, как сообщала газета, была связана «с работами на государственную оборону». Пошли слухи о том, что приезд Голубева как раз и связан с работами по массовому производству в городе аэропланов.

Но в 1917 г. «новониколаевский аэроплан» так и не взлетел. Осталось секретом — кто и где конструировал и строил первый «городской» самолет. Да в городе в этот момент и аэродрома-то не было.

Отступавшие части Сибирской армии адмирала Колчака вынуждены были дислоцировать всю свою авиацию (58 самолетов и несколько аэростатов) на новониколаевском ипподроме и, частично, на поле возле военного городка в Закаменской части города. Тут они и были захвачены «красными», так же, как и практически все «колчаковские» пилоты и техники. Судьба их была разной.

Начальник управления «колчаковского» воздушного флота Сибирской армии полковник Бойно-Радзевич застрелился, и, скорее всего, его тело было сброшено в один из рвов, куда сбрасывали сотни умерших от тифа и расстрелянных «красными» «сибирцев». Могила — нет.

Не лучшая судьба оказалась и у той части пилотов и техников, которые успели в Новониколаевске сдаться в плен «красным».

Подпоручик, летчик 10-го Сибирского авиаотряда Михаил Волковойнов (по официальной версии — «мобилизованный «белыми» насильно») стал в Красной Армии летчиком-испытателем, заслуженным летчиком СССР. Работал вместе с Чкаловым, Грозовым. Погиб в 1933 г. — самолет заклинило, он успел скомандовать второму пилоту «Прыгай!», но машина не вышла из штопора, и сам пилот погиб.

Из официальной биографии: «Был похоронен в колумбарии Донского кладбища (в настоящее время урна утрачена)». Остальных «сибирских» авиаторов перестреляли в середине 30-х...

Как-то сошлись где-то там, вверху, «мировые линии», и именно в Новосибирск приехал на работу по постройке завода горного оборудования инженер Юрий Кондратюк (бывший прапорщик деникинской армии Александр Шаргей, сменивший имя, чтобы уцелеть). Именно в нашем городе в 1929 г. им была издана (за свой счет) работа «Завоевание межпланетных пространств», давшая теоретические основы для космических полетов.

Завод горного оборудования, над постройкой которого трудился Кондратюк, с 1936 г. стал авиазаводом им. Чкалова, и, как писал секретарь Новосибирского обкома Кулагин секретарю ЦК ВКП(б) Маленкову 30 апреля 1945 г.: «Завод № 153 НКАП за годы Великой Отечественной войны развился в крупнейший самолетостроительный завод страны. Еще в июне месяце 1944 г. он достиг рекордной цифры выпуска самолетов — 20 единиц в сутки».

...В 1970 г. посетивший Новосибирск американский астронавт Нейл Армстронг, первым ступивший на Луну, взял горсть земли от дома, где работал Кондратюк. На память об удивительном городе, который без водопровода, канализации и даже (даже!) трамвая упорно смотрел в небо и на звезды.

А тот первый новониколаевский самолет 1917 г. пусть так и останется секретом истории.

Сибирские крылья

2007 год, в числе прочих «круглых дат», принес еще один не замеченный никем юбилей — 90-летний юбилей сибирского авиастроения.

Ровно 90 лет назад, в 1917 г., в Новониколаевске (сегодняшнем Новосибирске) были построены и поднялись в воздух два первых «сибирских» самолета. Можно смело считать, что именно с них и берет свой отсчет вся сегодняшняя авиационная промышленность Сибири.

Самолеты в Сибири, естественно, видели и до 1917 г. Еще летом 1911 г. один из первых российских летчиков — Яков Седов — совершил «Транссибирское турне» по востоку России, демонстрируя полеты на аэроплане «Фарман».

3 января 1917 г. близкая к эсдекам новониколаевская газета «Голос Сибири» в разделе «Хроника» опубликовала сообщение: «Местный военно-промышленный комитет в настоящее время озабочен подысканием лица, сведущего в авиации, для производства осмотра летательного аппарата, который строится в Н.-Николаевске. В городе такого лица не оказалось, и комитет обратился в Томский технологический институт, откуда получился ответ: «В Томском технологическом институте не находится в настоящее время лица, сведущего в вопросах авиации».

В том же номере газеты было опубликовано сообщение городской управы об отлове бродячих собак и объявление о том, что продается «корова хорошая».

Реакция томичей на «авиационный» запрос вполне

Городской аэропорт, 1950-е годы

объяснима. «Автор» строящегося (заметьте — не «проектируемого», а уже строящегося!) в Новониколаевске в начале 1917 г. самолета им был очень даже хорошо знаком. Студент-технолог Томского имени Императора Николая II технологического института Михаил Попов дипломированным инженером так и не стал. «Заболел» авиацией, причем «болезнь» эта приняла действительно «тяжелые формы» — в виде попыток создать студенческий воздухоплавательный кружок.

Попов, естественно, не знал, что секретные циркуляры Департамента полиции предписывали, чтобы «в городах, где имеются высшие учебные заведения, местные жандармские учреждения устанавливали за личным составом и действиями студенческих воздухоплавательных кружков самое тщательное наблюдение».

Губить карьеру одного из лучших студентов, «без пяти минут инженера» с талантами «от Бога», никто не хотел. Тем более что к политике-то Попов был абсолютно равнодушен — что в студенческой среде было очень даже большой редкостью.

В общем, преподавателям намекнули, чтобы они намекнули... Попов намеков (дескать, до диплома осталось всего ничего, а уж потом занимайся своей авиацией сколько душе угодно, в стороне от студентов) не понял, оскорбившись в самых лучших чувствах.

В воздухе, в числе прочего, повисло сакраментальное «Ретрограды!», с чем, плюнув на уже практически полученный диплом, Попов уехал осенью 1916 года из Томска в Новониколаевск. Услышав на прощание: «Лети, «авиатор»!»

Смех в спину оказался напрасным. В Новониколаевске «под аэропланы» он получил деньги у нескольких новосибирских купцов. Тех, которые на полетах Седова 1911 года сидели в самых дорогих, 8-рублевых ложах. И лично убедились, что все эти «парения в воздухе» — отнюдь не благие выдумки. В складчину получались по затратам вообще сущие пустяки, говорить не о чем, а перспективы прибылей в случае получения военных заказов «предприятие» Попова сулило немалые.

Купцы умели считать деньги, а студент-технолог — необходимые «составляющие» для осуществления проекта. Взяв деньги на один самолет, он на самом деле в кратчайшие сроки закупил все нужное на два.

Строительство полным ходом началось уже в декабре 1916 г., а в начале следующего, 1917 г., в Томском технологическом институте вздрогнули от запроса из соседнего города. Отсюда и язвительность ответа — дескать, «не находится в настоящее время лица, сведущего в вопросах авиации».

В институте прекрасно знали, где находится «в настоящее время» их единственное «сведущее в вопросах авиации лицо», и это была маленькая месть вдогонку с напоминанием о «ретроградах».

«Спонсоры» отзыв из Томска, собственно, не разочаровал. Он же не был отрицательным — предполагаемые «эксперты» сознались в своей некомпетентности в «воздушных» вопросах. Надо было просто найти специалистов, а пока — оплатить окончание постройки

Самолеты Попова были собраны из частей других серийных самолетов, но по качествам превосходили исходные образцы

ки. Как в воду глядел студент-технолог Попов, взяв «на окончание» проекта деньги после несостоявшейся экспертизы авансом. И уже в марте 1917 г. первый самолет Попова, «М. П. (5)», взлетел все с того же поля новониколаевского ипподрома, с которого в 1911 г. поднялся в небо над городом первый «пришлый» самолет. Первого полета «своего» самолета, «первого сибирского», построенного здесь и собственными силами, никто не заметил.

Кроме, естественно, самого Попова, который его и пилотировал. Не заметили ни газеты, ни «спонсоры». Им было не до того — началась Февральская революция.

Михаил Попов был сам для своих самолетов (строительство второго продолжалось) и автором, и экспертом, и конструктором, и пилотом, и строителем. В фундаментальном труде авиаконструктора и историка российской и советской авиации Вадима Шаврова «История конструкций самолетов в СССР» отмечено: «Самолеты Попова были в значительной степени собраны из частей других серийных самолетов, но по качествам превосходили исходные образцы». И «М. П. (5)», и построенный и взлетевший вслед за ним «М. П. (6)» («Попов-2»).

Двухместные бипланы с французскими моторами «Рон», шасси «Фарман» и килем «Ньюпора», крылья — от питерского «Лебедя». И это только дилетанту может показаться, что, дескать, хитрого-то ничего и нет! Там — эту детальку взял, здесь — эту, все вместе сложил, вот самолет и получился. Однако Шавров, не только историк отечественной авиации, но и сам авиаконструктор, заложил в эту фразу величайшую похвалу.

Созданные каждый в единственном экземпляре из частей «серийных самолетов», самолеты Попова (каж-

Работницы женских организаций у самолета «Сибирьком», 1925 год

дый!) «по качествам превосходили исходные образцы». Возьмите части пяти-шести различных автомобилей, «всего лишь» сложите их в один автомобиль, да так, чтобы он при этом по своим качествам был лучше каждого из «прародителей». Вероятно, тут нужно еще совсем немного — талант.

Всё, ну всё было против Попова! Его «Попов-2» не должен был, в общем-то, вообще появиться на свет. Однако в борьбе за свои «детища» талант Попова проявился еще и в недюжинной, просто сверхчеловеческой какой-то практичности. Аванс «на достройку» первого самолета он получил накануне того, как всем в стране стало не до авиации. Его, собственно, абсолютно не интересовало то, что никто не заметил в марте 1917 г. полета первого сибирского самолета — его самолета!

Попова беспокоила в это время судьба достраивавшегося второго аэроплана. «Спонсоры» уже не беспокоили, но вот техники, рабочие, мастера, работавшие на его сборке, оказались, в отличие от самого Попова, уж больно «политически активными» — митинги, собрания, демонстрации... Все затягивалось. Помогал тот самый аванс (одними митингами сыт не будешь), и «второй сибирский» был достроен и взлетел первый раз тогда же, в 1917 г. В октябре.

Загадка, как удалось Попову в ситуации, когда власть

Аэроклуб (улица Крылова, 24). Здание было построено в 1934 году, сейчас там размещается авиационно-технический спортивный клуб и авиационный музей имени А. И. Покрышкина

менялась чуть ли не еженедельно, сохранить свои самолеты до 1919 г., и более того — умудриться в самом конце того года вывезти их в Москву. «Красные» взяли Новониколаевск 14 декабря 1919 г., в числе их трофеев оказалась вся авиация «сибирцев» — 58 аэропланов, складированных в вагонах. Трансиб был забит брошенными эшелонами «белых» до Урала. Однако Попов умудрился найти вагоны, погрузить свои самолеты и уже к концу 1919 г. был в Москве.

Его «сибирские» самолеты использовались в качестве учебных (то есть — самых простых в управлении и надежных) в Московской школе «красных военных летчиков» («красвоенлетов», как тогда говорили) в течение почти пяти лет.

Попова упоминал и «Юбилейный сборник Красного воздушного флота», изданный в 1923 г. Энциклопедист российской авиации Шавров с болью писал, что «по самолетам М. И. Попова не найдено никаких данных, зафиксированных документами». Не осталось ничего — ни чертежей, ни фотографий. Дальнейшая судьба талантливого авиаконструктора неизвестна.

Но именно с его двух «сибирских» самолетов, поднявшихся в воздух в таком далеком 1917 г., началась история сибирского самолетостроения.

IV

Город для всех

Наш город — уникальный. И прежде всего тем, что уже сегодня каждый может найти в нем место для проживания согласно собственным политическим убеждениям, бытовым пристрастиям и привычкам. Большого практического плюрализма, пожалуй, нет нигде в мире.

Были бы деньги — а место по собственному вкусу в городе сможет найти каждый. Каждый сможет выбрать улицу «по душе». У вас «левые» убеждения? Селитесь на ул. Коммунистической. «Правые» — пожалуйста, к вашим услугам ул. Демократическая. Или, если не подойдет, — ул. Республиканская. Монархической нет, хотя, с учетом того, что город имя свое и городской статус получил по имени последнего российского императора и благодаря ему, это несколько странно.

Погоны на плечах? Без вопросов! 5 линий-улиц Военная Горка, плюс просто ул. Военная. И еще — ул. Воинская, причем отдельно еще 2-я и 3-я. Недостаточно? Пожалуйста — Воинский проезд. Отсутствие погон поиску места жительства не помеха. Две ул. Гражданских, видимо, должны вместить всех, кто либо по возрасту, либо по убеждениям для армейской службы не подходит.

А вообще-то новосибирцы — люди мирные, даже очень. Улица Мира и пять «номерных» переулков Мира впридачу тому доказательство. Не убеждает? Хорошо, селитесь на ул. Мирной. Или — в Мирном переулке.

Не хотите стариться? И это тоже уже предусмотрено. Молодежи бульвар, Молодежная ул., просто ул. Молодости, а дальше пошли скакать буквально как молодые ко-

Ул. Чаплыгина, дом 48, в котором жил Алексей Кретиин

зочки — Молодости 1-й переулок, Молодости 2-й переулок, Молодости 3-й переулок.

Старый анекдот невольно вспоминается про градации женского возраста: «Девочка — девушка — молодая жен-

щина — молодая женщина — молодая женщина — бабушка умерла».

Впрочем, улицы с последним названием — «ул. Бабушка умерла» — в городе нет. Да и кто бы стал на ней селиться, не потеряв память? Но и на этот случай все предусмотрено — ул. Новосибирская всегда подскажет, в каком городе вы находитесь.

У нас в городе Эльдар Рязанов никогда бы не снял свою «Иронию судьбы...» — повода не было бы. Устали, проголодались, кушать любите? — ул. Гастрономическая.

Хочется масштаба? Тоже никаких проблем — ул. Приморская. Масштаб маловат, размах и размер не тот, душа простора требует? Ул. Океанская. А если запросы скромнее — ул. Приозерная. А если вообще запросы скромные и к «большой воде» не тянет — ул. Приовражная.

Про профессиональные наклонности вообще говорить нечего. Ул. Геологическая, ул. Геодезическая и ул. Геофизическая. Шесть Рабочих переулков и три улицы. Кроме того Ремесленный переулок и ул. Ремонтная. А поскольку мы — всегда первые! — для желающих два Рекордных переулка. Одного явно не хватило.

Не советую жить на ул. Проточной. Пусть простят меня те, кто уже там живут. «Как вы яхту назовете — так она и поплывет». С сегодняшними тарифами любая протечка может стать катастрофой для семейного бюджета.

С машинами никаких проблем сегодня нет. Все для вас — и ул. Автомобильная, и ул. Гаражная. Со стоянками, правда, в городе вечные проблемы, да и светофоры гаснут постоянно. Зато есть ул. Раздольная, ул. Разъездная и переулок Регулировщиков. Вероятно, тех самых, которых постоянно нет на улицах, поскольку они все собрались в этом переулке? Так что — милости просим для заселения. Если хотите платить штрафы не ежедневно, а ежедневно.

Хотите почувствовать себя олигархом? Тоже никаких проблем нет. Бог с ней, с Гусинобродкой. Да и какой он уже олигарх, господин Гусинский?

А вот как насчет Романа Абрамовича, губернатора Чукотки и самого настоящего действующего олигарха? Для тех, кто хочет себя почувствовать Романом Абрамовичем в Новосибирске простор необыкновенный. Две Чукотские улицы и 9 переулков.

Каждый владелец квартиры сможет ощущать себя губернатором собственной мини-Чукотки. Только свой карманный мини-«Челси» придется прикупать отдельно.

Немножко «пофрондерствовать» тоже есть возмож-

ность — ул. Березовская. Ее пока еще в ул. Путина никто не переименовал.

Конечно, ударение в подлинном названии улицы стоит не в том месте, где на известной фамилии, так ведь знак ударения на уличных табличках не ставится. Так что и «поопозиционерствовать» можно, и отболтаться «если что» — не было же ударения-то?!

Да и если кто «для души» хочет где-то в городе поселиться — мест много. Для любителей музыки есть, скажем, ул. Моцарта (причем переулка Сальери нет). Или — ул. Чайковского.

Опять же вспоминается старый анекдот про Сталина: «Петр Ильич Чайковский, как известно, был гомосексуалист, но мы его ценим не только за это!». Поклонникам «Снегурочки» и «Садко» тоже есть из чего выбирать — щедрый город отдал композитору Римскому-Корсакову не только улицу, но еще и пять переулков.

Для любителей литературы место тоже найдется. Где-то там, далеко наверху, автор «Истории одного города», вероятно, очень смеется. Великий сатирик Салтыков-Щедрин вряд ли себе мог представить, что его имя будет у нас в городе присвоено улице, которая до этого носила имя «железного наркома» Ежова. Самое место здесь селиться тем, кто любит исторические парадоксы. Если, конечно, не бояться появления по ночам призраков.

Я не про Салтыкова-Щедрина — он человек ненавязчивый был и тревожить не станет. А вот тот, предыдущий... Тот — может.

«Неформалам», тусовщикам, «продвинутым пацанам» рекомендую ул. Шекспира и ул. Коперника. Нет, это действительно круто, только вслушайтесь и вчитайтесь: «Вы где живете? Я живу в Новосибирске на улице Коперника»!

Ничего не имею против Коперника и Шекспира.

Я живу в Новосибирске и очень бы хотел, чтобы у меня была возможность в моем родном городе поселиться на улице Тихомирова или улице Кулагина.

Первый — инженер, строил мост, город и храм Александра Невского.

Второй — секретарь обкома ВКП(б), превратил город из «просто города» в один из промышленных и оборонных центров страны. Улиц их имени в городе нет.

Зато есть улица Сказочная.

Вечная городская беда

История в нашем городе постоянно «бегаёт по кругу». Причем — далеко не в лучших проявлениях. Свалившиеся на город снегопады заставили не очень хорошими словами поминать городские службы и водителей, и пешеходов. Интересно, что сто лет назад на городских дорогах и тротуарах происходило то же самое, что и сегодня.

Снег в Сибири — это, конечно, всегда большая неожиданность. Особенно для тех, кто должен этот снег убирать. В начале прошлого XX века в Новониколаевске ситуация с уборкой улиц была абсолютно аналогична сегодняшней. Городские «народные избранники» того времени требовали от городской управы (по-сегодняшнему — мэрии) принятия мер по очистке улиц от снега. И управа буквально выкладывалась из последних сил, следуя этим благим пожеланиям.

Собственно, сама управа снег на дорогах чистить была не обязана. Эта обязанность лежала на домовладельцах — очистка дорог и тротуаров перед строением. А управа должна

была «всего лишь» наблюдать за процессом и контролировать его. Домовладелец Ежов, скажем, за невыполнение обязанностей по очистке «своей» части Николаевского (Красного) проспекта в 1907 году был даже оштрафован. На 5 рублей «с опубликованием в печати».

Не знаю, с чем сравнить, чтобы был понятен уровень наказания. Это примерно то же самое, если бы сегодня «хозяина Чукотки» Романа Абрамовича оштрафовали в аэропорту за неправильную парковку его личного самолета. По закону — на 50 рублей. Владелец «Челси», наверное, долго бы не то что искал соответствующую купюру, но просто пытался вспомнить, как она вообще выглядит. А потом, наверняка, долго со счастливым детским смехом рассматривал бы сдачу. Какие, оказывается, денежки забавные бывают! Однако Ежов смеяться не стал — и штраф уплатил, и свою часть тротуара с дорогой очистил. О чем дал объявление «через газеты и листки», что обошлось ему по деньгам намного дороже самого штрафа. Но, как говорится, репутация дороже.

Трехэтажный «дом Ежова» рядом с «красной аптекой» (аптека №2 на Красном проспекте) простоял до конца 1960-х годов. Во время строительства нового кинотеатра им. Маяковского дом снесли. До сих пор не понимаю — зачем? Ради этой огромной, постоянно заметаемой снегом площадки?

А дом был очень даже замечательный. В нем были потом какие-то магазины, но моя детская память сохранила совсем другое. То, что сегодня называется «стеклопакеты». Не знаю, как это называлось во время строительства дома, но тротуар (освещающий подвальные помещения) перед ним был выложен небьющимися стеклянными плитами. Потому-то я его и запомнил.

Вы только представьте себе — опять завалы снега в центре города, которые никто не чистит, а тут из-под сугробов — свет! Я помню, как я расковыривал этот подснежный свет, и этот «светящийся тротуар», раскопанный мной из-под снега, тоже хорошо помню. Сегодня на этом месте — ничего. Просто — ничего. Пустой тротуар заметается снегом регулярно, и из-под сегодняшнего снега ничего никому не светит. Зачем снесли? Сегодняшним пацанятам уже не удастся потоптаться по такому чуду — свету из-под снега.

А снег — это была большая беда для города. Бедная гимназистка, сбитая извозчиком потому, что шла по кое-как почищенной проезжей части, а не по напорчье заметенному тротуару... Извозчик, упавший (!)

Контора Текстильсиндиката, 1925 год (вид из окон Главпочтамта). В 1930 году здание подверглось реконструкции: были надстроены два этажа. Позднее первый этаж занимал магазин «Золотой Колос»

с лошастью и седоком набок в сугроб, на тротуар, на обледеневшем проспекте. В полицейском протоколе подчеркнуто, что «упал не от пьянства или неумения, а от общей скользкости».

Городская Дума все пыталась решить вопрос с очисткой улиц. Штрафы увеличивать за «неочистку» она права не имела, зато имела право запретить «торговлю или занятие иными ремеслами». По сегодняшним аналогиям — это отзыв лицензии. Причем безо всяких сегодняшних «сопутствующих товаров» в виде пожарного или санэпиднадзора. Просто за то, что снег перед конторой не чищен и горожане жалуются.

Примечательно, что взятку-то в этом случае сто лет назад давать было некому. Решение принимала городская Дума, а всех депутатов подкупить... Дешевле дело закрыть и переехать куда-нибудь в Томск. Или в Колывань. Или в Каинск (ныне — Куйбышев). Там конечно, как говорится, «и дым пониже...». Но и снег — помельче. В смысле, что никто за ним не следит.

А в Новониколаевске — следили. Штрафовали за не-

убранные улицы. Хоть и небольшие штрафы, а то обидно — что публично об этом оповещалось. Ну как так?! Солидный вроде человек, а тебя в прямом и переносном смысле носом в снег суют. И где же при этом солидность? Дешевле (опять-таки) и в прямом, и в переносном смысле было «убрать за собой». То есть — почистить от снега тротуары и проезжую часть. А то и Дума городская доставала, и журналисты.

Ох уж эти журналисты! Все беды, как известно, именно от них. Сколько чернил и типографской краски они извели по поводу заснеженных дорог! Сколько гонораров получили! Сколько пива попили в местных ресторанных заведениях (кстати, и в «Кафе де Пари» во владениях все того же оштрафованного Ежова)! В общем,

если бы снега и не было вообще — газетчики бы его выдумали. А то о чем было бы писать фельетоны? Да еще какие!

Вот, скажем, 24 января 1909 года новониколаевская газета «Народная летопись» опубликовала фельетон «Письмо к тетеньке».

«Дорогая тетенька Аглая Митрофановна! Я слышал, что вы под старость лет надумали побывать в Швейцарии, подышать, так сказать, горным воздухом и полюбоваться тамошним ландшафтом... Годы ваши, тетенька, уже молодые — хоть вы и берете уроки балльных и характерных танцев... Но между теми уроками и Альпою разница большая. И с непривычки, да еще и с вашей комплекцией, забираться на высочайшие в Европе горы дело нелегкое.

Поэтому я вам усиленно и настойчиво рекомендую побывать предварительно в Новониколаевске, что для вас весьма и весьма полезно. Во-первых, будете иметь представление о снежных горах. Во-вторых, получите опыт хождения по горам. И, в-третьих, познакомитесь с горными тропинками. Как видите, все это для вас необходимо.

...Перед вами небольшая равнина, на которой, по всем признакам, паслось стадо диких коз — это двор здешнего землевладельца. Проходите несколько шагов по равнине — и перед вами разворачивается целая горная система: это начались тротуары. Вы волей-неволей тотчас же должны предпринять трудное путешествие — забраться на гору. Иначе будете вынуждены или ходить по равнине-двору или сидеть у себя в номере. И вы, как турист, предпочитаете первое. Взбираетесь на тротуар и, с непривычки, делаете вниз сальто-мортале.

Наконец достигаете своей цели. Поднялись. Ступили на тротуарную тропинку и... проваливаетесь в снег. Но стоит вам перевалить десятка два этих искусственных снежных сооружений, именуемых тротуарами, вы смело можете взбираться и ходить по альпийским горам. Итак, дорогая тетенька, полагаю, что мой совет для вас, как будущей туристки, имеет громадное значение. Прежде чем в Швейцарию — необходимо побывать в Новониколаевске!

Кстати, маленькое предупреждение. Боже вас упаси ходить серединой улицы. Здесь расплодилось гоняющее саврасы (вероятно от «савраски», лихачи-извозчики, нынешние маршрутные «газели». — А. К.) и немилосердно давят людей. Остаюсь искренне ваш, ваш племянник Гном».

Прошло сто лет, а для города вечная беда оказалась как минимум вековой. Зима, как и сто лет назад, в город приходит внезапно, никого не предупреждая. Ни о заморозках, ни об оттепелях и снова последовавших заморозках. Собственно, видимо поэтому «гололедица» тихо-мирно перекочевала из новостей в прогнозы погоды. Хотя это всего лишь показатель нечищенности дорог.

А в остальном — ничего за сто лет не изменилось. Разве что тетушке нынешнего «Гнома» проще поехать в Швейцарию. Если, конечно, деньги есть и визу дадут. А так, собственно, какая разница — снег и снег. Какая разница, где скользить на тротуарах и где в этот снег падать?

Но у нас он, в отличие от Швейцарии, хоть когда-то изнутри светился...

Проверки на дорогах

Не один раз за последнее время новосибирские автоинспекторы проводили серии рейдов по наведению порядка на дорогах в центре города.

«Под прицел» попадали, в первую очередь, «лихачи», не замечающие дорожную «зебру» и пешеходов на ней, а также любители нарушать правила парковки. Как ни странно, но подобные проблемы были актуальны для города уже сто лет назад.

Если уж кто из персонажей истории Новониколаевска и заслуживает памятника, так это, бесспорно, межевщик Кузнецов. Именно по его планам осенью 1896 года в густом лесу была начата прорубка просеки шириной 58 метров под будущий Николаевский (сегодня — Красный) проспект.

Межевщик вряд ли видел хоть один автомобиль вообще и уж тем более вряд ли мог предвидеть сегодняшний автомобильный «бум». Однако ширину основной транспортной артерии центральной части будущего города рассчи-

Бердское гидронированное шоссе, 1930-е годы

тал на редкость удачно.

Результаты работы Кузнецова позволяли справляться с транспортными проблемами в центре города более ста лет.

Однако проблемы с порядком на дорогах в центре города появились все-таки практически одновременно с рождением Николаевского проспекта.

Проблемы были и с местами для парковки, точнее — с их оборудованием. Поставленные в полосе отчуждения железной дороги межевые столбики из обрезков рельсов доставили горожанам немало проблем.

«Их совершенно при езде ночью или в пургу не видно», — писали газеты. «Было несколько случаев наезда на них, поломки саней, причем пассажиры пока отделяются только испугом, но не гарантированы, конечно, от ушибов. Виновных в этом, пожалуй, не разыщете: инженеры отмежевались, город осветил это место, все честь честью, а люди то и дело вылетают из разбитых саней, лошади увечатся».

Принцип «Водители и пешеходы — будьте взаимно вежливы!» уже в то время соблюдался далеко не всеми и не всегда.

Так, всего за два дня января 1909 года под копытами лихачей пострадали три новониколаевских гимназистки, причем во всех случаях виновники ДТП с места происшествия благополучно скрывались. Впрочем, виновны в этом были не только водители.

А прежде всего — зима, которая и сто лет назад приходила в город внезапно, без предупреждения городских служб.

И вот результат. Газета «Народная летопись» сообщала: «20 января по Тобизе-новской улице (сегодня — им. Горького. — А. К.), конечно, по дороге — тротуары всюду ведь у нас забиты снегом, — проходила г-жа И. Навстречу летит пара со свободно привязанною лошадию к заду саней. Г-жа И. сторонится вправо — и лошади вправо. Г-жа И. влево — и лошади

влево. В конце концов г-жа И. сбита с ног, получив довольно сильный ушиб в голову и в спину. Разумеется, эта случайность могла кончиться и печальнее. А кто виноват? Все, кто не хочет чистить тротуаров».

Вывод актуальный до сегодняшнего дня. Однако власть, естественно, за порядком следила: «На углу Енисейской и Обского проспекта (сегодняшний Комсомольский проспект. — А. К.) мы отмечали большие ухабы. Теперь их заровняли навозом. Заровнять-то заровняли, но извозчикам такой способ выравнивания городских дорог не нравится, и они на самом этом месте так выражаются по адресу городской Управы, что за Управу стыдно».

Нередки были на дорогах и серьезные аварии.

«В 6 час. вечера извозчика №31, ехавшего с пассажиром по Николаевскому проспекту, бешено нагнал из поперечной Вознесенской ул. (сейчас Сибревкома. — А. К.) какой-то, по выражению извозчика, «чалдон» и выбил его с козел запрягом оглобли на землю. Извозчик получил вывих левой руки в локте и сильно его зашиб. Виновный укакал незадержанным. Руку пришлось вправлять». Школьникам Новониколаевска, похоже, впору было писать сочинения на тему «Водитель кобылы — профессия героическая». По крайней мере, все основания для этого были.

«10 января по Кабинетской улице (сегодня Советская. — А. К.) раздавались неистовые крики: помогите! Кричал

Здание городского управления, 1910-е годы

ехавший на лошади чей-то кучер, а впереди его убегал какой-то неизвестный человек. Стражник общественного собрания преградил бежавшему дорогу, и с возгласом «Стой! Буду стрелять!» задержал бежавшего. Подоспели случайно проходившие пекаря. Оказалось, по объяснению кучера, убегавший человек, проходя мимо него, нанес ему удары дубиной. Задержанный отправлен в полицию.

Кстати, извозчики работали под постоянным контролем полиции, следившей и за исправностью их «транспортного инвентаря», и за соблюдением ими порядка. И, в случае чего, извозчики лишались своих номерных жетонов (нынешняя «лицензия») на время или навсегда.

«Извозчики заявляют Управе, что они лишены права езды беспричинно. Управа отправляет недовольных за справками в полицию, а полиция уклончиво ссылается на то, что о причинах и основаниях запрещения ею даны сведения в городскую Управу».

Прочитав такое, многие нынешние владельцы такси и маршруток наверняка вздрогнут от узнавания ситуации. А зря. Это — не сегодняшний день, это июль 1906 года. Кстати, тогда свидетельства на право извоза необходимо было подтверждать раз в полгода. Прошло-то всего ничего, сто лет, а прогресс «частные перевозчики» могут оценить сами.

«Бичом» Новониколаевска уже тогда были угоны транспорта. С неудачливыми угонщиками разбирались жестко и на месте.

«Народная летопись» в том же 1906 году сообщала: «16 мая в 8 часов вечера к городской больнице был привезен в бессознательном состоянии мужчина лет 30 с несколькими проломами на голове и со страшными кровоподтеками на лице и на других частях тела. Несчастный оказался жертвой столь нередкого в наше время самосуда. Из разговоров окружающей публики выяснилось следующее. Сев на лошадь зашедшего в дом извозчика, вышеупомянутый мужчина погнал ее по направлению к Мочищам, но за кирпичными сараями был догнан другими извозчиками и здесь-то и подвергся самосуду.

Били несчастного кто чем мог, били кулаками, коленками, палками, кирпичами и топором. Били до тех пор, пока он не перестал шевелиться. Решив после этого, что конокрад достаточно наказан, судьи привезли его к больнице и здесь, взяв за руки и за ноги, сбросили с тележки прямо на землю.

Хриплый стон, вырвавшийся из груди несчастного, вызвал у окружающих только новую ругань да замечание: «Фу, собака, жив еще!»

Пожалуй, стоит обратить внимание и на определенный гуманизм столетней давности. Пойманного и избитого угонщика-неудачника привезли все-таки к больнице, а не к ближайшей канаве.

Но не дремали и «стражи закона». Новониколаевской полицией была разоблачена и задержана «правильно организованная шайка конокрадов, состоящая из преступников-рецидивистов». В современных терминах — «организованная преступная группа», орудовавшая в самом центре города, на Базарной площади (сегодня — площадь им. Ленина. — А. К.).

Схема «работы» была незатейлива, но эффективна. Выслеженный заранее извозчик под предлогом «угощения» или «размена денег» заманивался в одну из харчевен на площади. Пока он «угощался», члены «ОПГ», сидевшие в соседней харчевне, без шума уводили лошадь с коляской и всей поклажей. На все про все уходило не более четверти часа. «Прокол» случился на краже лошади извозчика Талдыкина — попались два члена шайки. Более того, помощнику полицейского пристава Зуевскому удалось установить и скупщика краденого (то есть — фактического главаря шайки), проживавшего в поселке Кривошеково.

«Прибыв в означенный поселок, Зуевский произвел обыски у жителей поселка, у одного из которых, назвавшегося бийским мещанином Стариковым, были найдены принадлежащие Талдыкину фартук и часть сбруи. Пойманный с поличным Стариков в приеме и передаче краденого сознался и был задержан. В настоящее время выяснилось, что назвавшийся Стариковым — есть проживавший по подложному паспорту крестьянин Барнаульского уезда Михаил Беремикин, состоящий под судом и следствием по обвинению в нескольких кражах».

После раскрытия шайки «угоны» лошадей прекратились.

Впрочем, иногда пропажа «транспортного средства» не носила явно криминального характера.

Так, новониколаевская «Народная летопись» 8 января 1909 года напечатала частное объявление: «4 января сбежал ослик-самка, светло-серый. Нашедшего прошу доставить на Омскую ул., д. 36, Шумяцкого, за вознаграждение».

В принципе, сегодня такое трогательное объявление тоже может появиться. С небольшой правкой: «...сбежал автомобиль марки «Ока»...»

А далее — по тексту.

Новониколаевская железнодорожная станция, 1900-е годы

«Голубые мундиры» и сопровождающие лица

Новониколаевское городское жандармское отделение (как, впрочем, и весь российский Отдельный корпус жандармов) имело неоднозначную репутацию. С одной стороны, обыватель был твердо уверен, что «жандармам все известно»; с другой — воспринимал «голубые мундиры» не иначе как высокооплачиваемых «дармоедов».

И для того, и для другого мнения имелись основания.

В отличие от «обычной» полиции, самостоятельную цель чинов корпуса жандармов составляла «охрана существующего государственного строя, предупреждение и пресечение преступлений, направленных к нарушению этого строя».

По подобным преступлениям жандармы имели право вести политические следствия, подвергать подозреваемых предварительному аресту, производить обыски и выемки документов и «незаконных» предметов.

По сию пору считается, что «армейские офицеры жандармам руки не подавали». Однако, возможно, дело было в простой зависти. Многие «армейские» пытались перевестись в корпус жандармов (и платили там больше, и карьеру можно было сделать быстрее), но условия возможного перевода были достаточно жесткими. От офицеров армии и флота, поступающих в

жандармы, требовалось потомственное дворянство, окончание военного или юнкерского училища по первому разряду, не быть католиком, не иметь долгов и пробыть в строю не менее шести лет. Принятые проходили специальное обучение методам политического сыска, работе с секретной агентурой, основам организации оперативно-розыскной деятельности и сбора информации.

При этом, несмотря на секретность основной своей работы, собственно сами жандармские офицеры в сибирских городах ни от кого не скрывались.

«Справочник по г. Ново-Николаевску на 1912 год» в разделе «Адреса лиц, занимающих общественные должности», сообщал: «Жандармский ротмистр В. Е. Потоцкий — Семипалатинская, №11».

Дом этот, как и многие другие здания по нынешней ул. Орджоникидзе, не сохранился. Но расположен он был более чем удобно — почти на равном расстоянии как от тюрьмы на Александровской (ул. Мичурина), так и от Городского торгового корпуса (Краеведческий музей), где заседало городское Управление.

После того как в начале марта 1917 года, после Февральской революции, был захвачен жандармский архив местного отделения, практически сразу наткнулись на лежащие по соседству документы.

Новониколаевские газеты сообщали: «Особенно интересен доклад, составленный в сентябре 1916 г. о разных учреждениях, лицах, их направлениях. Имеется также характеристика членов Городского Управления».

Так что жандармская агентура работала эффективно и в разных общественных сферах. Но основной упор, естественно, был сделан на работе против революционных партий — социал-демократов, социалистов-революционеров.

Секретные циркуляры Департамента полиции (которому подчинялся корпус жандармов) требовали: «За последнее время Департаментом полиции обращено внимание на то, что не все офицеры корпуса жандармов ознакомлены с программами и способами действия революционных организаций, излагаемыми по мере поступления их в Департамент в особых циркулярах, рассылаемых всем Начальникам Управлений и Отделений и всем чинам, находящимся на отдельных пунктах. Объясняется это тем, что гг. офицерам резерва и прикомандированным к Управлениям не всегда предьявляют-

ся получаемые из Департамента циркуляры и таким образом производящие дознания остаются иногда в полном неведении о тех или других изменениях в программах, тактике и организации ныне действующих революционных партий и о сформировании новых организаций и фракций».

Руководство требовало от жандармских чинов «безусловно ориентироваться» в тех организациях, в среде которых приходится работать.

Ответные доклады новониколаевских жандармов в Томское губернское жандармское управление (которому они непосредственно подчинялись) показывали, что замечания учтены. В нелегальной деятельности партий местные жандармы ориентировались очень хорошо.

В декабре 1911 года жандармы доносили в Томск (а оттуда доклад шел в столицу), что 11 декабря на квартире Ивана Шамшина состоялось собрание городской организации эсдеков, на котором присутствовало 18 человек. Сообщалось и о том, что возглавляет организацию «Василий» (Петр Коваленко). То есть агентура работала «изнутри». Что неудивительно.

Одним из осведомителей был эсдек Егор Крутиков (по жандармским документам числился под кличкой «Павел Иванович», среди эсдеков — как «Егорка»).

Правда, уже к 1914 году жандармские доклады констатировали, что пользы от агента уже мало: «...никаким доверием среди партийных не пользуется, страшно опустился, начал пьянствовать и даже у кого-то из товарищей украл часы». Но ведь и эти сведения жандармскому ротмистру кто-то должен был сообщить!..

Эсерам везло не больше. Не успела ссыльная Брешко-Брешковская организовать в Иркутске «Автономную группу партии эсеров» и разослать эмиссаров по городам Сибири, как в столицу из Томска 4 октября 1911 года ушла депеша: «Два члена этой группы находятся в г. Ново-Николаевске, Томской губернии, и два — в г. Томске».

Оба члена автономной группы ПСР проживают в г. Томске по Знаменской улице, нелегально, один из них по паспорту на имя Дубограя; приметы его: бывший учитель, сослан в Иркутскую губернию из г. Новгорода, блондин, 25 лет, среднего роста, одет полуинтеллигентом; другой нелегальный неизвестен.

Два неизвестных члена той же группы, проживающие в г. Ново-Николаевске, возвращаются там в обществе старого партийного работника, социалиста-революционера, барнаульского мещанина Льва Поликарпова-Александрова».

В итоге только-только появившийся в Новониколаевске эсер-«автономист» Александр Скворцов уже 15 декабря попал под обыск, а эсеровская группа в городе была ликвидирована. Далее Скворцов, забыв о терроре, предпочел работать в правлении кооперативного общества «Экономия» и даже был его председателем.

Кстати, что касается устойчивого мнения о «провокаторах-жандармах». Циркуляры из Департамента полиции постоянно требовали: «При том условии, что каждый сотрудник является, прежде всего, членом подпольной организации, лица, руководящие ими, должны строжайше внушать сотрудникам совершенную недопустимость проявления последними инициативы в революционных предприятиях и вовлечения в таковые своих единомышленников или соращения на революционный путь лиц, не примкнувших к активной преступной деятельности, а равно в преступлениях против личности и имущества».

Впрочем, были и случаи вполне курьезные.

В конце 1916 года в Новониколаевское жандармское управление смазчик поездов железнодорожной станции Власов по собственной инициативе донес на «смутьяна» — смазчика Кузовского. Последний, дескать, ругал царя, сорвал и растоптал царский портрет.

Жандармы быстро разобрались, и дело закрыли. Оказалось, что донос написал местный дон-жуан на своего более удачливого соперника.

Впрочем, в феврале 1917 года подобная объективность городских жандармов не спасла. Арестован был весь состав отделения во главе с подполковником Лагодой, архив отделения вывезен и «подвергнут исследованию». Жандармов отправили рядовыми на фронт, и они просто затерялись в частях разваливающейся армии.

А архив (три тюка документов и фотографий) был украден из-под уже «красногвардейской» охраны «неизвестными».

А то мало ли какие имена там могли еще всплыть!

Менты-1917

После Февральской революции на смену полиции пришла милиция. И облик нового охранника порядка, пришедшего на смену полицейскому и городовому, виделся всем не менее радужным, чем облик «ментов» из нынешних бесконечных сериалов.

Правда, облик этот был «нарисован» не через телевизор, а во вполне конкретных инструкциях.

Собственно, «полиция» и «милиция» не сильно различаются. Суть у них одна — охрана общественного порядка. Но слово «полиция» стало столь ненавистным, что от новосоздающейся милиции в 1917 г. жители города ждали чего-то кардинально нового.

Образ нового «демократического» новониколаевского милиционера, ставшего на защиту спокойствия горожан, был ярко обрисован в документе, утвержденном общим собранием Новониколаевского городского полицейского Комиссариата 6 мая 1917 г.

Тогда даже ведомственные документы утверждались общими собраниями.

ИНСТРУКЦИЯ ПОСТОВЫМ МИЛИЦИОНЕРАМ г. НОВО-НИКОЛАЕВСКА

Общие обязанности милиционеров

Милиционер есть блюститель порядка и благочиния и страж, оберегающий личность и собственность как общественную, так и собственность каждого гражданина, пресекающий и предупреждающий всякий непорядок и нарушение закона. Наблюдая за сохранением приличия и благопристойности, милиционеры сами должны подавать пример в этом отношении не только на службе, но и вне ее.

Милиционер с публикой должен обращаться вежливо, требовать исполнения закона или распоряжения правительства с достоинством, настойчиво, но не грубо.

Если же милиционер сам подвергся оскорблению, то он, не позволяя себе ни словом, ни делом личной расправы, должен пригласить, а в случае уклонения или сопротивления оскорбителя доставить в участок для привлечения к законной ответственности. Милиционер обязан подавать помощь каждому нуждающемуся, не дожидаясь об этом просьбы. Особым вниманием милиционера должны пользоваться дети и женщины...

Особые обязанности милиционеров

1) Обязанности по дежурству на посту

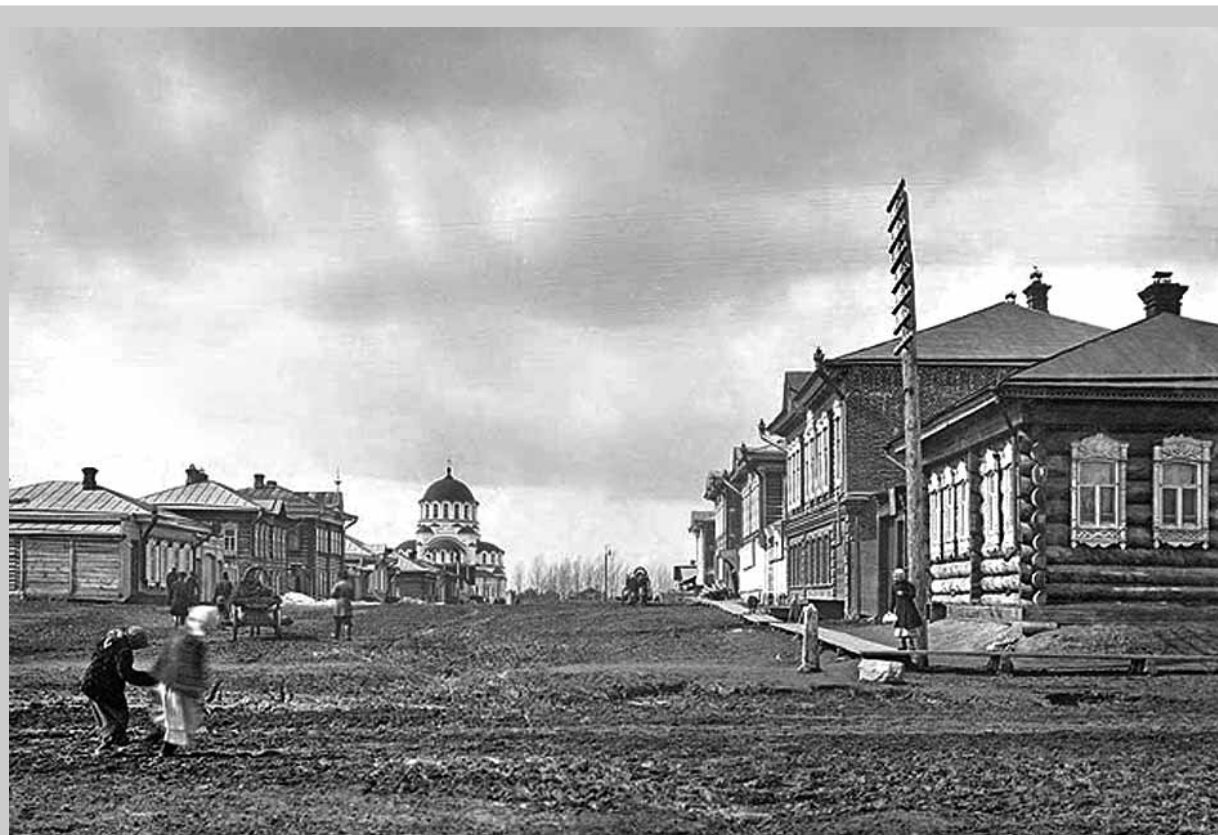
...Любые споры и беспорядки следует решать миром. Там же, где есть состав преступления, как то: по-

кушение на убийство, поджог, кражи, побои, грабеж и тому подобное — виновных следует задерживать и доставлять в участок.

...Для призыва на помощь подается два коротких свистка. Всякий милиционер должен поспешить на помощь. Для привлечения внимания — продолжительный свист. Сигнал следует давать до тех пор, пока не будет дан другими постовыми ответ протяжным свистом.

...О важных происшествиях уведомлять участковое управление по телефону или через извозчиков...

2) Обязанности милиционеров по охранению общественного порядка, спокойствия и благочиния

Николаевский проспект, 1910-е годы

Милиционер обязан прекращать: брань, ссоры, крики, драки, пение неприличных песен, свист, ругательства, отправление естественных надобностей, зазывания, наглые и бесстыдные предложения публичными женщинами прохаживать, выпрашивание нищими милостыни и сборы всякого рода пожертвований без надлежащего удостоверения, азартные игры, карточные игры, орлянку и т. п. Всех пьяных милиционеры должны задерживать и выяснять, где они напились, или записывать адреса пьяных.

3) Обязанности милиционеров по соблюдению порядка при уличном движении

Милиционеры следят и руководят уличным движением. Они должны требовать, чтобы езда была умеренной скорости и только по правой стороне улицы; между подводами обозов должны быть промежутки для свободного прохода публики; ...извозчики должны управлять лошадьми, но не спать.

Всякое загромождение улиц и тротуаров, а также работы кузнецов и жестяники, рубка дров, отпрягание и кормежка на улице лошадей и вообще всякое стеснение уличного движения должны быть прекращаемы.

Лошадей без седоков и кучеров доставлять в участок. Настойчиво требовать от извозчиков: 1) чтобы они не спали во время стояния на бирже; 2) приличной одежды; 3) крепких экипажей; 4) соблюдения таксы; 5) чтобы лошади были не искалечены или заморены; 6) чтобы номера и таксы были установленного образца и были прибиты на указанных местах. При неисполнении требования милиционера извозчиком доставлять его в участок или отбирать номер.

4) Обязанности милиционеров по наблюдению за чисткою на улицах и площадях

Милиционеры должны требовать от домовладельцев: чтобы мусор, снег, щебень во дворах и на улице были убраны, тротуары подметены летом к 7-ми час. утра, зимою к 8-ми час. утра, канавы, тротуары, мостки содержались в исправности; зимою и во время гололедицы тротуары были бы посыпаны песком или опилками. При очистке крыши от снега, постройке и ремонте зданий, починке мостовой, у собранных куч мусора, снега, льда, во избежание несчастных случаев, должны стоять рогатки, а ночью фонари.

Милиционеры должны обращать внимание на вред-

ные испарения, смрадный запах и исследовать причину его, требуя немедленного устранения и в случае ослушания докладывать начальству...

5) Обязанности милиционеров по предупреждению и прекращению беспорядков от недосмотра за животными

Требовать, чтобы животные по улицам не бродили (бродячий скот доставлять в участок). Чтобы никто без ведома полиции не держал и не воевал по улицам хищных зверей — волков, медведей, рысей и лисиц. При появлении бешеной собаки стараться убить ее, а пострадавших от укуса направлять в больницу...

6) Обязанности милиционеров в несчастных случаях

Милиционер обязан заблудившихся детей, предварительно их успокоив, отправлять домой, а если они адреса не знают — в участок. При сильных ушибах, падениях, ранении кого-либо из публики, милиционер обязан доставлять пострадавшего на квартиру или больницу... При обмороке или внезапной тяжелой болезни, угаре, поражении молнией и т. п. случаев, милиционер при помощи граждан должен перенести пострадавшего в ближайший двор... Скоростижно умерших и убитых оставлять в том положении, в каком они найдены... Если кто-либо повисился или впал в обморок от угара, должно приводить в чувство при помощи граждан...

В случае пожара дать знать по телефону или на извозчике в участок, а самому стараться: помочь больным, детям, охранять имущество от расхищения... При пожарах на чердаках распорядиться об очистке чердака от хлама и заставить жителей дома тушить пожар ивабрами, метлами и водой.

7) Обязанности милиционеров по предупреждению и пресечению преступлений

Милиционер должен следить за подозрительными людьми и притонами. ...Задержать, подвергнуть допросу несущих узлы: кто он, откуда и куда несет. В случае подозрения навести справку у сторожа, старосты, домохозяев — не случилось ли кражи? И если подозрение подтвердилось направлять задержанного с вещами в участок.

...Воспрещать наклею объявлений и афиш, писанных и печатных, призывающих к насилию и безнравственного содержания.

При преследовании кем-либо преступника, задержать и препроводить вместе с преследователем в участок.

Задерживать не повинующихся распоряжениям Правительства и подстрекателей к неповиновению и препровождать в участок.

8) Обязанности милиционеров при назначении во временные наряды

Управлять движением публики спокойно, вежливо, но с достоинством и настойчиво. Предупреждать воровство. На местах, где курение табаку воспрещено, вежливо предлагать не курить...»

По большому счету, если убрать из текста проблемы отпрягания и кормежки лошадей на улицах, а также заменить извозчиков на такси, то положения инструкции (с некоторыми корректировками) вполне применимы к сегодняшнему дню.

Более того — многие требования к первым милиционерам города очень хотелось бы применить и к нынешним их потомкам-коллегам. Впрочем, помимо требования инструкции об обращении с гражданами «с достоинством, но не грубо», новониколаевской милиции в процессе своего рождения в 1917 г. пришлось решать еще массу проблем.

Милиция в Новониколаевске стала формироваться взамен полиции в первые же дни Февральской революции 1917 г. И, как и любая структура, создающаяся на пустом месте случайными людьми, милиция далеко не сра-

Базарная площадь, начало XX века

зу сумела полноценно приступить к своей задаче — охране порядка.

Первое, что сделал Комитет общественной безопасности (КОБ, действовавший как высший орган городской власти от имени Временного правительства), — объявил о ликвидации городской жандармерии, чины которой были разжалованы и отправлены на фронт. В полицию, которую обязали «временно» продолжать работу, были назначены комиссары от КОБ.

Одновременно с этим началось создание городской народной милиции, к которой и должны были перейти полицейские функции.

Уже 6 марта Главным комиссаром городской милиции был назначен большевик Стефан Завадовский, музыкант по профессии. (О фантастически яркой судьбе «первого милиционера Новониколаевска» будет рассказано в заключительной части очерка). Под его руководством начался набор первых милиционеров города. Шел он трудно и хаотично.

Было решено принимать в ряды новой службы «членов демократических и социалистических партий всех направлений и национальностей, мужчин и женщин, не правее республиканцев-демократов, а также членов профессиональных обществ, союзов и кооперативов». Допускалось (от безвыходности) и зачисление в милицию нижних чинов бывшей полиции.

И тем не менее, не только опытных, но и просто грамотных людей катастрофически не хватало. Да и отношение к органам правопорядка (как старым, так и новым) в обществе оставалось крайне негативным.

Так, общее собрание новониколаевского Совдепа 6 апреля 1917 г. вынесло специальную резолюцию: «Что касается в частности сысского отделения, Совдеп полагает необходимым устранить систему уголовного шпионажа, так как уголовные шпионы черпаются из подонков общества, и, чтобы оправдать свое существование, сыщики способствуют созданию притонов и часто преступлений». В такой ситуации даже военнослужащие, командированные для работы в полицейско-милицейские органы решениями солдатских комитетов, всячески этой работы пытались избежать. Прапорщик 22 Сибирского стрелкового полка Харченко даже обратился к командиру полка и в Совет военных депутатов с просьбой сложить с него обязанности помощника полицейского комиссара, «так как звание офицера, якобы, несовместимо

с обязанностями сыщика». Исполкому Военсовета пришлось прапорщика буквально уговаривать, разъясняя, что после революции «полицейский институт становится первостепенной и государственной ценностью и необходимостью» и «служение в нем не кладет какого-либо морального пятна на нравственный облик человека».

На этом фоне регулярно публиковавшиеся в новониколаевских газетах призывы («Комиссариат по предупреждению преступлений уголовного характера, обращаясь к чувству вашего гражданского долга, приглашает интеллигентных лиц для службы по охране города за определенное вознаграждение») особого отклика у «интеллигентных людей» не вызывали.

А «криминогенная обстановка» (как принято сейчас говорить) ухудшалась в городе с каждым днем.

Вот что писала городская газета «Голос Сибири» весной 1917 г.: «Редкая ночь проходит без выстрелов в той или иной части города. Пожары учащаются. По городу циркулируют слухи о каких-то организациях поджигателей, о бандах гастролеров-грабителей, наехавших из Барнаула». Сообщалось о том, что неизвестные аферисты проводили обыски под видом милиции (вероятно, потому, что отличить милиционера от налетчика было затруднительно).

Кражи и грабежи стали обычным делом. Настолько обычным, что печатались сообщения о них в местных газетах наряду с повседневной хроникой. Причем большинство этих сообщений кончалось припиской, что совершено преступление «неизвестно кем».

Вот стандартное сообщение из городской хроники 1917 г.: «Общество попечения о народном образовании почти ежедневно подвергается ограблению. Взламываются театр, буфет и все, что попадет, крадут. В ночь на 15 ограбили буфет. Увезли 27 штук стульев. В течение месяца буфет ограбили уже три раза». Стоит обратить внимание на меланхоличность текста — дело-то уже привычное...

Впрочем, встречались сообщения и довольно неординарные.

«4 июня при обыске в квартире Ивана Маскаленко, по Омской ул., 45, обнаружено несколько фальшивых рублевого достоинства билетов, резаная бумага, подбор красок и другие препараты для фабрикация фальшивых кредиток. Москаленко, его сожительница Каменская и ее дочь арестованы».

«Муж и жена Кавелины поехали в лес за грибами. В лесу между ними возникла ссора, следствием которой яви-

лась драка. Во время ее жена ударила мужа два раза топором. Кавелина отправлена за это в тюрьму, а Кавелин со слабыми признаками жизни — в больницу».

«В лавку общества потребителей явились цыгане и предложили приказчику, что они могут наделать много денег. Приказчика это предложение заинтересовало настолько, что он согласился принять участие в работе. Цыгане нарезали бумажек и попросили приказчика дать им кредитных билетов, которыми бы было можно переложить бумажки, и положить под пресс на целые сутки. Вознаграждение за совет цыгане решили получить тогда, когда приказчик сбудет фальшивые деньги. Любопытство приказчика взяло верх над всем: он сразу же по уходе цыган посмотрел в пресс и оказалось, что там кредиток не было. Правление общества, узнав об этой истории, назначило ревизию, во время которой обнаружена была недостача в 4000 руб.»

Кражи денег из кружек для церковных пожертвований, попытки взлома складов, снятое на улице с прохожего пальто...

На общем собрании Совдепа 28 июня 1917 г., посвященном охране города, представители гормилиции отбивались от упреков в свой адрес: «Милиция находится в таком положении, что как будто у нее связаны руки. Милиция поймает вора, а через день он появляется на свободе, не знаем, каким образом его выпускают. О нас как-то

езде забывают, забыли, кажется, и в Совдепе. Милиция вообще как-то является для всех посторонней».

С одной стороны, почва для подобных объяснений была. На май 1917 г. среди милиционеров были эсдеки, эсеры, «бундовцы», работники «Холодильника», шорного завода, железнодорожного фабрично-заводского предприятия, союзов пекарей, общественных помощников врачей, Мусульманского союза и Союза грузчиков. Вот такая «сборная солянка». Да и общая численность милиционеров (вместе с техническими служащими) составляла 179 чел. Этого катастрофически не хватало, и гарнизон выделил 497 солдат для патрулирования улиц.

С другой стороны, никакого восторга и уважения повседневная работа милиционеров у горожан вызвать никак не могла. Вот только одно сообщение о деятельности милиции: «В районе Вокзального отделения милиции, около городского ассенизационного обоза, был обнаружен труп неизвестно кем зарезанной коровы.

Начальник Вокзального отделения, чтобы выяснить, кто является виновником этого, послал двух милиционеров — Мальцева и Осинцева — засесть в кусты и ждать, не будет ли кто брать корову и выследить, куда ее повезут.

Милиционеры засели в кусты и останавливали всех проезжающих и проходящих мимо. Ночью же они безо всякой нужды открывали беспорядочный огонь и израсходовали девять патронов. Кроме того милиционеры, ухो-

дя говорить по телефону, оставляли сторожу ассенизационного обоза казенный карабин и шашку, обучив его, как действовать оружием.

...За все это начальник милиции предлагает начальнику Вокзального отделения объявить милиционерам от его имени выговор, взыскать за израсходованные патроны 1 руб. 80 коп. и предупредить, что в следующий раз за халатное отношение к делу они будут уволены».

В ужас от такой «защиты» приходили не только граждане, но и милицмейское начальство. Но сделать они вряд ли что-то могли. От очередного приказа начальника гормилиции (август 1917 г.) откры-

Новониколаевская пристань в начале XX века

венно веяло безысходностью: «Начальник гормилиции доводит до всеобщего сведения, что ему приходилось встречать на улице милиционеров без пояса, в расстегнутых шинелях, волочащих за собой по земле винтовку, причем при встрече с ним многие стараются не узнавать его. Нужно полагать, они также поступают и с прочими начальниками.

Кроме того наблюдалось, что милиционеры, являясь на пост, залезают в будку и полулежат в ней все время. Если кто из граждан обращается к ним с вопросом или за помощью, то они, не изменяя своего положения, дают ответы такие, чтобы отвязаться. Такое отношение к службе недопустимо...»

Неудивительно, что такая разношерстная новониколаевская милиция объявила во время Октябрьского переворота о своем нейтралитете, пальцем о палец не ударив, чтобы защитить власть.

А еще через месяц 126 новониколаевских милиционеров подписали заявление о лояльности к Советской власти, а шесть не подписавших были уволены.

Потом часть этих же самых милиционеров служили у «сибирцев», свергнувших Совдеп, потом они же — у Кол-

чака, разогнавшего «сибирцев», потом — снова у окончательно закрепившейся Советской власти.

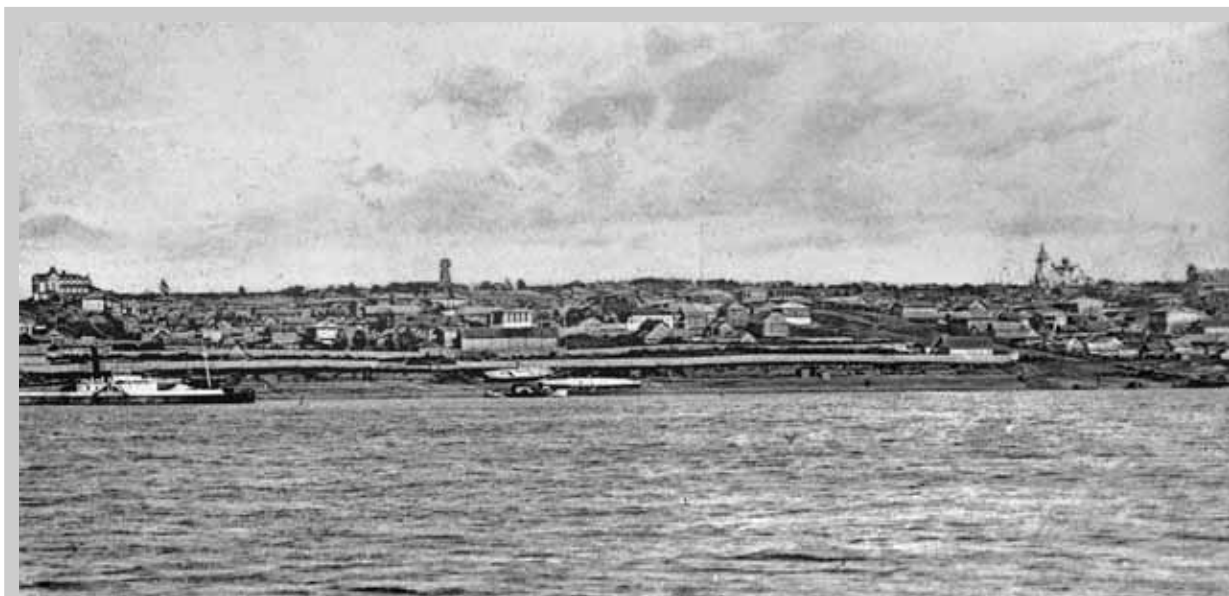
Вот такая вот «загогулина» получилась.

Первые месяцы существования созданной в 1917 г. милиции Новониколаевска напоминают порой своеобразную смесь романтических баллад с бульварными рассказами и фантастическими повестями. Что не удивительно.

Ведь первым начальником новониколаевской милиции стал человек фантастически яркой судьбы — Стефан Завадовский.

«Завада» по-польски — препятствие, преграда. Вся жизнь Стефана Николаевича Завадовского оказалась преодолением больших и малых преград. Родился он в Нарыме, в семье польских ссыльнопоселенцев, — его дед, активный участник польского восстания 1863 г., получил сибирскую ссылку. Людей сорвали с родных мест, выдернули из привычной среды и швырнули «без ничего» буквально «за тридевять земель».

Впрочем, в Нарыме Завадовские достаточно быстро освоились, скупали рыбу, мясо, орехи у местных, отправляя все это в Томск, а полученные из Томска товары реализовывали через свои магазины в Нарыме с приличной

Закаменская часть города

прибылью.

Туда же, в губернский Томск, как настало время, для обучения в гимназии отправился и Стефан. Учился неплохо, попутно увлекаясь чтением «полуподпольной» по тем временам литературы вроде романа Чернышевского «Что делать?» Так что после гимназии в Томскую духовную семинарию юноша попал уже с восторженными романтическо-демократическими взглядами.

По окончании семинарии получил приглашение преподавать в новониколаевском мужском училище (с 1913 г. — Новониколаевское реальное училище имени Дома Романовых). И вот тут-то, как и полагается у всех романтических героев времен революции, его биография таинственным образом «раздваивается», причем обе версии существуют официально.

Судя по энциклопедии «Новосибирск» (Н-ск, 2003 г.), Завадовский «в 1906 г. приглашен в кач. препод. в Новоник. частное мужское уч-ще... сближается с местными социал-демократами и в февр. 1908 г. входит в состав Новоник. к-та РСДРП. В 1912 г. арестован и отправлен в Томск. После трехмесячного тюремного заключения за недостаточностью доказательств был освобожден. Уезжает из Сибири, чтобы продолжить муз. образование».

А вот в 1917 г., по «горячим следам», депутат Городского народного собрания (как и Завадовский), социал-демократ Геннадий Сушкин, прекрасно знавший Завадовского и друживший с ним, публично излагал подробности биографии нашего героя несколько по-иному: «...В 1905 г. он принимает деятельное участие в освободительном движении. При подавлении революционного подъема 1905-06 г. Стефан Николаевич вынужден скрываться от преследований мстительных слуг восторжествовавшей реакции. С. Н. уезжал из Н.-Николаевска в надежде пробраться за пределы досягаемости. Но это ему не удается. С. Н. арестуют в Томске» (новониколаевская газета «Голос Сибири», 11 июня 1917 г.).

Расхождение в датах и в подробностях, учитывая напряженность ситуации, согласитесь, довольно значительное. Однако тогда, в 1917 г., никто в Новониколаевске разночтения эти не опроверг — ни в дате появления Завадовского в Новониколаевске, ни в дате и обстоятельствах его отъезда.

Кстати, в июне-июле 1908 г. горком РСДРП был практически полностью разгромлен полицией, 6 человек получили по суду ссылку в отдаленные районы Иркутской губернии.

Фамилия Завадовского в «Хронике Новосибирской организации КПСС» (Т. 1, Н-ск, 1988 г.) не упоминается вообще. Если не считать, конечно, «и др.» в перечислении состава новониколаевского комитета РСДРП. То, что Завадовский был не просто социал-демократом, но и, якобы, большевиком, впервые было упомянуто лишь в уникальной по тиражу (1 тыс. экз.) книге Михаила Ефремова «80 лет тайны (Власть и милиция Сибирского края 1917—1937)» (Н-ск, 2002 г.).

В Новониколаевске ли, в Томске ли, но в 1912 г. Завадовский действительно был арестован именно по делу Обской группы РСДРП. И, действительно, спустя три месяца был освобожден при обстоятельствах более чем фантастических.

В 1917 г. член исполкома Городского народного собрания меньшевик В. Холкин рассказывал, что Завадовский «был освобожден по отсутствию улик, так как все дела по союзу были потеряны жандармским ротмистром, производившим дознание» («Голос Сибири», 11 июня 1917 г.). Пожалуй, Завадовский оказался единственным подобным «счастливчиком» среди всех новониколаевских эсдеков того времени. О судьбе мифического ротмистра история умалчивает, хотя интересно было бы посмотреть, как он, имея «на руках» арестованного подследственного, уже в течение трех месяцев дающего какие-то показания, приходит к начальству и жалуется: «А я «дело» потерял!»

Так или иначе, но после освобождения Завадовский политику на какое-то время бросает. По воспоминаниям его друзей, уезжает получать полноценное музыкальное образование за границу (при «проклятом царизме» выехать можно было даже «политически неблагонадежным»).

Кроме того, в 1915 г. заканчивает Императорскую Московскую консерваторию, короткое время работает преподавателем в Уфимском музучилище. Возвращается в Новониколаевск, моментально получает место в том же самом реальном училище им. Дома Романовых. В 1916 г. открывает первую в городе музыкальную школу (частную), под которую арендует в центре города «просторный деревянный дом» у семьи купцов Суриковых на ул. Кузнецкой (ныне — Ленина), рядом с женской гимназией (интересно, продолжал ли он в это время числиться членом комитета РСДРП?). Ученикам преподают курсы игры на фортепиано, виолончели, скрипке, хорового пения и т. д. Преподают в частной школе «свободного художника С. Н. Завадовского» (так шло в рекламных объявлениях) лучшие музы-

канты города.

Одновременно Стефан Николаевич становится общественным деятелем — буквально мечется по городу среди «высшего общества» и интеллигенции, создавая городское музыкально-драматическое общество. На вечера-концерты общества собирался весь городской «бомонд». Это был своеобразный «городской клуб для ВИП-персон», если перевести на сегодняшний язык.

Можно было послушать музыку, пообщаться, обменяться мнениями, и все — при деятельном ненавязчивом участии общительнейшего, обаятельного и эрудированного Стефана Николаевича. И вот тут-то грянул Февраль 1917 г.

С первых дней революции Завадовский — в центре общественной жизни. На собраниях в Городском торговом корпусе, на митингах. И везде — выступает. Ни содержание, ни тексты, к сожалению, не сохранились. Но результат был налицо — только что созданный 3 марта 1917 г. Комитет общественной безопасности города (КОБ) назначает директора частного музыкального училища комиссаром почты и телеграфа. Но это — не то, это — мелочь, несерьезно! В такие дни почтовый штемпель в руках — обуза, а лучший скрипичный смычок для Истории — «трехлинейка» Мосина. Неведомо как, но уже 6 марта Завадовский (вновь оказавшийся «социал-демократом») назначен главным комиссаром городской народной милиции.

Как спустя всего несколько недель писал его друг, уже цитировавшийся эсдек-меньшевик Сушкин, «дорогой товарищ, со всей свойственной его художественной натуре увлечением, и талантливый артист работал с необычайной энергией... над организацией милиции».

Таких артистических натур, взявшихся с энтузиазмом за «новое дело», в годы революции было много. Алексей Толстой в трилогии «Хождение по мукам» очень ярко описал вполне реального Льва Задова, начальника контрразведки в армии Нестора Махно: «Непонятно, как ты раньше обо мне не слыхал. Одесса же меня на руках носила: деньги, женщины... Во всех же газетах писали: Задов — поэт-юморист... Интересная у меня биография. С золотой медалью кончил реальное. А папашка — простой биндюжник с Пересыпи. И сразу я — на вершину славы. Понятно: красив как бог, — этого живота не было, — смел, нахален, роскошный голос — высокий баритон... Каскады остроумных куплетов... Эх, разве Задову чего-нибудь жалко, — все променял шутя! Анархия — вот жизнь!

Мчусь в кровавом вихре... Шибко любят меня, шибко...»

Человек-фейерверк, человек-праздник, человек-фантазия. Какую милицию он смог создать на деле — мы уже писали.

Кстати, первая «Инструкция для милиционеров» была написана именно Завадовским.

Он буквально ни единой минуты не был в состоянии покоя, отдыха. Его Милиция стала его самым главным, фантастическим концертным представлением. И для этого концерта сил он не щадил. «Он работал над порученным ему общественно-необходимым делом со всей свойственной ему энергией, с крайним напряжением всех своих духовных и физических сил.

И, израсходовав весь запас этих сил... он пал бездыханным трупом. Отдых от непосильной работы лишь за 2 с половиной дня до смерти», — скажет эсдек Сушкин на похоронах Завадовского. Главный комиссар городской народной милиции скончался 9 июня 1917 г. за своим рабочим столом. По заключению врачей — «от нервного истощения».

Хоронил его весь город. От его училища гроб, впереди многотысячной толпы, несли депутаты, затем — милиционеры. «Со святыми упокой...» над толпой сменялось «Марсельезой» и «Вы жертвою пали...», пение заглушали звуки похоронного марша гарнизонного военного оркестра. Останавливались перед КОБом, перед Совдепом, у часовни — батюшка служил литии. У часовни и он не выдержал — после службы заговорил о том, какой это был общественный деятель.

На кладбище, на похоронах — речи от Совдепа, от эсдеков, от эсеров, от КОБа... Председатель исполкома КОБ Жернаков, как писали в отчетах городские газеты, «так был растроган, что говорить не плача совершенно не мог». В газетах печатали стихи, посвященные памяти Завадовского.

Похороны состоялись на «Новом кладбище» — в районе нынешней «Березовой рощи». Могила не сохранилась.

«Музыкант, артист по духу и образованию, социал-демократ по убеждению...»

В 1917 г. «первому милиционеру Новониколаевска» Стефану Николаевичу Завадовскому исполнился только 31 год.

P.S. «Смотрите, Шура — таких людей теперь совсем уже нет, а скоро совсем не будет». (И. Ильф, Е. Петров «Золотой теленок»).

Вечно неудачливые «черносотенцы»

Союзу русского народа (в просторечии — «черносотенцам») в Новониколаевске не везло практически с момента его появления. Не везло и организации в целом, и ее наиболее активным членам по отдельности. Невезение продолжилось и после того, как Союз навсегда канул в историю.

Даже объединявшая членов Союза нелюбовь к евреям — и та «посмеялась» в итоге над «черносотенцами».

«Союзники» (как они сами себя называли) в Новониколаевске организовались достаточно поздно по сравнению с остальной Россией и даже с Сибирью. Только 21 февраля организовался местный отдел «союзников».

Организаторами и активными участниками его стали местные предприниматели средней руки, по преимуществу связанные с мукомольным производством, купцы, домовладельцы.

Появление в Союзе мощной «фракции мукомолов» не случайно — Новониколаевск в первое десятилетие XX века давал половину губернского и треть всего западносибирского объема мучного помола. Что же касается «домовладельцев», то этот термин звучит солидно и неприступно сейчас.

Новониколаевскими домовладельцами были и глава семьи «профессиональных революционеров» плотник Иван

Шамшин, и извозчик Евсей Метлин (в его доме на сегодняшней ул. Ленина, 35 — дом-музей Сергея Кирова). Так что «домовладелец» — это зачастую было лишь дополнение к какому-то более основательным занятиям.

Домовладельцем был и один из самых ярких местных «союзников» — мещанин, скорняк (а также — предприниматель) Родион Копылов. Усадьба его (за исключением надворных построек), хоть и с приключениями, но сохранилась до сих пор — на углу ул. Красноярской, 112 и 1905-го года (бывш. ул. Переселенческая). Став своеобразным «памятником» местному отделу Союза русского народа и его самому неумному активисту. Председателем отдела стал И. Семенов, державший торговлю скобяными изделиями на Базарной площади (ныне — пл. Ленина), товарищем (заместителем) председателя — торговец И. Мелихов.

Всего в Союз при организации записалось около 40 членов, в 1911 году их количество в городе составляло около 1100, а годовой оборот организации достиг 3 млн. руб. И на выборах в городскую Думу 1909 года «союзники» вроде бы неплохо выступили.

Хотя большинства не набрали, но, тем не менее, 16 «своих» в представительную власть провели. При этом изрядно «подергав нервы» «прогрессистам» (либеральной части), особенно — издевательски поаплодировав при сообщении, что бывший городской голова «прогрессист» Александр Беседин на выборах не прошел, «забаллотирован».

«Культурный победитель никогда не позволит себе плясать на трупе побежденного. Знайте это!» — сообщила «союзникам» городская «прогрессистская» газета «Народная летопись». Ее основатель — один из многолетних гласных (депутатов) городских представительных органов «прогрессист» Николай Литвинов очень «неровно дышал» к «союзникам».

То газета между делом сообщала, что в «патриотическом» киоске «союзнические издания вкладываются в «Народную летопись». Хотя, по логике, перед подобными финтами «Народную летопись» надо было где-то купить, зачем же ее потом распространять даром? То газета искренне радовалась, что Копылову отказано во взыскании штрафа с Литвинова за публикацию недостоверной информации. А отвечать-то «союзникам» было негде.

С 1906 по 1917 годы в городе выходило (не одновременно, конечно) почти полтора десятка «прогрессистс-

Значок Союза русского народа

Предвыборная черносотенская листовка

Николай II встречается с представителями Союза русского народа

ких» газет, а вот собственное издание «союзникам» организовать так и не удалось. Оставалось рассчитывать на эпатажность собственных заявлений, вполне резонно рассудив, что в своей прессе «прогрессисты» их не смогут обойти.

Расчет сработал. Заявления Копылова и гласного Думы «союзника» Кирилла Полякова «вражеские» газеты печатали практически дословно.

Поляков, кстати, из Новониколаевска торговал зерном, мукой, макаронами от Одессы и до Николаевска-на-Амуре; имел пай в товариществе «Сибирский мукомол»; пять доходных домов, где жилье сдавалось в аренду; а также держал в городе обувную торговлю в самом центре. Да и как было не печатать того же Копылова, которого в городе «за глаза» иначе как «язвой» и не называли?!

Вот он выступает по отчету городского головы Владимира Жернакова в 1913 году: «После блестящего выступления городского головы мне нечего говорить. Лишь с цифрами в руках можно возражать против него. Но цифр этих у нас нет, добыть их нам не удалось. Кирпичный завод будет выгоден лишь тогда, когда хозяйство поведется рационально и знающими людьми. Городская

управа машины выписала, но они почему-то до сих пор валяются в кладовых. Каждая городская копейка — слезы!

...Как член ревизионной комиссии, я просил у городского головы книгу протоколов юрисконсульта. Городской голова сказал, что книгу я могу получить через неделю. Но не на того напал! Давайте, говорю, сейчас! Дали.

...Улицы вымостили. Когда я явился на приемку мостовой и спросил у заведующего инженера, сколько квадратных выложено, он ответил «Не знаю» и размер мостовой определил: «От такой и до такой улицы».

Почему мостовая не затрамбована, почему, согласно кондициям, сверху не снят слой грязи?

В дождливое лето, как прошлое, мостовую размает. Деньги надо употреблять на дело. Мостовая сделана нехозяйственно! Просвещенные нас не знают и в дела хозяйственные не вникают. Не знают, что деньги наживаются не приходом, а расходом!»

Подробно публиковавшиеся ответные выступления гласного Литвинова с кучей цифр уже никого не убеждали.

Но... Не везло «союзникам!» Их многолетняя борьба с полицмейстером Висманом и его коллегами, открыв-

шими, в частности, неправдоподобно большое количество нелегальных публичных домов, вроде бы, завершилась успехом — чины полиции получили по суду отправку в арестантские роты. Беда в том, что среди фигурировавших на суде заявлений «от пострадавших» было слишком много заявлений «союзников».

Не очень-то эти «страдания» вязались с обликом их «истинно православных» авторов.

Не успели «союзники» создать в городе Общество потребителей (для закупки и продажи его членам продуктов и промтоваров по доступным ценам) — «прогрессисты» создали свой аналогичный кооператив «Экономия». Причем в руководстве его чередовались ссыльные эсеры со ссыльными же эсдеками.

Создали «союзники» общество взаимного страхования имущества от огня — подоспела, как на грех, очередная серия пожаров, пришлось платить.

...Собственно, и последнее невезение «союзников» было связано тоже с пожарами. После Февральской революции в 1917 году они попали под очень крепкий «пресс» как «защитники самодержавия». Арестованный 8 марта председатель Союза Мелихов заявил, что «раньше был черносотенец, а теперь считается и признает создавшееся положение». Копылов отречься не стал. Был арестован вместе с еще восемью активистами Союза 12 марта. 1 мая (!), как бы в издевку, Копылова с остальными выпустили. А в городе-то за это время прошла волна пожаров!

Газеты сообщили, что 3 мая «выпущенные 1 мая на свободу черносотенцы снова задержаны и отправлены в тюрьму. Кроме них арестовано еще 30 человек».

Уже 12 мая все арестованные (40 человек), которые «якобы принимали участие в поджогах», освобождены за отсутствием улик. И так далее, и так далее...

Как там писали в 1909 году «прогрессисты» о «культурных победителях»? На этом, собственно, Союз в городе и кончился.

Но... 28 июля 1929 года в «Советской Сибири» опубликовали подборку «антирелигиозных» писем. В том числе — и с предложением превратить синагогу в клуб грузчиков. Собственно, именно грузчиков хватало в свое время среди рядовых «союзников»-«черносотенцев».

Кто-то из «ответоварищей» вспомнил об этом, вздрогнул от «ненужных аллюзий»...

Синагога простояла в городе еще с десяток лет.

Как Красная гвардия с милицией воевала

Красная гвардия создавалась в Новониколаевске в 1917 году с большим трудом. Однако, в конце концов, созданные структуры «красногвардейцев» в итоге как бы «испарились», исчезли.

После окончательного установления в городе Советской власти, в декабре 1919 года, «красногвардейские» подразделения никто не стал восстанавливать. Казалось бы, загадка — ни одна власть никогда не отказывалась от дополнительных силовых структур.

На самом деле никакой загадки нет. Если знать предыдущие «подвиги» новосибирских «красногвардейцев», то становится понятно, что никакой власти они были не нужны, более того — просто опасны. В условиях «безвластия», точнее — одновременного присутствия в городе нескольких властей, сама идея создания Красной гвардии, подчиненной Совдепу, была вполне логичной.

Властей было в городе настолько много, что единовластия, естественно, не существовало. Комитет общественной безопасности, Городское народное собрание, Городская Дума, городская управа, рабочий Совдеп, крестьянский Совдеп, военный Совдеп.

Причем Совдепы, по их заявлениям, находились в «соподчинении» избранным органам городской власти. И что самое примечательное — в каждом из этих властных органов были и эсеры, и меньшевики, и большевики, и прочие беспартийные граждане.

То же самое происходило и в милиции. «Старые» органы охраны порядка — полиция и жандармерия — были распущены, в милицию, подчинявшуюся городской управе, набирали всех. Но в первую очередь — тех, кого рекомендовали «революционные партии» или профсоюзы. С вооружением было плохо, милиционеры приглашались на

службу со своим оружием (включая охотничьи ружья и берданки). Более того — на вооружение от безвыходности бралось и оружие, изъятое при арестах у преступников.

Хотя, по сути, оно являлось вещественным доказательством и никакому повторному использованию не подлежало.

Единой формы не было, ходили на службу кто в чем, и отличить милиционера от рядового гражданина можно было только по повязке с буквами «Г.М.» (городская милиция).

Пока в Совдепе не взяли власть большевики, а центральная власть не поменялась в очередной раз после Октябрьского переворота, дела с формированием Красной гвардии шли туго. Точнее — просто никак, невзирая на неоднократные резолюции Совдепа о ее создании. Еще одна «многопартийная» вооруженная структура, по большому счету, не нужна была никому.

После того, как большевики окончательно разошлись с меньшевиками, «выдавили» их и эсеров из состава Совдепа, и уж тем более после Октября ситуация кардинально изменилась. С гарнизонных складов для вооружения Красной гвардии были получены 400 винтовок, 10 пулеметов и 4 тыс. патронов. Утвердили устав Красной гвардии, записав в ее задачи борьбу с контрреволюцией, защиту ре-

волюционных завоеваний и только третьим пунктом — поддержание порядка и спокойствия, охрану общественной и имущественной безопасности.

И вот тут-то выяснилось, что, собственно, надежных людей для организации Красной гвардии в городе практически не осталось — часть к этому времени направили служить в милицию, часть ушла на фронт. В общем, оружие есть, вооружать — некого. И это притом, что в городе была массовая безработица.

Газеты публиковали отчаянные письма бывших офицеров: «Работы нет никакой, есть нечего, остается записаться большевиком в Красную гвардию».

Хотя как раз бывшим офицерам (так же, как и бывшим полицейским) путь в «красногвардейцы» был закрыт.

По воспоминаниям сибирского писателя Бориса Попова, для зачисления в Красную гвардию была необходима рекомендация члена большевистской партии. Хотя и это никакой гарантии не давало. Фактически Красная гвардия формировалась как попало и из кого попало.

«Красногвардеец» Трофимов до поступления в ряды «защитников порядка» успел отсидеть в Бугринке за поджог, а после поступления устроил в центре города пьяный дебош со стрельбой. Другой «красногвардеец», также пья-

Городской торговый корпус, фото 1911-1915 гг.

ный, ворвался в храм Александра Невского во время соборания мирян, избил служащего, угрожая винтовкой требовал закрыть храм «к черту». Ситуация сложилась просто уникальная — в рядах «красногвардейцев» одновременно оказались большевик Рейман и бывший член «Союза русского народа» (организация черносотенцев) Титин.

Подобная «разношерстность» немедленно дала свои результаты. Во время обысков в поисках оружия «красногвардейцы» умудрились обыскать заодно и квартиру директора музыкальной гимназии Свенторжецкой; портной Третьяков после обыска отрядом «красногвардейцев» во главе с левым эсером Полковниковым приносил через газеты извинения клиентам — материал заказчиков «испарился».

Собственно, единственным удачным мероприятием Красной гвардии стало занятие здания Городской Думы. Да и то... Безоружные депутаты здание покинули, а собравшаяся безоружная толпа криками и руганью так напугала вооруженных «красногвардейцев», что они просто забаррикадировались в захваченном здании.

Примечательно, что после занятия здания из него бесследно пропал архив местного жандармского отделения: списки агентуры, провокаторов, донесения, фотографии, расписки в получении денег. Архива больше никто никогда не видел.

Неудивительно, что призывы таких «охранников порядка» к гражданам сдавать оружие (в том числе охотничьи ружья) особого отклика не имели. Более того, местный комитет партии эсеров (крупнейшей на тот момент партийной организации города) принял и опубликовал в газетах обращение к своим членам и сторонникам: «Оружие не сдавать! Партия в ответ на насилие будет вынуждена прибегнуть к испытанному средству — террору».

В общем, с Красной гвардией у Совдепа «не заладилось». Вполне логичным шагом была попытка взять под контроль уже существующую милицию. Милиция упорно сопротивлялась, заявив о своем «нейтралитете» в политической борьбе. Совдеп сумел «продать» на общем собрании милиционеров создание Совета милиционеров (нечто вроде профсоюза), во главе которого поставили уже упоминавшегося «красногвардейца» Реймана. Милицейских начальников пришлось отстранять не столь элегантно, путем, и тут-то и пригодилась Красная гвардия с ее специфическими методами.

25 января 1918 года «красногвардейским» отрядом в 25 человек был арестован и препровожден в тюрьму началь-

ник городской милиции Вележев (его помощнику Морозову удалось скрыться). На следующий день Вележева выпустили — оснований для ареста не было никаких, кроме отказа подчиняться Совдепу.

В ночь с 30 на 31 января «красногвардейцы» нагрянули к начальнику Переселенческого участка милиции Львову, причем в его отсутствие. Подойдя к дому и заметив подозрительных во дворе, Львов крикнул предупреждение, оттуда выстрелили, Львов открыл ответный огонь из револьвера.

Одного из неизвестных ранил в руку, второй нанес милиционеру несколько ударов штыком. Дальнейшее описывала газета «Свободный голос Сибири»: «Львов вбежал в участок милиции, крикнул: «Товарищи, напали грабители!» и упал на койку.

Вслед за ним ворвалась и толпа красногвардейцев.

Красногвардеец Шмурыгин (левый эсер, один из руководителей Красной гвардии. — А.К.) подбежал ко Львову, приставил револьвер к его окровавленной груди, кричал «Убью!» Затем Шмурыгин приказал Львову встать и идти в тюрьму.

Львов ответил, что он не может идти, и просил нанять ему за его счет извозчика. На это Шмурыгин сказал, что если он не может, то штыки ему дадут возможность идти.

Наконец Львов встал, пошел, но дорогой от истечения крови несколько раз падал в обморок».

Через несколько дней Львов был освобожден — «за отсутствием состава преступления». Показательным арестам подверглись и другие начальники милицейских участков. Перестали платить жалование.

Милицию «додавили» — новое общее собрание заявило о переходе под начало Совдепа. Однако времени у Совдепа уже практически не оставалось.

В ночь с 25 на 26 мая 1918 года в городе произошел очередной переворот — чехов и «сибирцев». Красная гвардия даже не пыталась защищать Дом революции (нынешний театр «Красный факел»), доблестно сбежав при первых же выстрелах в городе в направлении Барнаула во главе с комиссаром Гершевичем.

...После восстановления Советской власти в городе в декабре 1919 года Красную гвардию восстанавливать не стали. Эта структура не выполнила ни одной из поставленных перед ней задач.

Новая государственная власть занялась созданием новой милиции. Но это уже совсем другая история.